

Сергей Шкенев

ШТРАФБАТ ПАВЛА ПЕРВОГО

Штрафбат Его
Императорского Величества

Спецназ Его Величества

Диверсанты Его Величества

Заградотряд Его Величества

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Сергей Шкенёв

**Штрафбат Павла
Первого: Штрафбат Его
Императорского Величества.
Спецназ Его Величества.
Диверсанты Его Величества.
Заградотряд Его Величества**

«Издательство АСТ»

2012–2014

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Шкенёв С. Н.

Штрафбат Павла Первого: Штрафбат Его Императорского
Величества. Спецназ Его Величества. Диверсанты Его Величества.
Заградотряд Его Величества / С. Н. Шкенёв — «Издательство
АСТ», 2012–2014 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-161815-5

Одна тысяча девятьсот сорок третий год. Гвардии рядовому Павлу Петровичу Романову снятся странные сны, будто бы он в старинных одеждах, парике и при шпаге разъезжает по Европе, встречается с королями и принцами, ждет не дождется, когда «горячо любимая» мамаша уйдет на тот свет, освободив причитающийся ему по закону престол Российской империи. А потом просыпается в блиндаже под Шлиссельбургом от страшной головной боли и удушья. В памяти остаются только цветной офицерский шарф и тяжелая табакерка... И смерть. Да, смерть пришла с прямым попаданием немецкого снаряда точно в блиндаж, но сознание бойца Красной армии, коммуниста с довоенным стажем, бывшего капитана милиции, разжалованного по личной просьбе маршала Тухачевского, переместилось в прошлое. И что это значит? А это значит, что наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-161815-5

© Шкенёв С. Н., 2012–2014
© Издательство АСТ, 2012–2014

Содержание

Штрафбат Его Императорского Величества	6
Пролог	6
Пролог	8
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	44
Глава 7	50
Глава 8	56
Глава 9	63
Глава 10	69
Глава 11	75
Глава 12	81
Глава 13	87
Глава 14	98
Глава 15	104
Глава 16	111
Глава 17	118
Глава 18	125
Глава 19	131
Глава 20	138
Глава 21	144
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Сергей Шкенёв
Штрафбат Павла Первого: Штрафбат
Его Императорского Величества.
Спецназ Его Величества. Диверсанты Его
Величества. Заградотряд Его Величества

© Сергей Шкенёв, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Штрафбат Его Императорского Величества

Пролог

Документ 1

«От Советского Информбюро

В течение 13 сентября западнее города Сталино (Донбасс) наши войска продолжали развивать наступление и, продвинувшись вперёд от 6 до 15 километров, заняли свыше 90 населённых пунктов, в том числе районный центр Сталинской области Большая Янисоль и крупные населённые пункты Комарь, Времёвка, Новодаровка, Санжаровский, Ворошиловка, Зачатьевка.

На Нежинском направлении наши войска, преодолевая сопротивление противника, продолжали успешное наступление и, продвинувшись вперёд от 10 до 17 километров, заняли свыше 40 населённых пунктов, в том числе районный центр Черниговской области Комаровка, крупные населённые пункты Воловица, Степановка, Британы, Евлашовка, Бурковка, Печи, Малый Самбур, Великий Самбур, Тиница, Голёнки, Гайворон, Дептовка, Кошары, Галка и железнодорожные станции Круты, Варваровский.

На Прилукском направлении наши войска продолжали развивать наступление и, продвинувшись вперёд от 10 до 12 километров, заняли свыше 140 населённых пунктов, в том числе крупные населённые пункты Хмельёв, Коровницы, Герасимовка, Бобрик, Ручки, Крутки, Харьковцы и железнодорожные станции Андреяшевка, Юсковцы.

На Рославльском направлении наши войска, преодолевая сопротивление противника, продвинулись вперёд от 4 до 6 километров и заняли свыше 40 населённых пунктов.

На Брянском направлении наши войска продолжали успешное наступление и, продвинувшись вперёд от 10 до 15 километров, заняли свыше 30 населённых пунктов, в том числе крупные населённые пункты Ивот, Цементный, Крыловка, Самара-Радица, Большое Полпино, а также железнодорожные станции Бело-Бережская, Снежетьская, Свень и железнодорожные узлы Брянск-1 и Брянск-2 (на восточном берегу реки Десна). Таким образом, наши войска вплотную подошли к городу Брянску».

Документ 2

Именной список безвозвратных потерь начальствующего состава ***38-го Гвардейск. Краснознам. мином. полка с 10 по 20 сентября 1943 г. ф. 2

1. Варзин Михаил Илларионович

Военное звание – гвардии рядовой

Должность и специальность – номер орудия

Партийность – член ВКП(б)

Место и год рождения – Вологодская обл., Вологодский р-н, дер. Глушица

1912 года

Каким РВК и какой обл. призван – Вологодским ГВК Вологодской обл.

Когда и по какой причине выбыл – 13 сент. 1943 г. Прямым попаданием в землянку снаряда противника

Где похоронен – Ленинград. обл., Шлиссельбург. р-н, восточнее 600 метр. д. Марьино

Имя, отчество и фамилия жены или родителей – жена Варзина Евгения Ивановна

Адрес местожительства – г. Вологда, ул. Урицкого, д. 29, кв. 2.

Выслано извещение – 17.09.43 г.

2. Романов Павел Петрович

Военное звание – гвардии рядовой

Должность и специальность – номер орудия

Партийность – член ВКП(б)

Место и год рождения – Горьковская обл., Кстовский р-н, дер. Слобода-Подновье
1905 года

Каким РВК и какой обл. призван – Кстовским РВК Горьковской обл.

Когда и по какой причине выбыл – 13 сент. 1943 г. Прямым попаданием в землянку
снаряда противника

Где похоронен – Ленинград. обл., Шлиссельбург. р-н, восточнее 600 метр. д. Марьино

Имя, отчество и фамилия жены или родителей – жена Романова Мария Николаевна

Адрес местожительства – Горьковская обл., Кстовский р-н, дер. Слобода-Подновье

Выслано извещение – 12 17.09.43 г.

Начальник штаба полка

Гвардии майор Паливода.

*** Начальствующего состава – так в оригинале документа.

Пролог

Затишье у нас. Значит, можно вздохнуть посвободнее. Судя по сводкам, что утром зачитывал замполит дивизиона, наши дерут фрицев в хвост и в гриву где-то на Донбассе, а мы так, прохлаждаемся. А что, заслужили передышку после закончившегося три недели назад наступления. Может, кому-то эти отбитые тридцать километров покажутся мелочью... А вот приезжайте к нам, если так кажется.

Командир полка, майор Потифоров, говорят, примеряет к погонам ещё одну звёздочку. Пусть, нам-то что? Главное, что он умудрился где-то выцыганить на два дня передвижной банно-прачечный пункт. Успеем помыться, постираться, да заодно повыведем шестиногих фашистских диверсантов – чего уж скрывать, встречаются. Немного и не часто, но бывают. Правда, как говорит товарищ капитан Алымов, они на нас от голода дохнут. Шутит, конечно, дивизионный – с прорывом блокады со снабжением стало получше, отъелись мы чутков, округлились, и теперь даже вошке есть за что зацепиться. Ничего, уничтожим и эту гадину.

А ещё прибытие бани – верная примета к наградам. Летом перед вручением гвардейского знамени приезжала, и вот сейчас. «За отвагу» непременно очистится, не иначе, вот нутром чую. Мне и Мишке. Вот наводчику, тому не меньше «Красной звезды» – батарейная аристократия, им без орденов вообще никак.

– Паша, ну ты идёшь? – Боевой товарищ заглядывает в землянку и хитро подмигивает одним глазом. Второй вчера прямой наводкой подбили соседи-самоходчики.

Вот всем хорош Мишка, но, по-старорежимному выражаясь, пагубная страсть к трофеям его когда-нибудь погубит. Зачем нужно было тот брезент экспроприировать? Приди к ихним ремонтникам с полной фляжкой, так сами отдадут. Нет же, обязательно попятить и никак иначе. Ну и заработал в рыло, заполучив вместе с фингалом почётное прозвище.

– А, Кутузов, заходи!

Я в землянке один – законопатили чуть ли не под арест по причине болезни. За полтора года ни единой царапины, а тут свалился с обыкновенной простудой. Так, ерундовина пустяковая, но горло перехватило, и в левом виске будто черти горох молотят. Ангина, как фельдшерица сказала.

– Опять бредишь? – Варзин обиделся за Кутузова. – Тут как к человеку, а он...

Смешно. Когда Мишка обижается, то становится похожим на немца с плакатов Кукрыниксов. Не знаю чем, но похож. Да он и так на вид истинный ариец – наверняка в пехоту не взяли из-за того, что свои могут перепутать и шлёпнуть под горячую руку. Не даром же особист косится. Долю с трофейного шнапса берёт, но всё равно косится.

– Да ладно, чего ты, Михаил Илларионович! – смеяться больно, а не смеяться нельзя.

– Одевайся, меня старшина прислал. Наши все помылись, только заразных в последнюю очередь запускают. – Варзин многозначительно покрутил перед носом свёртком с чистым бельём. – Горячей воды литров сорок осталось, будем как их сиятельства буржуйские графы отмокать.

– И откуда у тебя, товарищ коммунист, такая тяга к роскошной жизни?

Мишка не смущается:

– Смотри! Фрицевское пойло! Генеральское, не меньше.

Разматывает приготовленные в баню подштанники и показывает пузатую бутылку с золотой каймой по краю этикетки и синими буквами названия.

– Дай-ка сюда... – Приходится вставать и поворачиваться к свету. – Ага, точно генеральское. «Мартель Кордон Блю» тридцать второго года. Виноградники Бордери.

– Не знал, что ты по-немецки сечёшь.

– Да там на французском.

– Это всё из тех снов, Паш? – В глазах у Варзина любопытство и предвкушение. Если скажет, что опять брежу – дам во второй глаз.

Сны... Почти две недели ночных кошмаров, заканчивающихся всегда одинаково – я просыпаюсь от собственного сдавленного хрипения, хватаю воздух саднящим горлом и сижу потом до утра, боясь заснуть. И неважно где, в окопе ли, в землянке, или просто привалившись спиной к колесу «катуши» – стоит задремать, и они приходят. И меня опять убивают, задушив каким-то разноцветным шарфом.

Мишке о шарфе не рассказываю – в лучшем случае сочтёт сумасшедшим, в худшем же... А вот об остальном можно. Он сначала не поверил, решил, что разыгрываю, но потом как-то разом перестал смотреть с жалостью, будто на деревенского дурачка, и увлёкся. И требует всё новых и новых историй. После войны, говорит, книжку нужно написать, как товарищ Толстой. Ну, это, конечно, загнул... Где я, а где Алексей Николаевич? Да и интересного не очень-то много – дворцы видел, кареты, войска в старинном обмундировании, похожие на оловянных солдатиков, баб в пышных платьях с почти голыми титьками... Прямо так и есть – тряхнуть чуть-чуть, и выпрыгнут из низкого выреза точно в руки. Ещё с королём французским разговаривал у него же дома. Король не понравился. Королева, кстати, тоже. Не так, чтобы совсем страшная, а не легла душа, и всё тут.

Каждую ночь в голове кино крутится, и каждый раз новые фильмы показывает. Хорошие такие, цветные... Жаль только, заканчиваются одинаково – бьют чем-то тяжёлым и душат шарфом. Не к добру это. Убьют меня скоро, чувствую.

– Так ты мыться пойдёшь? – Мишка обрывает неприятные воспоминания тычком в бок и забирает бутылку с коньяком. – А то я один. И потом тоже...

Этот может и в одиночку, такая вот натура вологодская – что водку пить, что фрицев бить, везде поспеет.

– Погоди, Миш, сейчас иду. Внутри что-то... Ну понимаешь.

– Очень понимаю! – Варзин ухмыльнулся и зачастил, окая так, что даже мне, волгарю, завидно стало. – Чего не понять-то? Когда меня с колхозу по спине мешалкой погонили, оно тоже в грудях аж стеснение выходило.

– А это здесь с какого сбоку припёка? Хотя постой, тебя разве раскулачивали?

– Зачем? – удивился Мишка.

– Ну, не знаю...

– Не знаешь, так не говори! С председателем добром договорился – он выгоняет по хорошему, а я в область уезжаю и к его жене больше ни ногой. Да, а чо... ноги ведь там не главное.

– И что, больше ни-ни?

– Как сказать... Погодь, заболтал, Пал Петрович, совсем. Об этом начинали-то?

– О чём же?

– О понимании, Паш, исключительно о понимании! – Варзин махнул рукой и достал спрятанную было бутылку. – Вот ей, родимой, только и спасался от внутреннего угнетения. Потом уж попустило, когда женился, а так бы совсем беда. Давай что ли?

– Прямо так?

– А чо такого?

Я поискал взглядом крышку от котелка, помню же, что на столе должна быть. Ага, вот и она, на самом краешке... Взять не успел – тяжело вздрогнула земля, ударила по ногам и ушла из-под них, будто живая, а её вскрик от страшной раны утонул в грохоте разорвавшегося снаряда.

– Гаубица! – определил Мишка, отряхивая с волос сыпанувший с наката мусор. – Давеча рама кружила... гнида.

Новый близкий взрыв заставил плотнее вжаться в прикрытый брезентом пол.

– Не дрейфь, Романов! Говорят, что своей пули или снаряда услышать нельзя!
Он оказался прав – мы и не слышали.

Документ 3

«Уведомясь, что английское правительство, в нарушение общих народных прав, дозволило себе насильственным образом обидеть датский флаг заарестованием купеческих их кораблей, шедших под прикрытием датского военного фрегата; таковое покушение приемля Мы в виде оскорбления, самим нам сделанного, и обеспечивая собственную нашу торговлю от подобных сему наглостей, повелеваем: все суда, английской державе принадлежащие, во всех портах Нашей империи арестовать и на все конторы английские и на все капиталы, англичанам принадлежащие, наложить запрещение; а каким образом в сем поступить, имейте снести с президентом коммерц-коллегии князем Гагариным».

«...чтобы со стороны коммерц-коллегии приняты были меры, дабы пенька, от российских портов ни под каким видом и ни через какую нацию не была отпускаема и переводима в Англию, а потому и должно принять предосторожность, чтобы комиссии, даваемые от англичан по сей части купечеству и конторам других наций, не имели никакого действия; российскому же купечеству объявить, что ежели таковой перевод, под каким бы то предлогом ни было, открыт будет, то все количество сего товара будет описано и конфисковано в казну без всякого им платежа».

«...по существующей между сими державами теснейшей связи, не на Пруссию сие обращается, но есть общая мера, принятая правительством, к пресечению вывоза товаров в Англию», причем это запрещение «распространяется повсеместно на все Балтийские и прочие порты к единственному пресечению видов, англичанами принятых».

Глава 1

Я не слышу, я совершенно ничего не слышу, только хруст и звон падающих осколков раздавленного в руке бокала. Кровь мешается с цимлянским и пятнает манжет.

– Ваше Императорское Величество... Ваше Величество, Вам дурно? – Голос пробивается сквозь гул в ушах и звучит откуда-то издалека. Незнакомый? Знакомый и равнодушный. – Лекаря сюда скорей!

– Не нужно врачей, Александр.

Это я сказал? Наверное. Но почему все замолчали и смотрят удивлённо? Ну да, сам же запретил употребление слова «врач». Запретил? Зачем?

– С Вами точно всё в порядке? – В глубине глаз сидящего за противоположной стороной стола читается надежда на отрицательный ответ. – Пётр Алексеевич говорил...

– Вздор! – перебиваю его, и мой vis-a-vis замолкает. – Немецкий колбасник не мож. ет иметь мнение, противоречащее императорскому.

Изумление Александра сменяется потрясением, слишком молод, чтобы научиться скрывать чувства. Он, кстати, кто? Да, здесь ещё один есть... застыл с вилок, поднесённой к открытому рту. Мухи же залетят, дурачок! Это – сыновья, неожиданно приходит понимание. Мои? Нет, Пушкина... От невинной шутки вспыхивает внезапная злость, и нестерпимо захотелось найти товарища Пушкина и сослать в Сибирь, предварительно подвергнув смертной казни через расстреляние. Но разве у императора могут быть товарищи?

– Поди прочь! – Лакей в смешном напудренном парике, быстро и бесшумно убирающий осколки разбитого бокала, отпрянул в испуге. – Совсем уйди!

Молчаливый поклон, и он исчезает, пятясь задом и мелко семена обтянутыми в белые чулки ногами. Что ещё за маскарад? Или машкерад?

– Ваше Императорское Величество! – Младший (Константин, всплывает знание) уже справился с растерянностью. – Разве граф Пален может быть колбасником?

– Фон дер Пален, – поправляю сына. – И эти фашистские сволочи все одним миром мазаны. Ещё Эрэнбург говорил: сколько раз встретишь немца, столько и убей!

Господи Боже, что за ахинею я несу? Кто такой Эрэнбург? Почему нужно убить чуть ли не половину собственных генералов? Ответа нет, и в повисшем молчании слышен бой барабанов и звуки флейт за окном. И кровь капает с сжатой в кулак руки. Кап... кап... на скатерть, на посуду с затейливыми вензелями, на широкую ленту Андрея Первозванного. Зачем при параде и орденах?

Верно, при параде. А как иначе прикажете принимать присягу? Хотя да, можно и иначе – неровный, мечущийся от малейшего движения огонь коптилки, сделанной из расплющенной гильзы, тени на бревенчатых стенах землянки, заученный наизусть текст под аккомпанемент далёких взрывов, подпись химическим карандашом в придвинутом политруком журнале. Тоже присяга – образца весны сорок второго года на Невской Дубровке.

Подождите... Вспомнил! Это же сны? Те самые сны, что вижу постоянно? Аж полегчало. Значит, меня сегодня опять убьют, и я вернусь, и Мишка Варзин снова начнёт приставать с расспросами. А что тут расскажешь? И не видел ничего толком – весь день командовал марширующими под музыку солдатами, потом принимал присягу у сыновей Павла Первого, сейчас вот ужинаем втроём. Одному нельзя никак, сыпанут отравы и...

Вот опять! Это не мои мысли. И дети... Нет, дети мои. Александр, Константин, Николай, Михаил... Дочери ещё есть. Вот настрогал! Да, я помню и знаю! Эти старшие сидят не шелохнувшись, боясь спугнуть царственную мысль. Откуда, кстати, мысли? Раньше в снах не мог изменить ничего, даже слова повторялись одни и те же.

– Ваше Императорское Величество?

– Ничего-ничего, сидите, это я презабавнейший анекдот вспомнил. Из Плутарха, – с трудом сдерживая рвущийся наружу смех.

Как не смеяться? Представляю лица учёных историков из будущего, если бы они смогли прочитать, что Павел Первый вечером перед своей смертью обозвал графа Палена фашистом и колбасником. Жаль, не смогут. Хорошая шутка, Мишке расскажу, оценит.

– И всё же позвольте...

– Не позволю! – Грозный окрик, вырвавшийся сам собою, казалось, отбросил Александра. Приборы звякнули, на скатерти появился ярко-алый отпечаток ладони. – Сидеть, сказал!

Эх, хорошо быть самодуром! Кабы не упорно ползущие слухи о моей скорбности на голову, так и совсем прекрасно. И вообще... никакая помещичья сволочь не смеет указывать коммунисту, что ему можно делать, а что нельзя. Тем более если этот коммунист на должности императора. Дождётесь! Коли уж так получается изменять сны, хлопну дверью напоследок. Тем более с настоящим Павлом не по-человечески выходит: я-то проснусь, а ему оставаться. Недолго оставаться, пока не задуют. Не брошу товарища в беде.

– Всё, свободны оба! – Их высочества с готовностью подсакивают, срывая салфетки. – Но завтра поутру извольте явиться для серьёзной беседы.

О чём говорю, какое поутру? До утра ещё ни разу не доживал. Ладно, разберёмся. Чему быть, того не миновать!

Высокие двухстворчатые двери распахнулись сами собой, едва только подошёл. В щёлку подсматривали, ироды? Лакеи по сторонам застыли в почтительном поклоне – не иначе свинцовые грузы сзади для равновесия подвешивают, нормальный человек давно бы кувыркнулся головой вперёд. Эти же как игрушки-неваляшки. Если задержаться, час так простоят?

Молоденький офицер с восторженным лицом только что выпущенного из училища младшего политука и в мундире флигель-адъютанта вытянулся во фрунт. Орёл, как есть орёл, разве что не двуглавый. И это плохо. В том смысле плохо, что такие энтузиасты голову кладут в первые пять-десять минут первого же боя. С двумя дольше бы прожил.

– Кто таков?

– Лейб-гвардии Семёновского полка прапорщик Бенкендорф, Ваше Императорское Величество!

И тут одни немцы. Ей-богу, если сейчас ещё окажется, что он Фриц Карлович, непременно прикажу расстрелять без всякого трибунала, руководствуясь токмо чувством пролетарской справедливости.

– Бенкендорф, говоришь? А по батюшке?

– Александр Христофорович, Ваше Императорское Величество!

– Ну полно тебе, братец, не ори так, как есть оглушил. А не ты ли, прапорщик, Пушкина угнетал?

– Не могу знать!

Ну вот, ни с того ни с чего насел на человека. Может быть, это совсем другой Бенкендорф? Вполне могу ошибаться, так как ещё не вполне разобрался в воспоминаниях настоящего Павла Первого. Ага, а я, получается, поддельный?

– А что ты вообще знаешь, милоч?

Флигель-адъютант побледнел и стиснул рукоять шпаги. Покосился с опаской на лакеев и прошептал, почти не шевеля губами:

– Разрешите доложить наедине, Ваше Величество?

– Изволь. – Тьфу, старорежимные словечки так и лезут. – Так проводи меня.

– Соблаговолите Николаю Павловичу покойной ночи пожелать?

В груди всколыхнулось и потеплело – дома тоже Колька остался, на Покров в аккурат десять годков исполнится. Здешнему поменьше, больше чем вдвое поменьше. И вообще, рас-

плодился я тут неимоверно, как будто другого занятия и не было. Память подсказывает – действительно не было. Или солдатиков по плацу гоняй, или горькую пей, или чпокайся. От второго матушка уберегла (старая жирная ведьма, чтоб ей на том свете сковородка погорячее досталась!), первому и третьему занятию мог предаваться невозбранно. Вот и предавался...

Предлагают навестить сына? А почему бы и нет?

– Ведите, прапорщик, – милостиво кивая, и окрылённый флигель-адъютант лично распахивает следующую дверь.

Интересно, как можно жить во дворце, где все комнаты проходные? Надеюсь, моя спальня будет отдельной? Опять подсказка: зря надеюсь, там ещё есть вход в покои императрицы. А если... хм... ладно, разберёмся на месте.

Детская встретила грохотом сражения, летающими ядрами, с успехом заменяемыми подушками, атакой кирасир на игрушечных лошадках и криками няньки, судя по бестолковости и общей глупости, изображающей австрийского фельдмаршала. Впечатление подтверждал и усиливал её забавный шотландский акцент, ставший ещё более заметным с появлением на пороге моего величества. Впрочем, долго разглагольствовать у мисс (или миссис? или, вообще, леди?) не получилось: ловко брошенная думка свернула пышный парик на нос, а куда-то в область ретирадной части воткнулась деревянная шпага, направленная детской, но твёрдой и уверенной рукой.

– Папа, я убил вражеского генерала!

Поверженный оружием Николая противник не разделял восторгов юного кавалериста, но и высказывать недовольство не решался. Да, пусть помолчит, раз заколота в задницу! Не то осерчаю... и на Соловки, как пособницу английского империализма.

– Сударыня, Вы свободны. Пока свободны.

Не знаю, что она услышала в моём голосе, но тут же её кровь отхлынула от покрасневшего даже под толстым слоем белил лица, и дама сомлела. Да что там, натурально хлопнулась в обморок. Никакого уважения к монарху!

– Поручик, воды!

– Будет исполнено, Ваше...

Не договорил, убежал. А почему такой радостный и цветущий, будто клумба перед Домом культуры речников?

– Вот, Ваше Императорское Величество! – Протягивает кувшин, а сам смотрит с вопросом и ожиданием.

– Поручик, – повторил с нажимом. Не признавать же свою оговорку? – Вода нужна не мне, а ей. Хотя постой... бездыханная мадам разговору не помешает?

– Никак нет, Ваше...

– Спокойнее, юноша, спокойнее. Давай уж по-простому, без титулования...

Не верит.

– Ну?

– Государь?

– Вот так-то оно получше. И покороче. А тётку всё равно отнеси куда-нибудь... э-э-э... куда-нибудь.

– Простите, государь, но это не моя тётка.

Да, молод офицерик и жизни не знает. Сюда бы товарища капитана Алымова, живо бы разъяснил немчуре всю его родословную, особенно по женской линии.

– Выполнять! Вытравлю моду с царём спорить! Без трибунала в штрафную роту закатаю!

Покуда новоиспечённый поручик уносит няньку, можно собраться с мыслями. Можно, но не дают – Мишка ухватился за орденскую ленту и тянет её, настойчиво просясь на руки, а Николай вскинул деревянную шпагу в воинском салюте:

– Bonsoir, papa!

– Коленька, – стараюсь, чтобы голос звучал строго, но мягко. – Негоже приветствовать своего отца и государя на языке противника.

Мальчик смутился и пролепетал:

– Доброго вечера, папа, – потом оживился. – А можно, ты тогда велишь всех учителей прогнать?

– Зачем же так?

– Но ведь все чужие языки – вражеские?

Вот оно как! Совсем малец, а выводы делает весьма правильные и полезные. Но не во всём правильные.

– Поди-ка сюда! – присаживаюсь на низенькую софу, и дети с готовностью и охотой лезут ко мне на колени. – Нешто неучем хочешь жить?

– Я хочу царём, как ты! – насупился было Николай. – А почему тебя Павлом Первым зовут?

– Ну... в нашем роду с таким именем до меня никого не было.

– А с моим?

– Тоже.

– Значит буду Николаем Первым! Но сначала генералом и фельдмаршалом.

– А скажи, любезный мой генерал-фельдмаршал, как же, не зная языков, пленным допрашивать?

Коля задумался, упрямо сжав пухлые губы, и объявил:

– На английский, французский да немецкий согласен. А турецкий не буду! Какие же из них враги, коли их только ленивый не бьёт?

Миша заёрзал, полностью соглашаясь со старшим братом, и попросил:

– Кази каску!

– Сказку рассказать? Какую же?

– Стласную.

Появившийся Бенкендорф деликатно предложил:

– Принести няньку обратно, государь?

– Не нужно, сам расскажу.

У поручика удивлённо взлетели брови – видимо, репутация сумасшедшего царя получила новое подтверждение и ещё более упрочилась.

– Сказку, говорите? Хорошо, будет вам сказка страшная-престрашная. Про колобка.

Я обнял детей, стараясь не прижимать к груди, чтобы не поцарапались о брильянты орден, прокашлялся и начал.

– Было это, дети, во времена столь незапамятные, что немногие старики и упомнят. И жил тогда то ли в Херсонской губернии, то ли в Полтавской отставной портупей-юнкер Назгулко. Надобно добавить, что, несмотря на военный чин, не служил тот почтеннейший муж ни одного дня и ни одной ночи, будучи записанным в полк во младенчестве. По указу же о вольностях вовсе перестал думать о славе русского оружия, занявшись хитроумной механикой в собственном поместье. И был у того господина Назгулко кучер...

– Злой, – уточнил Николай.

– Почему?

– Кучеры все злые, они лошадок бьют.

– Хорошо, пусть будет злой.

– Это не хорошо, а плохо.

– Мы его потом накажем.

– Тогда ладно, – согласился мальчуган. – А дальше-то что?

– А вот слушайте... И захотел тот кучер как-то пирогов с вишнею. Захотеть-то захотел, но откуда вишням зимой взяться? Делать нечего, приказал своей бабке колобок испечь, а не то

в угол на горох поставит да розгами попотчует. Бабке деваться некуда, тесто замесила, колобка испекла и на открытое окошко остудиться положила.

– Замёлзнут... – глубокомысленно заметил Мишка.

– Они оба злые, пусть мерзнут, – решил Николай.

Я не сразу и сообразил, о чём спор, и лишь потом мысленно хлопнул себя по лбу: про зиму же рассказываю, какие открытые окна?

– И вот лежал наш колобок, лежал, да и надоела ему сия диспозиция. Огляделся, перекрестился, дому поклонился и пошёл куда глаза глядят. Да, покатился... И глядели его глаза прямо на дорогу в Санкт-Петербург! Долго ли, коротко ли шёл, то никому не ведомо, но повстречалось колобку на пути целое прусское капральство – все при ружьях, с багинетами, морды страшные, а на верёвочках за собою мортирную батарею тащат. Главный капрал как глянет, да зубом как цыкнет, да как гаркнет: «Кто ты таков есть? В мой брюхо марш-марш шнеллер! Я есть рюски земли забирать, рюски хлеб кушать, рюски церковь огонь жечь, рюски кайзер матом ругать!»

Не растерялся колобок – вынул шпагу булатную, да побил неприятеля, а наиглавнейшему капралу ненасытное брюхо в пяти местах проткнул.

Николай переспросил с подозрением:

– Шпага у него откуда?

– Как это откуда? – Старательно делаю вид, что сказка именно так и задумывалась. – Будто не знаешь, что русский народ может босым-голым ходить, но всегда найдёт, чем супостату брюхо продырявить! Далее сказывать?

Можно и не спрашивать, даже поручик Бенкендорф закивал, испрашивая продолжения.

– И собрал колобок с пруссаков ружья, порох-пули прихватил, мортиры в карман засунул, а найденные талеры в болото бросил – немецкое серебро фальшивым оказалось.

– Мортира в карман не поместится!

Ага, не поместится... Я тоже думал раньше, что трофеев может быть слишком много, пока не познакомился с Мишкой Варзиным. Одна история с подаренным майору Потифорову «Опель-Адмиралом» чего стоит. Но думается, детям ещё рано знать такие подробности.

– Это сказочные пушки, они куда угодно поместятся. Ну так вот, идёт себе колобок дальше, никого не трогает, а навстречу – венгерские гусары, два эскадрона! – Миша испуганно взвизгнул и прижался сильнее. – Но нашего героя так просто не взять – как из ружей залпом выстрелил, как ещё картечью бабахнул... Кругом дым, ржание конское... а потом тишина.

– Ой!

– Вот тебе и ой! Это называется активной обороной.

– Простите, Ваше Императорское Величество, – вмешивается Бенкендорф.

– Я же просил...

– Да, простите, государь, но использование мортир для стрельбы по...

– Хм, поручик, а тебе не кажется, что подобная занудливость присуща более всего прапорщикам?

– Да?

– Сомневаешься?

– Никоим образом, государь! Более того, уверен, именно ручные мортиры будут способствовать дальнейшим победам колобка над любым противником.

Сообразительный немчик попался, на лету схватывает. И если в профиль присмотреться – один в один наш полковой особист, только помладше. Ещё бы не эта смешная форма...

Дети были против паузы в повествовании:

– Далее-то что было?

– Да всё было! И поляков гонял, лично пленив мятежника Костюшко, и турок бивал, шведов лупил и в хвост и в гриву...

– А как же Петербург? – забеспокоился Николай. – Побывал?

– Как же, известное дело, побывал. Лично вручал герою золотую шпагу за храбрость и подвиги.

– А сам говорил, что давным-давно это было!

– Тайны хранить умеете?

– Да!!!

– Вот сие и есть тайна великая. Не приведи Господь англичане про колобка узнают, нехорошо получится.

Коля опять задумался:

– А ордена у него есть?

– Конечно.

– Значит, это граф Платов! Ты его в Индию послал!

Кто, я? Не может быть! Твою же ж мать, не хватало ещё с союзниками расплеваться. Они – союзники? Ничего не понимаю... А как же Буонапарте? Голову сжало невидимым стальным обручем, и в виски будто впились острые иголки. Сердце забухало, прыгая где-то между желудком и горлом. Я кто? Гвардии рядовой Романов Павел Петрович или император с теми же фамилией, именем, отчеством? Это сны? Не понимаю... совсем ничего не понимаю... Дети, сказки, поручик в дурацком парике с косичкой, проступившая сквозь намотанную на руку салфетку кровь... Можно ли во сне сойти с ума? Кажется, у меня получилось.

Прочь отсюда, бежать прочь! Очнуться в уютной и такой родной землянке... здесь всё чужое... только... Нет, это мои дети!

– Государь?

– Всё потом, поручик, всё потом. Зайди утром.

– Но Ваше Императорское Величество!

– Всё, я сказал! Или больше заняться нечем? Проведи в роте политинформацию.

– Простите, государь, а что такое...

– Выполнять!

– Слушаюсь, Ваше Императорское Величество!

Глава 2

Потрескивают свечи в затейливом подсвечнике на столе, и отблески огня играют на гранях хрустального графина. Дворец уснул, и настороженная тишина затаилась в тёмных углах. Не люблю тишину, вечно ожидаешь от неё какой-нибудь гадости и редко обманываешься в ожиданиях и предчувствиях. И пить в одиночестве не люблю. Видимо, и настоящий Павел не злоупотреблял подобным, недаром на приказ принести вина лакей выказал крайнее удивление. Но, будто зная, что за такую ошибку ругать не буду, принёс, дурак, коньяку...

Вот он, как жидкий янтарь, покачивается в моём бокале, и я всё никак не решусь пригубить, разрушить хрупкое очарование грубым прикосновением губ. Медленно вдыхая знакомый аромат... Знакомый? Пожалуй, что так. Но откуда, если ранее никогда его не пробовал? Я не пробовал? А кто же тогда...

Нет, об этом вспоминать не будем – по сию пору стыдно становится. Да, но за что стыдно? Какое мне дело до того, что творил когда-то будущий император Павел Первый? Дело есть – неизвестно отчего ощущаю себя одновременно и им, и собой, с ответственностью за поступки и того и другого. Раньше такого не случалось, сны шли своей дорогой, свернуть с которой совершенно невозможно: ночь, табакерка, шарф. Как собака с попавшей в колесо лапой – пищи, но беги. Сейчас же всё иначе. Я – император? Да, я – император. Гвардии рядовой Павел Петрович Романов, исполняющий обязанности императора.

Долгий глоток, пустивший огонь по жилам и разрешивший сомнения. Понюшка табаку, изрядно прочистившая мысли... Да какая разница, как это получилось и долго ли продлится? Я солдат и приносил присягу. Император, присягнувший трудовому народу? Ну что же, тем хуже для народа нетрудового! Разберёмся, как говаривал покойный отец, засучивая рукава перед входом в полицейский околоток.

Рука непроизвольно потянула из ножен шпагу. Клинок блеснул в неверном свете, будто подмигивая и спрашивая:

– Ну когда же пойдём резать буржуев, государь?

Ответить не успел – возникший и сразу же оборвавшийся крик в примыкающем к спальне коридоре заставил резко обернуться к дверям. И сразу – гомон голосов, распахнувшиеся от сильного толчка створки, сверкание обнажённого оружия. Меня пришли убивать? Вот эта немецкая сволочь пришла меня убивать?

– Государь, вы перестали царствовать! – Глаза графа Палена лихорадочно блестели, а винный дух шибал и за пять разделяющих нас шагов. – Император – Александр! По приказу императора мы вас арестуем!

Ну ничего себе концерт по заявкам тружеников тыла, как выражался гвардии капитан Алымов!

– Ордер покажи.

– Орден? – переспросил любезнейший Пётр Алексеевич и отчего-то смутился. Наверное, думал, я не знаю о его масонских шашнях? – Извольте отдать шпагу! Государство переполнилось мерзостью вашей тирании и не желает больше терпеть сумасшедшего на троне.

– Ага, а старая шлюха-мужеубийца вполне устраивала?

– Да что ты с ним церемонии разводишь, граф? – Новое действующее лицо было изрядно пьянее и, соответственно, решительнее. – Пускай отречение подписывает!

– Платоша, тебя ли вижу? И братца Коленьку привёл? – Стараюсь, чтобы в голосе моём звучало радушие и доброжелательности чуть больше, чем в них можно поверить. – А я вот, понимаешь, ночей не сплю, всё ожидаю визита вашего бляжьего семейства. Небось, к мамашке-то в кровать запрыгнуть не опоздали? Нехорошо, Платоша, очень плохо...

– Да ты... – взревел Зубов, и ранее-то не отличавшийся кротостью нрава, но был остановлен графом Паленом.

– Спокойнее, Платон Александрович! В сём деле горячность пагубна. – И уже мне: – Извольте отдать шпагу!

Придвинулись. Рыл десять, да ещё за дверью слышны голоса. Если навалятся толпой, то просто затопчут. И до сих пор не кинулись только из приличия – каждому хочется меня придушить, но стесняются лезть первыми, боясь показаться выскочками и торопыгами. Нет, уж всяко не сомнительная слава цареубийцы отпугивает. Что-то подсказывает: это настолько привычное дело, что ни внутреннего протеста, ни какого-либо замешательства не вызовет.

– Шпагу, говоришь? Ах, мин херц Питер, только из уважения к памяти прадеда, чье имя вы носите... – Пален улыбнулся, недослушав, и пошёл вперёд, протягивая руку. – Да, только из уважения вы не будете... повешены!

Сильно отталкиваюсь от стола... клинок неожиданно легко входит графу в живот. Сейчас посмотрим, голубчик, чем ты нынче закусывал. Не хочет показывать, молча валится набок, утягивая оружие за собой. Нет, друг ситный, так не пойдёт!

Немая сцена. Что застыли, не ожидали подобной прыти от придурковатого императора? Для надёжности упираюсь ногой Палену в грудь и выдёргиваю шпагу. Вовремя – успел подставить под опускающийся палаш. Ур-р-р-оды, никакого почтения! Царей убивать и так грех большой, а уж в капусту рубить... Чай не в лихой кавалерийской атаке. Кто это, не Фёдор ли свет Сергеевич? И не сидится дома трухлявому пенюку?

Старый-то он старый, но удар Борятинского заставил отступить назад, к столу. Я не великий полководец, мне ретираду совершить не зазорно. Левая рука нащупывает графин. И тут же противник едва успевает уклониться от летящего в лицо хрустального снаряда, доставшегося стоящему позади генералу с мясистым красным носом. Точное попадание в лоб – осколки брызнули немногих хуже гранатных, с меньшим, правда, ущербом для неприятеля.

Зато удивил. И даже, кажется, остановил. По-моему, неожиданный отпор и внезапная гибель Палена несколько остудили пыл заговорщиков. Впрочем, не стоит себя обманывать, обратной дороги у них нет.

– Навались! – орёт Зубов.

Опомнились, стряхнули наваждение... храппаидолы!

– Платоша, а не угостить ли и тебя горячительным? Али табачку на понюшку?

– Убью!

Не убил. Застыл, широко открыв рот, когда от дверей раздался спокойный голос поручика Бенкендорфа:

– Товсь! Цельсь! Пли!

Однако против лома нет приёма. Особенно если этот лом мелко порублен и заряжен в гвардейскую фузею образца тысяча семьсот девяносто восьмого года. Шучу, конечно, но там калибр таков, что вполне можно и картечь горстями засыпать – палец пролезает. А бабахнуло не хуже «катюши» – спальню заволочло дымом, сквозь который доносились крики раненых и уверенные команды Александра Христофоровича:

– Скуси! Забей! Товсь!

Пользуясь всеобщей суматохой, на всякий случай лезу под стол. Оно мне нужно, пулю от своих схлопотать? А если назвать это военной хитростью и отступлением на заранее подготовленные позиции, так и вовсе выглядит не благоразумной осторожностью, а чуть ли не безрассудным героизмом.

Но место занято, кто-то в парадном мундире (под рукой чувствуется жёсткое золотное шитьё) отталкивает меня и не пускает прятаться. Что же за скотина такая? Бью наугад обутой в тяжёлый ботфорт ногой. Раз, другой... на третий ногу перехватывают и резко дёргают на себя. Валюсь навзничь, крепко приложившись затылком о паркетный пол так, что искры и глаз, да

шпага вылетела из руки и укатилась в неизвестном направлении, и тут же сверху наваливается громадная туша. Мало того что душит, так ещё и царапает шею камнями повернутых внутрь перстней.

Пытаюсь отбиться, но противник явно сильнее. Ах ты фашистская сволочь... Впившееся в ляжку сквозь кожу лосин что-то острое побуждает к действию – очень не хочется помирать раненому в задницу. Тыкаю обоими указательными пальцами туда, где по блеску угадываются глаза... Правым попал, да так, что на лицо плеснуло липким и горячим. И уже можно освободиться, вздохнуть и встать хотя бы на четвереньки.

Ещё залп! Пули хлестнули по окнам, и поднявший шторы холодный мартовский ветер задул свечи. Дым, впрочем, тоже развеял, что стало заметно после того, как внесли несколько зажжённых факелов. А стреляют-то солдатики так себе – из десятка заговорщиков лежат лишь пятеро, причём троих могу с гордостью записать на свой счёт. Поднимаюсь с колен, пока никто не обратил внимания на пикантную позу, и стараюсь принять величественный вид.

– Поручик, тебе тоже не спится? Согласись, в этой ночи есть какая-то томность.

Сказать, что Бенкендорф выглядел удивлённым – ничего не сказать. Не удивлённым, скорее стукнутым пыльным мешком по голове. И лицо являло сложную гамму чувств (а что, как настоящий буржуй я теперь и в фортепьянах разбираюсь), от облегчения при обнаружении меня живым и здоровым до некоторого разочарования. Неужели он огорчился невозможностью свершить праведную месть за невинно убиенного государя?

– Ваше Императорское Величество!

Возгласу поручика вторит звон. Звон оружия, брошенного заговорщиками на пол. Виктория? Да, она, но только с тыльной стороны, с той, где спина теряет своё благородное название. Так что рано ещё праздновать, вот кое-что сделаем, и уж тогда...

– Солдаты! Братцы! Орлы! – Гренадёры вытянулись по стойке смирно, хотя, казалось, более некуда. – Да, орлы! Но не солдаты-победители... Почему на поле боя оставлен враг, не желающий сдаваться?

Не понимают, лупают оловянными глазами и молчат. Ладно, попробуем зайти с другой стороны.

– Вы разве не видите, что подлый супостат упорствует и по сию пору не сложил оружия? Тому ли учил чудо-богатырей генералиссимус Суворов? Не слышу ответа, господа офицеры!

Взгляд правофлангового усатого детины лет тридцати пяти с пройдошистой рожей ротного старшины миглом приобрёл осмысленное выражение. Покосился на меня, на лежащие шпаги...

– А чего теперя! На штык их, робяты!

Управилась меньше чем за минуту. Слегка погрузневший Бенкендорф подал шпагу, потерянную мной в героической битве у стола.

– Спасибо, поручик. О чём печалишься?

– Простите, государь, но я так и не смог выполнить ваше приказание.

– Какое?

– О проведении политинформации. Не зная, что сие из себя представляет, я взял смелость...

– Пустое, ты всё правильно сделал.

– Да?

– Ну конечно же. Настоящая политинформация – суть объяснение подчинённым подлой природы врага, определение врага на сегодняшний день с государственной точки зрения и, главное, объяснение, почему уничтожение супостата является благом не только для державы, но и для каждого солдата по отдельности. Ты прекрасно справился, Александр Христофорович, проявив разумную инициативу. Соответственно, должен быть вознаграждён.

– Ну что Вы, государь, не за награды... – слишком ненатурально начал отнекиваться Бенкендорф.

– Верю, конечно верю, что движимый исключительно помыслами о благе Отечества... – Чего я несусь, он же немец? – Да, Отечества!

Кончик шпаги упирается в грудь лежащего без памяти генерала, получившего графином в лоб.

– А вот скажи мне, поручик, каким манером сей мерзавец похитил твой орден да себе нацепил? Изволь исправить недоразумение и не допускать подобного впредь!

Бенкендорф присел на корточки и дрожащей рукой потянулся к звезде Георгия второй степени. Остановился, недоверчиво подняв голову:

– Государь, но он же генеральский...

– И чего? Зато будет куда расти и к чему стремиться. Карьеризм, братец, подобен елдаку! У каждого офицера быть непременно должен, но показывать его на людях неприлично. Но мы тут все свои, не так ли? Не стесняешься же ты в бане?

Оставив свежего кавалера радоваться награде, обращаюсь к солдатам, тьфу, то есть офицерам:

– Ну что, господа лейб-кампанцы, каковы ваши дальнейшие действия? Вот ты что скажешь? – Палец указывает на гренадёра, первым пошедшего в штыковую.

– Сергей Викторов Акимов! – представляется тот.

– Викторович, – мягко поправляю.

– Так точно, Ваше Императорское Величество!

– И?

– И бить врага далее, покуда не опомнился! Пленных допросить, да и раздавить змеиное кубло разом.

– У нас есть пленные?

– А как же! – ухмыльнулся Акимов. – Господин поручик изволили сюда полкового командира принести.

– Депрерадовича?

– Так точно! Господин полковник хотели помешать нашей роте на полиформации следовать, так его... того...

– Где он?

– Да там, под диванчик положили.

Не успел я отдать приказание, как за спиной послышался хлёсткий звук удара и возглас Бенкендорфа:

– Кусаться вздумал, сучье вымя? Так сейчас и вторую ногу выдерну.

Оборачиваюсь – поручик трясёт укушенным до крови пальцем, другой рукой выворачивая пленному ухо. Только замечаю некоторое несоответствие, ранее пропущенное мимо внимания: у того всего одна нога. И какого чёрта, прости Господи, на костыле сюда припёрся? В прошлых снах этого инвалида не встречал. И кто же таков?

– Александр Христофорович, голубчик, ты точно ему ничего не оторвёшь? По «Уложению», конечно, четвертование полагается, но давай дождёмся приговора трибунала. И вот тогда милейшего генерала... э-э-э...

– Зубова, государь!

– Что, опять Зубов? Когда же они кончатся?

– Брат вот этих самых... – Бенкендорф кивает в сторону душившего меня одноглазого исполина, милосердно добитого штыком, и ещё одного, с развороченным пулей лицом. Интересно, как опознал? – Надо бы всё их семейство пощупать, государь.

– Дело говоришь. Акимов!

– Я, Ваше Величество!

– Полковника тащите сюда, поможешь поручику допросить обоих. Только ласково, а то ведь вы, ироды, и для эшафота ничего не оставите. И пару пистолетов мне раздобудь.

– Сей секунд, Ваше Императорское Величество!

А сам подмигивает с таинственным видом, будто выпить тишком от жены приглашает. Что за секреты такие? Отвожу гренадёра в сторону:

– Ну?

Тот мечтательно закатывает глаза:

– Намедни довелось такую пару видеть, что лучшей во всём Петербурге не сыскать...

– Так принеси.

– Тут такое дело, Ваше Императорское Величество... они работы самого Симона Норча и...

– Да хоть работы капитана Мосина! Царь я или хрен собачий? Если лучшие, то должны быть у меня!

– Разрешите взять с собой ещё роту семёновцев?

– Один не донесёшь?

– Но ведь...

Некогда слушать объяснения – махнув рукой, отпускаю Акимова, вручив в качестве мандата и подтверждения полномочий золотую табакерку с собственным портретом на крышке. В смысле, с портретом Павла. А что, не хуже любого удостоверения личности – вряд ли у кого достанет духу сомневаться в предъявителе сего.

Как там наш предобрейший Валериан Александрович поживает? Явно не хуже братьев, те вообще никак не поживают. Но морду графином разнесло так, что не только мне, и родному папаше мудрено было бы узнать. И если давеча в слабом свете свечей лицо показалось знакомым, то сейчас... маска, на которой кровь перемешалась с пудрой и румянами. Говорит еле слышно, слова скорее угадываются по движению губ, но допрашивающий Зубова Бенкендорф вполне разбирает, знай себе чиркает пёрышком по бумаге ровным изящным почерком, умудряясь не посадить ни единой кляксы.

Протягивает лист:

– Вечор о том и хотел доложить, государь! Кабы изволили выслушать...

Что там? По мере чтения холодеет спина, а в груди разгорается горячая, но спокойная ярость. Именно так, хотя и не знаю, как это сочетается между собой.

– Не врёт? Полковника допрашивал?

– Ещё сразу после ареста, государь, вот его листы. Потому и поспешил на... э-э-э... на выручку.

Хреново, всё настолько хреново, что хочется плюнуть на всё и отдаться на волю судьбы. Хотя... да, большевики не должны ждать милостей от природы!

– Поднимай полк, Александр Христофорович.

– Но ведь я...

– Про елдак помнишь? Справишься – быть тебе к утру полковником! Сомневающихся и колеблющихся вязать, сопротивляющихся – на штык, верным – следующее звание и монаршая милость. Выполнять!

– Извините, государь, а...

– Списки у тебя есть? О выполнении доложишь.

– Давай!

Верные гвардейцы, отрабатывая пожалованный офицерский чин, разбегаются и с размаху бьют в дверь массивным буфетом карельской берёзы. Грохот, звон стекла, щепки в разные стороны... Вообще-то тут не заперто, да и открывается в другую сторону, но очень уж хочется предстать перед блудным сыном в виде гневающегося Зевеса – в громе и молниях.

Верещит затоптанный лакей, тонко визжит женщина... Странно, ни единого слова не произнесла, а немецкий акцент чувствуется.

Александр не спит и, как ни удивительно, одет. Впрочем, после побоища в моей спальне чуть ли не половина столицы должна проснуться. Стоит бледный, сжимая шпагу и с решимостью глядя на вскинувших ружья к плечу семёновцев. Я вхожу нарочито неторопливо, и он вздыхает с видимым облегчением:

– Так это не... Я арестован, Ваше Императорское Величество?

– Нет, блин, пришёл тебя в афедрон поцеловать! – Эта орясина вымахала выше головы на две, поэтому до морды достать и не пытаюсь, попросту бью ногой по обтянутым лосинами... Господи, аж у самого мороз по коже!

Гвардейцы деликатно отворачиваются в твёрдой уверенности, что их императору уж точно ничего более не грозит. Хватаю сына (сына? а ведь в самом деле...) за воротник и подтягиваю поближе, заглядывая в побагровевшее от сдерживаемых боли и крика лицо:

– Отцеубийством решил развлечься?

– Государь...

– Заткнись! Бабка твоя мужниными костями трон выстелила, чтоб сидеть помягче было, так по её стопам пойти захотелось? В глаза смотреть!

– Я...

– Ты! Накоса – выкуси! – Кукиш плющит нос Александра, придавая фамильные черты. – И уйми эту дуру, наконец.

Визг моментально прекратился – утонченная немецкая натура жены наследника не выдержала русской грубости и предпочла упасть в обморок. Подглядывая, впрочем, одним глазом.

– Лиза!

– Молчать! На козе женю Иудушку!

– Государь, позвольте сказать...

– Не позволю! Или нет, говори... Да, не поговорить ли нам о судьбе Алексея Петровича? Или про то, как Иоанн Васильевич...

Сзади шум. И голос:

– Простите его, Ваше Величество!

Оборачиваюсь. Вот только императрицы Марии Фёдоровны нам и не хватало. Что тут можно сказать, семейный праздник удался на славу.

Документ 4

Заздравный орёл

Сочинение Гавриила Державина на победу над злодеями в «Ночь булатных штыков»

По северу, по югу
Велик орёл парит.
К врагам суров, но к другу
Всегда благоволит.

О, исполать, ребята,
Вам, русские солдаты!
Что вы неустрашимы,
Никем непобедимы.

Повержен грех Иудин

Булатными штыками.
За здоровье ваше пьём!
Нет справедливей судей,
Чем тот баталлион.

О, исполать вам, вои,
Бессмертные герои!
Вы в мужестве почтенны,
И в битве дерзновенны,
За здоровье ваше пьём!

Глава 3

Ну и ночка выдалась, скажу вам, только врагу и пожелаешь. Честное слово, в августовском наступлении легче было. Там всё понятно: враг – впереди, рядом и сзади только свои. А тут... гадюшник, и я посредине. Похожее было в начале мая двадцать четвёртого года, когда наш отряд в Керженских лесах попал в засаду.

Что, разве ещё не рассказывал про буйную молодость? Было, было... В руке – маузер, в голове – ветер, в заднице – шило... Да в ЧОН, почитай, все такие были, не исключая командира. Ну и вломил нам крепко протопоп Аввакум, окружив всей бандой в заброшенном скиту. Нет, конечно же, не настоящий, просто кличка такая. Как жив остался – не знаю.

Не знаю и сейчас. Всю ночь какая-нибудь сволочь обязательно изъясляла желание убить меня разнообразными способами. Сначала в спальне, потом, когда не получилось, на площадь Коннетабля через мосты появились в полном составе сразу два полка – Преображенский да Измайловский, традиционные бунтовщики. Пришли и встали. М-да... Хорошо, что здесь не принято царские дворцы штурмом брать. Если бы пошли на приступ... Ну полсотни, пусть даже сотню смогли бы перещёлкать охотники со штуцерами, занявшие позиции у окон, а дальше?

А дальше стало легче: в тыл мятежникам зашли неизвестно откуда появившиеся гатчинские егеря при двенадцати орудиях, что позволило разрешить ситуацию полюбовно. Да, и где теперь взять столько офицеров на открывшиеся внезапно вакансии? Жестокий век, жестокие нравы... Ведь говорил же и просил быть милосердными... хотя бы до суда.

К утру внутренний плац более всего походил на смешение тюрьмы с чумным бараком – то и дело появляющиеся с добычей семёновцы и подключившиеся к потехе конногвардейцы приносили новых арестантов и, не церемонясь, просто бросали связанными в общую кучу. Далее уже распоряжались солдаты запятнанных было изменой полков, сортируя пленных по рангу и чину.

– Смотри, ты этого хотел? – От звуков моего голоса Александр вздрагивает и непроизвольно закрывает руками ушибленное место.

– Я не думал...

– Вот и хреново, что не думал. Гляди-гляди, цвет армии у ног наших... генералов только два десятка... А если завтра война? Я чем, жопой твоей воевать стану? Так ведь и ей нельзя, тебе же думать нечем будет.

Совсем застрашал парнишку. Ничего, оно даже полезно, чай не बारे какие... Ах да, *pardone mois*, они самые и есть, причём наиглавнейшие. Ладно, хватит кнутов, переходим к пряникам.

– Ошибки исправлять будешь, понял? – Вытянулся и не перебивает. – После разбирательства зачинщиков на плаху отправим, без этого нельзя, а остальных под своё начало возьмешь. Да не радуйся ещё, дурень. О званиях и орденах забудь – лишён и разжалован. Чего моргаешь, скажи спасибо, что не до рядового.

– А...

– Молчи. На престол хочешь?

Александр опешил от неожиданного вопроса и не сразу нашёлся с ответом:

– Только после Вас, Ваше императорское Величество.

– Именно, Сашка, именно так! После, а не вместо. Но я не тороплюсь – лет через пятнадцать, коли до генерала дослужишься, вернёмся к этому разговору. Пока же иное. Заберёшь всё вон то гвардейское отребье, штафирками разбавишь и сделаешь из них солдат. Как – сам думай. Теперь ступай, господин прапорщик. Да, ещё... не заставляй меня жалеть о допущенной мягкости. Иди.

Побрёл, по-стариковски шаркая ногами и с опущенной головой. Сделав несколько шагов, обернулся:

– Граф Панин был вызван из Москвы и является...

– И является покойником! Нету больше твоего графа, весь кончился – семёновцы порешили впопыхах, даже допросить толком не успели.

Едва он ушёл, как тут же явился поручик Бенкендорф, вооружённый громадной папкой для бумаг, внушающей почтение всем своим видом. И настроение имел Александр Христофорович несколько подавленное. Неужель не развеялся за ночь?

– Государь, должность статс-секретаря подразумевает...

– Вздор! Здесь только я могу чего-либо подразумевать. И ты тоже, но гораздо меньше. Вот почто твои мерзавцы вице-канцлера удавили? Кто указы писать теперь будет, а?

– Так ведь сопротивлялся!

– Да? И лицом о стену пытался убиться? Каков негодяй. Всё, возражений более не потерплю, и мозги мне е... хм... пудрить прекращай! Пиши!

Поручик тяжело вздохнул, выудил из недр бездонных карманов походную чернильницу да гусиное перо и изобразил внимание. Что же, с него, пожалуй, и начнём.

– Готов? Пиши, голубчик... Сего дня, дату сам поставь, года тысяча... это тоже сам, чай грамотный, повелеваю. Что, титулование? Его давай опустим. Как нельзя? Хорошо, пусть будет просто – Император Всея! Нет, уточнения не надобны, дабы потом не пришлось каждый раз дополнения вносить.

Карябает... Да так ловко! Неплохого, однако, немчика себе нашёл – аккуратный, сообразительный, в меру честолюбивый и не без инициативы. Ну вылитый особист.

– Так, далее пошли. Назначить полковника Бенкендорфа Александра Христофоровича, год рождения укажи, командиром особой лейб-гвардии Павловской сводной дивизии, точка. Оклад содержания определить в соответствии с... Тебе сколько денег надобно?

– Государь...

– Крепостных не дам, и не проси, самому нужнее. Ладно, пиши далее: оклад содержания определить в разумных пределах, ограниченных целесообразностью. Опять точка. Приступить к исполнению обязанностей оному полковнику... Когда сможешь?

– Я тотчас, Ваше Императорское Величество!

– Нет уж, погоди, сначала с бумажными делами покончим. Давай-ка следующий лист. Ну? Что бы ещё такого указать в письменном виде? Ага, придумал.

– Указ о раскулачивании участников вооружённого мятежа... Постой, что значит «подвергнуть злодеев кулачному битию»? Я для кого диктую? Нет, так не пойдёт, переписывай.

– Но Ваше...

– И не спорь. Указ о конфискации имущества недвижимого, движимого, включая украшения и носильные вещи, а также деревень, душ крестьянских и прочего, в Указе сём неупомянутого, но подлежащего изъятию. Списки, кстати, готовы?

– Составляются, государь.

– Ага, как закончат, всё перебелишь и мне на утверждение.

– Будет исполнено!

– И найди, наконец, Акимова! Где обещанные пистолеты? Как голым хожу, ей-богу.

Я – бюрократ! Настоящий махровый бюрократ без подмеса. Вывод сей сделан из испытываемого при составлении бумаг несказанного удовольствия. Пара надиктованных второпях указов наполнила грудь великой радостью, сравнимой разве что с восторгом при командовании парадом. М-да, ну и привычки достались в наследство. Но, по правде сказать, изживать их рано, тем более текущий момент требует... требует... точности, вот чего он требует.

Помню, капитан Алымов как-то говорил, только шёпотом и оглядываясь по сторонам: «Коммунизм, товарищи красноармейцы, это не только советская власть плюс электрификация всей страны, но прежде всего – строгая большевистская отчётность».

И где же раздобыть человека для такой отчётности? Новоявленный полковник, при всех его достоинствах, не подходит совершенно: молод, романтичен, в голове звон шпиг и марши будущих побед. А вот сыскать кого с чернильницей вместо сердца...

Память услужливо подсовывает образ холёной морды, лучащейся приветливостью и некоторым самодовольством. Лексан Борисыч? Ну уж нет, князь Куракин, как кажется, не задолжал только нищим на папертях, да и то по причине пренебрежения медными деньгами. Такой не токмо Родину, но и меня продаст с потрохами, коли цену дадут. Надо, кстати, разобратся... Вот отчего милейший друг детства проигнорировал приглашение на вчерашний ужин в узком кругу? Знал и списал со счетов? Вот тварь!

– Так в точности и передам, Ваше Императорское Величество!

– Что? – Я в недоумении обернулся к прапорщику новой лейб-кампании, ещё одетому в солдатский мундир, но с офицерским шарфом. – Что передашь?

– То, что Ваше Императорское Величество изволили отказать княгине Анне Петровне Гагариной в аудиенции по причине... Прошу прощения, государь, про самку собаки ей тоже говорить?

Ну ничего себе через две коряги об пень и три раза по столу! Я уже вслух думать начал? Осторожнее, Павел Петрович, ведь обязательно поймут неправильно.

– Передай Аннушке... твою мать... то есть княгине, что видеть её более не желаю! И какого... хм... Почему она не в Милане?

– Не могу знать!

Он не может... А я? Я могу? Всё же могу. Память вновь заявляет о себе, но давлю не вовремя проснувшееся чужое чувство. Аннушка, милая Аннушка... Моё? Цыц, кобелина проклятый! Десяток детей, на башке – лысина, а туда же?

– В шею гони, прапорщик! К чертям собачьим! Чтобы ни одной бабы тут не было!

– И меня, Ваше Величество? – Тихий голос за спиной наполнен непонятной грустью.

Это кого нелёгкая принесла? Как флюгер туда-сюда всё утро кручусь. Но тем не менее обращаюсь на знакомые интонации. Маша?

– Сударыня? – Императрица... жена... непохожа на ту, но что-то... Стоит, улыбаясь робко и виновато, будто извиняясь за ночную истерику у разбитых дверей в спальню старшего сына. – Извольте вернуться в свои покои.

– Государь, Вы тут... – Волнуется? – Холодно нынче, вот возьмите...

Только сейчас ощутил озноб. Он появился как-то разом, незамеченный ранее из-за напряжения и общей взвинченности.

– Спасибо. – Протягиваю руку за тёплым плащом с меховой подкладкой и соприкасаюсь с её рукой. – Спасибо, душа моя.

Улыбка ярче. И этот болван мог думать о других женщинах?

– Я беспокоилась. Ночная стрельба, Вы появились и снова исчезли, караул не выпускал... Я боялась за Вас.

Бенкендорф успел выставить охрану? Незаменимых людей не бывает, но у Александра Христофоровича, судя по всему, есть все предпосылки стать первым таким.

– Спасибо. – Сил нет отпустить узкую горячую ладонь. – Спасибо, Маша.

– Вы изменились, Ваше Величество.

Чёртова женская проницательность! Разглядела то, в чём и сам ещё не разобрался. Что ответить? Да, дорогуша, я не император, а боец Рабоче-Крестьянской Красной Армии, и поэтому вместо менюэта с гавотом мы спляшем кадрили под гармошку. Так?

– Что это мы как немцы? Давай уж за-свой, чай не один год вместе.

Оказывается, у неё такие красивые глаза! Особенно сейчас, широко распахнутые от глубочайшего изумления. И опять улыбка тронула губы.

– Нет, уже не немцы. И ты стал другим.

– Это только кажется.

Мария Фёдоровна не находит ответа, только вздрагивает от звуков ударов, раздаваемых гренадёрами особо строптивым арестантам. Плащ сам собой оказывается на её плечах.

– Замёрзла совсем?

– А ты?

– Пустое... Так, может, чайку прикажем?

– Господи! – знакомо всплеснула руками. – Поди с вечера голодный!

И засуетилась в извечной женской заботе: накормить вернувшегося домой мужчину. И неважно, с войны ли, с работы ли...

Завтракали по-простецки, чуть ли не в походных условиях. Видимо, повара или разбежались, убоявшись случившихся событий, или обленились до такой степени, что прямо вот готовые кашевары в Сашкины штрафные батальоны. Впрочем, я и в прошлой жизни (в том смысле – в настоящей жизни) едок непереборчивый, а после бурно проведённой ночи и вовсе могу хоть собаку съесть.

Лакеев прогнал, нечего нарушать некоторую доверительность обстановки, провожая взглядом каждую отправляемую в рот ложку. Пусть и смотрят со спины, но не люблю. Справлюсь сам, чего уж тут. Да и стол почти пустой: горячих всего два – щи да суп, два холодных, четыре соуса, два жарких, пирожных два сорта, десерт... А конфеты? Где, спрашивается, конфеты? Мне за дамой ухаживать, а скотина-кондитер не озаботился приготовить сладкого? В Сибири сгною паскудника!

– Павел?

– Да, душа моя?

– У тебя так переменилось лицо...

– Вздор!

– Вот опять! Ты каждый раз другой.

– И который лучше?

– Не знаю, просто вдруг глаза становятся такими... не знаю, как сказать...

– Добрыми? – пытаюсь свести разговор к шутке.

– Добрыми, – соглашается она без всякой весёлости. – И мудрыми. Даже немного грустными. Так смотрят люди, видевшие смерть.

Вот оно что... Глаза – зеркало души. А кто я есть теперь, кто через них смотрит? Я – рядовой Романов, которому снится жизнь императора, или же император, в воспалённом мозгу придумавший страшное светлое будущее со страшной войной? Ответа нет. Есть? Я – Павел Первый! Павел Первый с половиной... Ещё бы узнать, какая из половин настоящая.

– Так видел.

– Кого?

– Её, смерть. Вот представь: меня вчера убили.

– Не говори так!

– Да-да, убили. Нет прежнего Павла, того, что был когда-то. А новый... новый только рождается. Как водится, в крови и муках.

В ответном взгляде вместо ожидаемой жалости к убогому неожиданное понимание.

– Расскажи.

– О чём?

– Какая она, смерть? Безносая старуха с косой, да?

– Ну почему же? Вполне приличная молодая леди.

– Леди?

Почему я так сказал? Да первое, что в голову пришло, и сказал. Поправляться не буду.
– Мне так показалось. Было в ней что-то английское.

– Леди, значит, – повторила в некоторой задумчивости. – У твоей смерти английское лицо...

Если бы только такое! В виденном мной будущем оно ещё и немецкое, австрийское, румынское, итальянское – разное. И это не считая прочей швали. А тут всего-то делов – англичанка гадит. Естественное состояние, она разве когда-то умела иначе? Ничего, вот уж Платов доберётся до Индии, возглавив национально-освободительную войну угнетённых индусских ширнармасс против британского колониализма, мало не покажется. Арестованные в русских портах корабли – ещё цветочки...

– Ваше Императорское Величество!

Ну нельзя так орать над ухом, когда я кушаю. Заикой стану или более того – подавлюсь, и осиротеет держава.

– Чего тебе, прапорщик?

Офицер из вновь произведённых лейб-кампанцев щёлкнул каблуками башмаков:

– Там это... – запинаясь, не зная, как объяснить. – Александр Павлович спрашивают дозволения войти. Попрощаться хотят.

– Зови.

Вот и очередная семейная сцена назревает, с теми же действующими лицами, но без посторонних.

– Ты был с ним суров. – Мария Фёдоровна ни единым словом не упоминает об устроенной в защиту старшего сына истерике. – Не жалко родную кровь?

Сказать: не, не жалко, и что только армия сможет сделать из него человека? Не поймёт и обидится.

– Так нужно, душа моя. Запах пороха быстро выветрит из головы вольтерьянскую дурь, а звон шпaga и пушечный грохот вообще несовместимы с бредовыми идеями господина Руссо.

Александр вошёл и остановился на пороге, то ли ожидая особого приглашения, то ли демонстрируя покорность воле отца-самодура, то ли оценивая эффект, произведённый новым нарядом. По мне, так нормально смотрится. Может, и самому переодеться во что-нибудь казацкое? Мягкие сапоги вместо говнодавов с голенищами выше колен, широкие шаровары... Точно, а то из-за натёртых лосинами ляжек хожу враскорячку. Кафтанчик тоже ничего, только серебряные пуговицы заменить костяными, чтобы снайперы... Ах да, откуда здесь снайперы.

– А ну, поворотись-ка, сынку, какая смешная на тебе свитка!

Сын захлопал глазами. Видимо, готовился ко всему, вплоть до разноса по поводу отсутствующего парика с буклями, но не насмешки. Мальчишка, хоть и давно женатый, всё хочется убедить родителей в способности принимать самостоятельные решения. Одобрительно хлопаю его по плечу, для чего пришлось встать из-за стола и привстать на цыпочки:

– Орёл, мать твою! Машенька, это не тебе. С чем явился?

– Вот, Ваше...

– Титулование для парадов оставь. Ну?

Протягивает сложенный вчетверо лист бумаги:

– Проект арестантского батальона, государь.

– Штрафного, Сашка, штрафного! – И объясняю уже помягче: – Мы же людям даём возможность искупить, так? И зачем им потом всю жизнь носить титул арестанта?

– Но позвольте... – вскидывает белобрысую голову.

– Не позволю! – пробегаю глазами бумагу. – Зачем тебе старые казацкие «сороки»? Вычёркиваем. Твоё дело не в осадах сидеть да приступы отражать, а... хотя... Ты чухонцев любишь?

– В каком смысле?

– В самом прямом. Забирай своё каторжное войско да отправляйся в Ревель, будешь учиться морской десант отражать. В Ревель я сказал! Чтобы через неделю в Петербурге ни одной сволочи не было! Указ напишу, да... И на эскадру напишу, пусть помогут немного.

– Государь, но Ревельский порт ещё во льду.

– Как так? Кто позволил? – Смотрит как на последнего дурачка. Ладно, для пользы дела можно и подыграть самую малость. – Лёд сколоть – и в Сибирь! Во избежание его возвращения установить батареи на... ну, там сам разберёшься. Всякое иностранное судно, военное или купеческое, подлежит немедленному аресту как возможный пособник неприятеля.

– Льда?

– Кого же ещё? При сопротивлении – уничтожить!

Убежал окрылённый. Мне бы в его возрасте кто сказал «топи всех, а Господь разберётся»... Эх, чувствую, не избежать потом дипломатических скандалов, если наметит копчик какому-нибудь нейтралу. А плевать, на англичан и свалю, не всё же им с больной головы на здоровую перекаладывать.

– Павел?

– Да, дорогая?

– Ты ведь это не всерьёз?

– Насчёт чего, льда или Сашки?

– Того и другого.

За стол уже не хочу, потянет в сон, а спать пока некогда. Неторопливо прохаживаюсь по столовой, заложив руки за спину, и стараюсь не поскользнуться на натёртом до сияния паркете. Объяснить ей?

– Знаешь... просто боюсь.

– Чего?

– Английских ушей в окружении Александра. Нет, конечно же, там шпионы толпами не ходят, самое обидное – не предадут и не продадут, просто ляпнут ненужное в неподходящем обществе. Англومانья, франкофилы, германолубцы... бывают такие? Уроды, одним словом... Ради желания понравиться иноземной сволочи наизнанку вывернутся. Ага, загадочная русская душа...

– Не понимаю.

– И не нужно. Пусть считается моей придурью.

– Но это не так!

В уме не откажешь. Или в обычном женском тщеславии: кому охота быть замужем за идиотом? Хотя они в большинстве случаев именно таковыми мужчин и считают, но в глубине-то души надеются на обратное!

– Конечно? не так. Но об этом – молчок.

Утро закончилось, и новый день принёс сотни новых забот – казалось, здесь даже птички не гадят без высочайшего на то соизволения. Чего проще – накормить солдат, со вчерашнего вечера перебивающихся сухарями с ежечасно подносимой чаркой? Нет, нужно лично бить морды, снисходя с заоблачных высот до мерзостей обыденной жизни. Мордобитие в коей-то мере подействовало, и плац затянуло дымком от костров. Форменное безобразие и нарушение всего что можно, но кухня не справляется, и над огнём в больших котлах готовили баланду для арестантов – морить их голодом не входило в мои планы.

А какие они вообще, эти планы? Знать бы ещё самому... За что ни ухватись – под пальцами расползается, подобно гнилому сукну. Оставила мамаша наследство: воры, бездельники, лихоимцы, казнокрады, пьяницы. Одним словом – безродные космополиты, прости, Господи. И какая тварь рассказывала когда-то о беззаботной жизни царя-самодержца, сидящего на троне с единственной целью – угнетать да закабалить? Ещё неизвестно где легче, в поле с сохой или во дворце. И где безопаснее.

– Ваше Императорское Величество! – Ну вот, опять кому-то понадобился. – Ваши пистолеты, государь!

Документ 5

«Августейший Императорь! Государь Всемиловейший!

Воспяти солнце во днехъ Езекии и приложи житія Царевн. Ты, благодетельное светило Россіи, озаряя ныне насъ животворнымъ воззрѣніемъ Твоимъ, и чрезъ то въ Тебе самомъ возвращая удаляющееся отъ насъ солнце, прилагаеши намъ житія. Обновляется жизнь наша, и новая къ просвещенію въ сердцахъ нашихъ воспламеняется ревность. Отселе паче и паче процвететъ сей малый ученія вертоградъ, разботеютъ красная его и потекутъ ароматы его.

Такъ вы, юные крины сего счастливаго вертограда, младые питомцы наукъ! взывайте: стани солнце наше, теки по пути мудраго Твоего Царствованія, да будетъ исходъ славы Твоея отъ края небесе; да царствуетъ съ Тобою въ непрерывномъ здравіи и благоденствіи дражайшая и вселюбезнейшая Супруга Твоя, со всемъ Августейшимъ домомъ».

(Резолюция рукой императора: «Денег дармоедам не давать. Павел»)

Глава 4

Неужели принесли пистолеты? Вот ей-богу, безоружным как без штанов себя чувствовал. Шпага не даёт той уверенности, да и фехтовальщик из меня, честно признаться, никудышный. Против офицера с такой же зубочисткой ещё потяну, но обученный солдат в штыковом бою шансов не оставит, тут к бабке не ходи.

– Вот! – Акимов протягивает оружие рукоятями вперёд. – Насилу достал.

– Что же так? – Только сейчас обращаю внимание на слегка потрёпанный вид прапорщика: шапка потеряна неизвестно где, добытый медальон висит криво, мундир порван в нескольких местах, рожа расцарапана. – Не кошки ли тебя драли?

– Никак нет, Ваше Императорское Величество! Пострадал при спасении аглицкого посланника от неизвестных злоумышленников, в знак благодарности вручившего сии пистолы за мгновение до смерти!

– Не ори так, братец, совсем оглушил. И объясни, как же ты англичанина спасал, коли тот помер? Он, кстати, точно помер?

– Не извольте сомневаться, государь, мертвее не бывает. Его собственный секретарь и зарезал, сразу после того как покончил с собою, не выдержав угрызений нечистой совести.

– Чего?!

– Виноват, Ваше Императорское Величество, конечно же, перед тем.

Смотрит честными глазами. Ну чисто агнец, только что заваливший и живьём съевший матёрого волчару. *Casus belli* ходячий... Хотя что, собственно, изменилось? У короля много – так, кажется, говорят? И не думаю, что при наличии живого посла англичане отказались бы от намерений проучить северных варваров.

– Вас кто видел?

Взгляд прапорщика из уставного мигом стал осмысленным. Но что-то мнётся, не решаясь говорить.

– Ну же?

– Разве мы бы посмели без приказа, Ваше Императорское Величество? Добром же хотели, деньги даже приготовили... А они на стук в дверь сразу стрелять начали – троих насмерть да двое ранены. Ну вот и разозлились ребята...

– А ты?

– И я разозлился. Виноват, государь!

– О вине после.

Оживился, неправильно поняв знакомое слово. Оно и верно, без стакана не разобраться в случившемся. Но попробуем.

Итак, что мы имеем? А имеем неизбежную войну с Англией, страшно недовольной моим замирением с Бонапартием. Зачем я это сделал? Интересный вопрос, ответа на который память не даёт – не иначе встал в те поры с левой ноги, или просто захотелось досадить памяти покойной мамы. Очень уж она негодовала, когда французы последовали её примеру и уколошили законного монарха, укоротив его на голову. Огорчилась намёком?

– Далее рассказывай.

Акимов, обманутый в ожиданиях, тяжело вздохнул и взмахнул рукой. По его знаку четверо рослых солдат с натугой поднесли ближе здоровенный ларец, почти что сундук, с висящими печатями.

– Вот прихватили...

– Что это?

– Не могу знать! Только...

– Ну?

– Кабы каверзы какой не было. А ну как порох внутри?

– А фитиль где, и кто поджигать будет?

– А я бы пару пистолетов закрепил, и всех делов, – потом спохватился. – Виноват, Ваше Императорское Величество.

Не верю. Ни этой плутовской морде не верю, ни в то, что англичанин решил обезопасить содержимое таким хитроумным способом.

– Тащите в мои покои, да найдите кого-нибудь, кто открыть сможет.

Специалиста пришлось ждать долго, часа четыре. За это время успел изучить ларец снаружи до мельчайших подробностей, ещё раз плотно позавтракать, подписать два десятка указов, касающихся конфискации имущества заговорщиков, отменить полсотни старых распоряжений и даже переодеться, сменив дурацкий немецкий мундир на нормальное одеяние. И почему раньше так не ходил? Молодой был, наверное, и глупый. А сейчас? Сейчас же из зеркала смотрел бравый казак неопределённого, но более чем среднего возраста, курносый, с лысиной ото лба и до макушки, да ещё и небритый. Какая-то паскудная чахлая растительность топорщилась на подбородке редкими клочками, а будущие усы представляли собой более печальное зрелище. Срамота!

– Простите за задержку, Ваше Императорское Величество! – Явившийся Акимов вытолкнул впереди себя какого-то пожилого мужика. – Вот, механика привёз.

Я ещё раз бросил взгляд в зеркало и досадливо поморщился. Да, лучше и не сравнивать, а то от зависти разлитие желчи в организме случится – у привезённого специалиста борода чуть ли не до пояса дотягивает. И чернее воронова крыла, хоть владельцу её всяко не меньше шестидесяти.

– К Вашим услугам, Ваше Императорское Величество! – со степенностью и достоинством поклонился он.

– Врёт, – громким шёпотом прокомментировал Акимов. – Еле перехватить успел – уже и манатки собирал, намереваясь скрыться.

– Я не скрывался! – Механик запустил руку куда-то под бороду (видимо, во внутренний карман кафтана) и достал скрученную в трубочку бумагу. – Имел предписание...

– Дай сюда. – Бесцеремонно, как и полагается самодурственному самодержцу, забираю документ. Что у нас там?

Ага, вот... Не далее как перед Рождеством я самолично отставил господина Кулибина от места в Академии наук и повелел выматываться из славного города Санкт-Петербурга ко всем чертям собачьим. Нет, формулировка помягче, конечно, но смысл именно таков. А за что? Вот этого в бумаге не указано, просто предписывалось отбыть в Нижний Новгород, в Подновскую слободу, и сидеть там до особого на то распоряжения. Лихо... Ладно ещё в Сибирь земляка не законопатил.

Земляка? А ведь точно! Там, в виденном мною будущем, я родился в Подновье. Или только буду рождён? Впрочем, неважно... Но хорошо помню и место, где стоял когда-то его дом, и школу, построенную заботами и хлопотами Ивана Петровича. Вот забавно: церкви в слободе нет и не было никогда, а школа есть.

– Ну и стоило так горячиться, господин Кулибин? – Бумага летит в растопленный по случаю холодной погоды камин.

– Так ведь приказ, Ваше Императорское Величество? – Тон более вопросительный, чем оправдывающийся.

– И что с того? А самому немного подумать? Коварный враг, пробравшийся к самому подножию престола, способен на любую подлость, дабы ослабить государство Российское! В том числе и подобным образом – удаляя светлые головы, способствующие укреплению и процветанию державы. Но сейчас, когда заговор изменников раскрыт и обезглавлен... Да, обезглавлен! Не время лелеять старые обиды и верить клевете.

А ведь проникся Иван Петрович серьёзностью текущего момента, даже пытается встать во фрунт, копируя манеры бравого гвардейского прапорщика. И одновременно польщён званием светлой головы.

– Акимов!

– Я здесь, Ваше Императорское Величество!

– Передай полковнику Бенкендорфу, чтобы виновный в подложном приказе граф Пален был непременно найден, арестован, и наказан.

– Так ведь убит!

– Кто, Бенкендорф?

– Никак нет, граф Пален.

– Хм... Ну мало ли в России графов Паленов?

Наконец-то до прапорщика доходит смысл моего подмигивания, и он с готовностью восклицает:

– Будет сделано, Ваше Императорское Величество! Дело государственное! Непременно подвергнем мерзавца арестованию! Разрешите исполнять?

– Ступай, братец. Да, и ещё... распорядись там насчёт... – Красноречивый жест понятен без дополнительных уточнений.

– Сию же минуту, государь!

Наврал, дверь распахнулась только через три минуты, и дежурный офицер торжественно провозгласил:

– Наркомовская чарка Его Императорского Величества!

Хм, и когда я успел такое ляпнуть? И вот поди ж ты, услышали и ввели в обиход.

– Заноси, – киваю и показываю на стол. – Только в следующий раз так не кричи, царя заикой сделаешь.

Лакеи, первыми уловившие новые веяния моды, все до одного сменили ливреи на вышитые рубахи, полосатые штаны и смазные сапоги, немилосердно воняющие дёгтем, став похожими на половых из трактиров моего будущего детства. Приходилось бывать с отцом на ярмарке у Макария, посмотрелся. И то, что они принесли на серебряных подносах, вполне соответствовало внешнему виду. Их и моему.

– Поставили? Всё, проваливайте.

Кулибин улыбается с умилением. Ну да, по его староверским представлениям именно так и должен вести себя природный царь-батюшка, изволивший захотеть жить по старине, без бесовских заграничных привычек и ужимок. Суров, но справедлив! Да, это про меня...

– Наливай, Иван Петрович.

Он взял графинчик, чуть помедлил, и признался нерешительно:

– Я непьющий, Ваше Императорское Величество.

– Что, совсем? Грех-то какой...

– Совсем. – Кулибин с опаской перекрестился двумя перстами. – Тонкая механика не терпит дрожания рук.

– Вот как? – Я с некоторым сомнением оглядел тарелки с тонко порезанными окороком, ломтиками сёмги, крохотными, меньше мизинца, солёными огурчиками. В одиночестве пить не хотелось. – И не куришь?

– Человеку от Господа питания дымом не положено.

– А нюхать табак?

– И носом питания не положено.

– Ладно, неволить не буду. – Так и придётся пить одному, как горькому пьянице. Эх, где наша не пропадала!

Не пропала и на этот раз: чистейшая хлебная слеза взбудрила, подстегнула утомлённый бессонной ночью организм и заставила вспомнить о загадочном ларце английского посланника.

– Вот, Иван Петрович, взгляни. Гвардейцы мои опасаются заложенного взрывающегося механизма, если он там есть, конечно. Вот ты и должен определить. Ну и открыть, разумеется.

Механик, увидев вышеозначенный предмет, сразу подобрался, живо напомним кота, засевшего в засаду у мышиной норки. Разве что коты не облизываются в предвкушении и не потирают радостно лапы.

– Забавная конструкция, забавная. – С этими словами Кулибин раскрыл принесённой с собой кожаный сундучок. – И очень напоминает польский подарок князю Шуйскому.

– Не слышал про такой.

– Давно было, ещё во времена Иоанна Васильевича.

– И?

– И прислали они во Псков похожий ларец, а в нём – пуд пороха да десяток заряженных пистолей.

– Сволочи.

– Не то слово, государь! – Иван Петрович извлёк из сундучка что-то, напоминающее половинку бинокля. – Только у них не получилось. Ага, и сейчас им хрен на рыло.

– Что?

– Простите, Ваше Императорское Величество! Извольте глянуть.

– Куда?

– Вот, – протягивает свой хитрый агрегат. – Это ночезрительная труба господина Ломоносова, слегка мной усовершенствованная и приспособленная к разглядыванию мельчайших деталей. Ежели вот тут покрутить...

Будет он мне объяснять. Я что, в школе микроскопом не пользовался? Там, правда, поудобнее самую малость.

– Видите?

– Ничего не вижу. А чего там?

– Так вот же... – Тыкает пальцем в одну из печатей. – Она закрывает отверстие, из которого вылетает пуля.

– Зачем?

– Чтобы убить того, кто попытается открыть. – Голос у механика мягкий, выдающий многолетнюю привычку объяснять великосветским идиотам прописные истины.

– Да я не об этом. – Теперь бы самому набраться терпения. – Как сам посол собирался открывать ларец?

– По всей видимости, никак не собирался, государь. Заметили крупинки пороха, застрявшие в завитушках? Вот!

Сапёры-самоучки, мать их за ногу! И что самое обидное, у покойников уже ничего не спросишь. А хотелось бы... Если только... если только ларец не предназначался для расплаты с заговорщиками. В этом случае всё сходится: весу в нём, будто и впрямь золотом набит.

– Конечно, большой «бум» – и концы в воду!

– Вы гений, Ваше Императорское Величество! Действительно, зачем изощряться, когда можно опустить в воду для смачивания порохового заряда.

Льстит. Спишем на слишком долгое пребывание при мамашинем дворе, когда без целования сиятельных задниц вовсе никак.

– Ну так займись.

Неожиданно образовавшаяся бездельная минутка оказалась весьма кстати. Все бегают, суетятся, а я сижу себе в мягком кресле, закинув усталые ноги на низенький столик, и осматриваю преподнесённые прапорщиком Акимовым пистолеты. Забавные игрушки, и, что удивительно, без всяких украшений. Такое ощущение, что большинство деталей отштамповано, а красота принесена в жертву простоте и скорости изготовления. И, тем не менее, считаются

лучшими. С чего бы это? И на какое захоlustье рассчитывает неизвестный мне Симон Норч, выпуская сей куриоз?

Зарядил. Немного подумав, попытался разрядить. Не получилось, то ли привычки нет, то ли руки кривые. Ничего, вернётся Кулибин, попрошу его о помощи, чай не откажет императору. Кстати, а сундучок так и остался стоять на полу, ненавязчиво так маня откинутой крышкой. Хм... одним только глазком гляну, и всё. А что, он бы и сам мне всё показал, не так ли? Ничего же брать не буду, просто интересно.

Так, микроскоп ночезрительный я уже видел, а это что такое? На немецкую гранату-толкушку похожа, может, она и есть? Потом спрошу. Пузырьки какие-то... Так он ещё и лекарь?

– Осторожнее, государь!

Ну вот, кто просил говорить под руку? От неожиданности пузырёк выскальзывает из пальцев и падает мне на колени. И чего орёт?

– Не двигайтесь!

Кулибин бледный, с выпученными безумными глазами, кажется, даже борода дыбом встала. Бросается к злополучной склянке, схватил, прижал к груди, отпрянул, закрывая её всем телом.

– Иван Петрович, какой бес в тебя вселился?

Долго не отвечал, только было видно, как вздрагивают его плечи. Наконец обернулся, держа руку за спиной, и попытался объяснить, сильно притом заикаясь:

– Это... это... опасно. В-взрыв!

– Чего нахимичил? – Ой, беда прям с этими учёными. – Философский камень добыл?

– Нет, Ва... Ва... нет, государь. Это ртутный порох.

Мать! Если это то самое, о чём я подумал... да мне бы оторвало всё напрочь...

– Ну-ка поподробнее.

Объяснил. Примерно это же нам рассказывал капитан Алымов на занятиях, но почему-то утверждал, что гремучую ртуть придумали англичане. Украли изобретение? А чего, с них станется. У-р-р-роды!

– И что теперь с тобой делать?

– В Сибирь? – Иван Петрович заглядывал в глаза с некоторой надеждой на положительный ответ.

– Слишком легко хочешь отделаться. – Грустное молчание, сопровождаемое тяжёлыми вздохами. – А работать кто будет, Пушкин?

– Нельзя в пушки. – Механик явно неправильно понял окончание фразы. – Ствол разрывает сразу.

– Так ты ещё и вредитель?

– Но...

– Никаких но! Какие есть предложения по использованию изобретения в военных целях?

– Значит...

– Иван Петрович, не зли государя-императора, то есть меня. Сроку тебе – неделя. Вопросы?

– А что с золотом делать?

– С каким золотом?

– Из ларца аглицкого посла.

– И много там?

– Ещё не подсчитывали, но пуда полтора будет. И пороха столько же.

Да, Иудина доля в последнее время изрядно выросла. Интересно, могу я считать эти деньги своей законной добычей, или в глазах просвещённой Европы буду выглядеть обычным грабителем? Для необычного сумма слишком маловата, честно признаться. А если поступить

по-рыцарски, как подобает особе благородного происхождения, и вернуть ларец англичанам? Вроде как намёк: мол, чужого не надобно, но и своего не отдадим. А не жирно ли им будет?

– Пойдём-ка, Иван Петрович, посмотрим. На месте и определимся.

Вот оно, вражье золото. Оно же – презренный металл, кровь войны и её вечный двигатель. Даже гвинейских монет не пожалели за мою бедную голову. И несколько толстенных промокших пачек банкнот, похожих на обвязанные верёвочкой кирпичи. И аккуратные пакетики из навощённой бумаги. Сам заряд остался цел, пострадала лишь затравка на полках замков, что должны были сработать при открывании крышки. И никаких пистолетов. Экономят что ли?

Кулибин показывает на предохранительный механизм:

– Всё же можно было открыть.

Ясен пень, чай не дураки англичане, чтобы бомбу золотой картечью снаряжать. Ладно, мы ведь тоже не лаптем щи хлебаем.

– А не сделать ли нам, Иван Петрович, некий финт ушами?

– Это как?

– Сейчас расскажу.

Документ 6

«Петербургские ведомости»

– Выключенному из Великолуцкого мушкетерского полку прапорщику Шафоростову, просившему определения в полки московской дивизии, по высочайшему повелению, объявляется, что он, будучи один раз выключен из службы за лень, более никуда определен быть не может.

– Отставному прапорщику Марцынкевичу, просившему об определении паки в службу, объявляется, что он, будучи отставлен по его собственному прошению, должен оставаться в том состоянии, какое сам себе добровольно избрал.

– Могилевскому купцу еврею Бениовичу, приносившему жалобу на жителей города Галаца, ограбивших его в прошлом году, объявляется, что как город Галац находится под владением турецким, то и предоставляется самому ему искать своего удовлетворения у турецкого правительства.

– Отставному капитану Вельяминову, просившему позволения носить мундир, объявляется, что как одного ему при отставке не дано, то при том и остаться он долженствует.

– Выключенному из Тамбовского мушкетерского полку подпоручику Волкову, просившему об определении в Малороссийский гренадерский полк, отказано за прихоть.

– Выключенному за лень и нерадение из службы прапорщику Оглоблину, который просил о принятии его по-прежнему в службу, отказано для того, что в оной ленивые и нерадивые терпимы быть не могут.

– В пансионе Августа Вицмана, в Погенполевым доме близь Синего моста под № 106, продается новая книга под названием «Золотая книжка, или Собрание новых, доказанных, легких, редких и любопытных хозяйственных опытов и искусных действий к пользе и удовольствию каждого... № 55. Узнать, сколько весу в быке, не свесивши его. № 56. Способ выращивать морковь толщиною в руку, а длиною в аршин. Выучить кошку в одну минуту писать на 3-х или на 4-х языках». Сия книжка продается по 5 руб., и кто купит ее по 1-е мая сего года, тот 2-ю часть получит безденежно; для чего при покупке 1-й части будут розданы билеты. Кто же до истечения сего времени ее не купит, тот не прогневается, если и за вторую часть принужден будет заплатить столь же дорого.

– Издана книга под названием «Любовь – книжка золотая. Люби меня хотя слегка, но долго». Творение сие вообще такого рода, какового еще на нашем языке поныне не было. Так отозвались, и при той назвали «золотой книжкой» в одно слово, как бы согласясь, двое знатоки

словесности, читавшие оную в рукописи до издания. Книжка сия почти вся, а паче первые листки ее состоят из притчей (иносказательного содержания). И так, дабы уразуметь прямой смысл, который, впрочем, весьма забавен и любопытен, необходимо нужно читать ее не скорохватом, не борзаясь, как обыкновенно читаются романцы, или как некоторые мелют дьячки, что ни сами себя, ни слушатели их не понимают. Итак, читай и внимай. Впрочем, любо – читай, а не любо – не читай. Ты и сам, читатель, думаю, той веры, что на всех угодить и критики избежать-мудрено. Человек есть такое животное, которое любит над другими смеяться, и само подвержено равно насмешкам».

Документ 7

«Из дела осуждённого мещанина Радищева:

...Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех,
Крови – в твоей колыбели, припевание – громы сраженьев,
Ах, омоченно в крови ты ниспадаешь во гроб;
Но зри, две вознеслись скалы во среде струй кровавых:
Екатерина и Петр, вечности чада! и росс.
Мрачные тени создаи, впреди их солнце;
Блеск лучезарный его твердой скалой отражен.
Там многотысячнолетны растаяли льды заблужденья,
Но зри, стоит еще там лдяный хребет, теремась;
Так и они – се воля господня – исчезнут, растая,
Да человечество в хлябь лдяну, трясясь, не падет.
О незабвенно столетие! радостным смертным даруешь
Истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек;
Мудрости смертных столпы разрушив, ты их паки создало;
Царства погибли тобой, как раздробленный корабль;
Царства ты зиждешь; они расцветут и низринутся паки;
Смертный, что зиждет, все то рушится, будет все прах...»

Глава 5

Холодное месиво под ногами, состоящее из снеговой каши пополам с конским навозом, вылетало из-под растоптанных сапог на таких же товарищей по несчастью, идущих в строю рядом. И чавкало в такт:

– Дурак, дурак, дурак...

А кто же ещё, как не он? Как назвать человека, человеком с недавних пор не считающегося? Бывшие... Так их всех две недели назад окрестил командир батальона, званием всего лишь прапорщик, но называемый исключительно по имени-отчеству.

Александр Павлович был краток и немногословен, перед строем он сказал лишь одно:

– Мы все бывшие. Выхода два: умереть с честью... – Тут сделал паузу. – Или без неё. Желающие сделать это могут начать прямо сейчас.

Тогда ещё никто не понимал, для чего унтер-офицеры из «постоянного», как их называли, состава выдали каждому по крепкому шёлковому шнурку. Осознание пришло на следующее утро, когда после марша в семьдесят вёрст сразу шестеро были найдены повесившимися. Второй выход – вот он. Александр Павлович запретил снимать удавленников – они так и остались покачиваться на ветру в безвестной деревушке, определённой батальону на ночлег. Остались, а под ноги им были брошены обломки их собственных когда-то шпаг. Отчего их не сломали ещё при лишении дворянского звания? То неизвестно, разве что государь Павел Петрович всегда слыл бережливым и экономным даже в мелочах?

А могли ли унтер-офицеры воспрепятствовать самоубийствам, продолжившимся и в последующие ночи? Наверное, могли. Но не сделали этого.

– Привал! Привал, господа штраф-баталлионцы! – донеслась из головы колонны долгожданная команда.

Отдых. Значит, позади остались пройденные с утра вёрсты, и впереди ждёт горячий обед из новомодных изобретений господина Кулибина – походных кухонь, поставленных на сани. Пышущие жаром и дымом, лужёные изнутри железные бочки не позволили протянуть ноги в пути от бескормицы, исправно снабжая пищей, но они же и заставляли выдерживать непомерную скорость марша – не приведи Господь оттепель, и тогда... Что будет тогда, представлять не хочется. Никому.

Александр сидел на брошенной в снег охапке соломы и вяло ковырял деревянной ложкой в котелке, вылавливая из постных, несмотря на пасхальную неделю, шей кусочки осетровых молок. На жалобы штраф-баталлионцев о невозможности справить даже Светлое Христово Воскресение назначенный в батальон священник, похожий на недоброй памяти Емельку Пугачёва, только ухмыльнулся и изрёк:

– Поститься да разговляться живым положено, мёртвые вообще ничего не едят, мы же – посредине.

Как он сам сюда попал, батюшка не рассказывал, но увидев, как однажды на привале успокаивал штрафников, за неимением оружия затеявших дуэлирование на кулаках, можно было догадаться. Уж больно ловко орудовал выскользнувшим из рукава кистнём, что наводило на некоторые мысли, в основном грустные. Покалечить, правда, никого не покалечил. Вот и сейчас коршуном кружит... миротворец.

– Васька, скоро там?

– Сей момент, Ва...

– Смотри у меня! – Опальный Великий Князь погрозил кулаком нерасторопному, как показалось, денщику и вновь погрузился в раздумья, лишавшие аппетита.

И зачем отец всё это устроил? К чему бешеная гонка, после которой из двадцати двух генералов в живых остались только шестеро? Кто недавно сам попрекал за погубленный цвет

армии? И не проще ли было просто казнить заговорщиков, не подвергая излишним мукам? И для чего в тянущемся позади обозе везут шпаги? Ну, насчёт последнего высказано недвусмысленно, но вот на остальные вопросы ответов просто нет.

– Кофей готов, Ваше Высочество! – Добровольно отправившийся с Александром денщик продолжал упорно титуловать его как и прежде, опуская, однако, запрещённое «Императорское».

– Спасибо, братец. – С благодарным наклоном головы принял дымящуюся кружку. Поднёс к лицу. Запах дома и запах былой свободы. Кофе – это единственное послабление, которое себе позволил прапорщик Романов, отказываясь от остальных.

– Портянки вот ещё сухие. – Солдат достал из-за пазухи свёрток. – Тяжко ведь...

– А тебе?

– Ништо, Ваше Высочество. – И засмутился своей браваде. – На плацу потруднее было, а тут... Налегке, опять же – харчи добротные, мундир вот тёплый.

В доказательство он попытался расстегнуть воротник кафтана, цветом и кроем напоминающего крестьянский армяк, но с пуговицами, хотел показать, что даже жарко.

– Не хвались, у меня такой же.

– Виноват, Ваше Высочество!

Угу, виноват он... Чего уж виноватиться, если весь Петербург был повергнут в изумление и ужас новым обмундированием? Из-за него, кстати, и задержались, отыгрывая теперь упущенное время. Нет, не из-за изумления – ждали, пока построят мундиры на четыре сотни человек. А потом вывели всех на Сенатскую площадь...

И у многих из собравшихся на невиданный позор сжималось сердце за горькую участь отца или брата, многие губы шептали проклятия злему тирану, по иронии или ехидству приурочившему оглашение приговора к мартовским идам. Да, шептали... недолго шептали – тем же приговором семьи штрафников выводились в мещанское состояние и определялись к государственным работам. Каким? То Господь ведает. И только нацеленные пушки да штуцеры Багратионовых егерей удержали осуждённых на месте, о чём большинство сегодня жалело.

Александр в раздражении бросил кружку и встал.

– Остайся здесь, – приказал вскинувшемуся было следом денщику, а сам пошёл к дороге, где строгие унтеры уже строили в колонну своих подопечных.

Шёл, оглядывая хмурые серые лица, заросшие многодневной щетиной. Видел с трудом расправляемые спины бывших блестящих полковников и генералов, нетвёрдые шаги недавних сенаторов... Внимание привлёк знакомый по прошлой жизни худощавый молодой человек, почти ровесник, при попытке подняться с земли кусающий губы.

– Вам дурно, Александр Андреевич?

Тот вскинулся, прижав руку к груди, и в отрицании покачал головой:

– Всё в порядке, Ваше Высочество.

– Но я же вижу!

– Пустое, не стоящее Вашего внимания минутное недомогание. Оно уже прошло.

– Не спорьте с командиром! – оглянулся в поисках кого-либо из «постоянного состава». Или всё-таки охранников? – Унтер, поди сюда!

– Я, Ваше Высочество! – тот вытянулся, одним глазом преданно поедая Александра, а вторым продолжая следить за построением.

– Рядового... – Покатал на языке непривычное слово. – Рядового Тучкова до вечера разместить при походной кухне.

– Никак не положено. – Вояка оставил бравый вид и сменил его суровостью. – Приказом государя Павла Петровича предписано...

– Я знаю, что там предписано!

Унтер-офицер тем временем достал из кармана бумагу и процитировал дословно:

– Гнать засранцев маршем, а тако же в хвост и в гриву, со всею пролетарскою беспощадностью, исключения делая токмо преискуснейшим стрелкам винтовальным, дабы избежать последующего дрожания телесного.

– Сие ко мне не относится, – слабо улыбнулся бывший гвардейский полковник. – Когда брата пришли арестовывать, я по их подпоручику с семи шагов промахнулся. Не беспокойтесь, Ваше Высочество, сил для ходьбы ещё достаточно.

– И всё же...

– Не стоит забот, право слово. Дойду.

– Погодите, – внезапно оживился унтер. – А не был ли тот подпоручик невысокого росту, поперёк себя шире, с редкими зубами, да рыжий?

– Не разглядывал, но вроде бы похож, – ответил Тучков.

– Да что же вы сразу-то не сказали, ваше благородие?

– О чём?

– Так ведь эта гнида... ой, простите, подпоручик Семёновского полка Артур Виллимович Кацман, тварь остзейская, праздная чудесное избавление от смерти, изволили напиться допьяна и утонуть поутру в проруби на Мойке. Радость-то какая, ваше благородие! – И тут же, перейдя на крик, проорал в сторону обоза. – Митроха, тёмная твоя душа, подай сани господину рядовому!

...День в дороге тянулся неимоверно долго, но когда колонна наконец-то остановилась на ночлег в забытой даже чёртом чухонской деревушке, снедаемый любопытством Александр Павлович поспешил найти бывшего полковника. Заинтригованный совершенно, он обнаружил штрафника в преинтереснейшей ситуации – за столом, с кружкой чего-то подозрительно пахнущего, в окружении унтеров, с раскрасневшейся физиономией.

– Смирна-а-а! – рявкнул заметивший высокое начальство егерь, заставив в очередной раз поморщиться.

Зачем изображать показное рвение, если исполняешь приказы командира батальона только тогда, когда они не расходятся с неведомым, но изложенным на бумаге предписанием? Заглянуть бы в него хоть одним глазком... Нет, лишь виновато разводят руками, но при случае обязательно цитируют краткие выдержки. И что же в двух третях, что ещё не услышано?

«Какое трогательное единение с народом, – с небольшой завистью подумал Александр, приветливо улыбаясь. – Вполне себе гармония, предмет мечтаний господина Руссо».

– Ваше Высочество, тут... – смутившийся Тучков не договорил.

– Полно вам, Александр Андреевич, лучше к столу пригласите.

Пригласили, подвинулись, втайне гордясь, что не погнушались. Да что втайне, на лицах написано – запомним и детям передадим! И тут же сунули в руку глиняную кружку, которую сиятельный прапорщик опрокинул единым духом. И застыл, тщетно силясь вздохнуть.

– Это что, из рыбьей чешуи делают? – спросил хрипло и сам удивился внезапно севшему голосу.

– Чудной народец эти чухонцы, – откликнулся сидевший рядом егерь и заботливо подвинул деревянное блюдо. – Закусите, Ваше Высочество.

Александр не отвечал, чувствуя мерзкий вкус во рту, зажёгшийся огонь в желудке, и невиданное умиление в душе. Ощутил себя плотью от плоти земли русской, частичкой соли её и... и... и псом поганым, предавшим и продавшим родного отца. Забылись и мама-немка, бабушка-немка, ещё одна бабушка – тоже немка, дедушка... вот тут лучше считать наполовину немцем, не то ведь и досчитаться можно! И осталась наваянная дрянной чухонской водкой обыкновенная русская тоска... А может, и не обыкновенная...

– Закусочки вот, – продолжал беспокоиться сосед. – Знатная закусочка!

Лукавил уса́тый чё́рт! В сравнении с ужином штрафников стол унтеров выглядел неожиданно бедно: гороховая каша с салом, сухари, сало уже без каши, несколько крупных луковиц, пара дюжин печёных яиц в глубокой миске. Зато есть пузатый кувшин. Сменяли на харчи?

Заметив недоумение, егерь скользнул взглядом по отгораживающей угол занавеске, за которой угадывалось какое-то шевеление:

– Мальцы там голодные, Ваше Высочество. Вот мы и немного...

Пёстрая от заплат тряпка колыхнулась, открыв худую чумазую мордочку.

– Поди-ка сюда, – позвал Александр, нашаривая в кармане серебряную полтину. – Держи.

– Не понимают они по-нашему.

Но мальчуган лет шести оказался сообразительным – подбежал, выхватил монету и тут же юркнул обратно под всеобщий одобрительный смех.

– Вот, а ты говорил – не поймёт.

– Чужое брать, тут сообразительности не надобно, – унтер вздохнул. – А медью лучше бы было... отберут ведь.

– Кто?

– Управляющий ихний и отберёт.

– Да как он посмеет?

– Недоимки, Ваше Высочество.

Александр стукнул кулаком по столу, хотел что-то сказать... и промолчал, потянувшись к кувшину.

Утром командир батальона проснуться не смог, поднялся только к обеду, мучимый головной болью, стыдом за беспомощное состояние и провалами в памяти. Сунувшийся с помощью Василий был обруган нещадно с посулом дранья батогам на ближайшем привале.

– Так уже, Ваше Высочество, привал.

Александр представил вопли, которые могли бы производиться денщиком при экзекуции, вздрогнул, и вяло отмахнулся:

– Батоги отменяю. Но всё равно поди прочь.

Обнаружившийся на тех же саях Тучков облизал сухие губы и посоветовал, осторожно выговаривая слова:

– Пётр Великий опохмеляться не запрещал.

– Точно ли так?

– Прямого указа не издавал, конечно. Грозен был государь, ничего не скажу, но ведь не зверь же какой?

– Вы определённо в этом уверены, Александр Андреевич?

– Поправление здоровья командира не может не послужить ко благу Отечества. Васька, чарки где, ирод?

И впрямь попустило. Прапорщик в скором времени смог оглядеться, не опасаясь подступающей дурноты и не борясь с головокружением. Колонна только что остановилась, и штрафники уже толпились у кухонь, подставляя котелки походным кашеварам. В желудке громко квакнуло, и уловивший намёк Василий тут же выставил командирскую долю, до того заботливо укрываемую под лежащим в саях бараньим тулупом.

– Опять щи?

– С головизной, Ваше Высочество. Да оттаявшие кулебяки к ним.

– Прочь с глаз моих, аспид! А котелок оставь.

Покончивший со своими щами и уже уничтожающий перловую кашу Тучков скромно заметил:

– Ну не померанцами же нас угощать. А тут весьма дёшево и сытно – бережёт государь Павел Петрович штрафной батальон.

– Бережёт? – изумился Александр и опустил ложку. – А как назвать вот это вот... э-э-э... смертоубийство?

Бывший полковник пожал плечами:

– Закалкой?

– Объяснитесь.

– Ну... мне, во всяком случае, наше сегодняшнее положение напоминает изготовление клинка: бьют, мнут, бросают в воду...

– Но умершие по дороге? Но покончившие с собой? Да, я приказал сломать их шпаги и так бросить... но понять и принять не могу.

– Отжигают примеси, Ваше Высочество. Уходит окалина, остаётся булат. И мы, мнится, острие того клинка.

– Вы так говорите, Александр Андреевич, будто одобряете... *vous comprenez*?

– *Oui mais...* Но отчего бы быть недовольну? Отечеству понадобилась моя жизнь? Что же, я готов отдать её там, где оно находит нужным.

– Помилуйте, полковник...

– Бывший полковник.

– Вот именно! Вас не заботит то, что вместо Отечества приказ исходит от безумного императора? Да, он мой отец, но ведь безумен же, согласитесь?

– Не более нас с вами, Ваше Высочество. – Тонкие губы Тучкова чуть дрогнули в улыбке. – Ужели скорбный умом смог бы организовать то, чему мы свидетели сейчас? Нет, не наш батальон, хотя и его тоже.

– Не вижу причин вашего энтузиазма, Александр Андреевич. Не изволите просветить? И отчего, в таком случае, вы оказались здесь, среди осуждённых заговорщиков?

– Судьба, – усмехнулся штрафник. – По чести сказать, я и о заговоре не знал совершенно, а за оружие взялся лишь защищая старшего брата.

– Убит?

– Николай только ранен и оставлен до излечения в Петропавловской крепости. Но вернёмся к вопросу, Ваше Высочество. Единственно сначала постарайтесь ответить на мой... Мог ли безумец так своевременно собрать врагов своих воедино, причём именно самых нужных врагов, вынудить их к выступлению в самый удобный для себя момент и нанести решительный удар? И заметьте, наиболее жестоко пострадали лица, живущие торговлей с Англией. Или указ о конфискации имущества просто так появился, под действием воспалённого мозга? Нет, уверяю Вас, там миллионы, а они случайностям не поддаются. И не удивлюсь, если окажется, что планы императора далеко превосходят моё скромное воображение.

– Вы думаете, Александр Андреевич...

– Несомненно! Единственным выстрелом государь Павел Петрович убивает даже не двух, а кабы не меньше десятка зайцев. Некоторое поправление финансов за счёт реквизиций, это раз. Вторым можно считать уничтожение всяческой оппозиции: любой голос против будет подавлен жесточайше, не вызывая при этом удивления. А какой щелчок по носу надменным англичанам? А и не щелчок – бомба, брошенная в крыйт-камеру каждого корабля, британского, разумеется. Сколь долго продержится их флот без поставок русского леса, мачт, пеньки, железа, воску? То-то и оно! А милейший граф Пален, по слухам, ведающий контрабандой в нарушение блокады, убит...

– Случайность.

– Да? Случайность, подкрепленная пулями и штыками гвардейцев полковника Бенкендорфа? Согласен, тогда ещё прапорщика... Но не намекает ли неожиданный взлёт сего юноши о действиях, заранее с императором оговоренных и выполненных с чрезвычайной скрупулёзностью? Хорош же случай – именно в ночь, назначенную заговорщиками, в Михайловском

замке ни с того ни с сего оказывается совершенно непредусмотренная рота Семёновского полка.

– И та повторная присяга вечером...

– Служила лишь предостережением Вам, Ваше Высочество. От излишне резких и необдуманных действий. Иначе не объяснить, разве что...

– Что?

– Нет, пустое... Мне не в силах угадать мысль гения, каковым, несомненно, Ваш батюшка является. Может быть, просто пожалел?

Бывший наследник престола зябко поёжился. Это что, смерть взмахнула своей косой и остановила её? Или мрачное орудие пролетело над головой, лишь слегка затронув и обдав могильным холодом? Слепец! Нет, это он сам слепец и безумец, если умудрился проглядеть такое. А всё бабка Екатерина... старая блудливая сучка... Сама померла, ещё и внуков решила на тот свет прихватить? Её выкормыши всё и затеяли...

– Продолжайте, Александр Андреевич. Извините, задумался. Вы можете предположить нашу дальнейшую участь?

– А что в ней неясного? Выжившим – слава, погибшим – прощение. Погибшим в бою, разумеется, а не как нынешний бумагомарака.

– Кто?

– Вам не докладывали? Ах да, о чём это я... Нынче ночью повесился известный сочинитель Радищев. И представьте себе, Ваше Высочество, жердь, к которой был привязан шнурок, оказалась осиновой. Воистину кесарю – кесарево, а Иудушке – иудино.

– Не любите сочинителей?

– Ну почему же? И самого порой на вирши тянет, не без греха, однако. Но не его ли трудами, грязным пасквилем, оплаченным из известно чьего кошелька, оказались смущены многие юные умы, в сей колонне пребывающие? Верно говорю: накипь уходит.

– Вы жестоки, Александр Андреевич.

– Рационален, Ваше Высочество, не более того. Нас ждут впереди сражения, и я не хотел бы иметь за спиною подобных... подобных... Да, подобных! Умереть не боюсь, но от руки подлеца было бы обидно. Но слава Господу, – Тучков перекрестился, и Александр последовал его примеру. – Слава Господу, государь побеспокоился об этом. И ещё, эти вот шнурки... Согласитесь, что господам вольтерьянцам и вольнодумцам трудно будет объявить самоубийц павшими в борьбе с ненавистной им тиранией. Нет, Ваше Высочество, план императора настолько безупречен, что поневоле склоняешь голову перед его величием.

Бывший полковник замолчал, предавшись ожесточённому почёсыванию, и командир невольно поддался подобной заразной слабости – всё же ночёвки в деревнях и на мызах не могли пройти бесследно.

– Ничего, – успокоил Тучков, заметив движения прапорщика. – Придёт и в сии места цивилизованность. А в Ревеле бани есть?

– Должны быть.

– Потерпим ещё два перехода, Ваше Высочество?

– Потерпим, Александр Андреевич, разве бы не чаво?

– Простите?

– Чаво, говорю...

И оба рассмеялись удачной шутке.

Глава 6

– И позвольте поинтересоваться, граф, каким образом предполагается удовлетворять потребность армии при такой скорострельности? Ведь ежели судить по представленным образцам, обыкновенный солдат сможет сделать в минуту не менее десяти выстрелов!

– Больше, особенно если это обученный солдат.

– Вот именно!

Господи, как же мне не хватает Бенкендорфа, отосланного с особым заданием, о котором вслух лучше и не говорить. Нет, не предательства боюсь – засмеют. Эти вот спорят, а Александр Христофорович чуть не каждое слово почитал божьим откровением, но, как ни странно, твёрдо настаивал, если видел явную ошибку. Незаменимый человек, к тому же не делающий вопросительное лицо при незнакомых выражениях. Эти же... Ах да, повторяюсь.

Что ещё сказать? В неделю, ему отведённую, Кулибин, разумеется, не уложился. Их три прошло, прежде чем получилось нечто, что можно предъявить пред государевы очи. Зато вместо присущего всем без исключения изобретателям самодовольства чувствует себя смущенным из-за нарушения высочайшего приказа. Ругать и выражать недовольство не стал, наоборот, одобрил и вознаградил, возведя в графское достоинство. А что, ужели не заслужил? Получил же литератор граф Толстой орден из рук самого товарища Калинина, а от этого толку, почитай, много больше будет. С бородой, впрочем, Иван Петрович расставаться категорически отказался, чем вызвал определённую зависть в обществе и десяток доносов на августейшее имя. Забыли люди про первый кнут? Напомню ужо...

В данный момент механик походил более всего на укротителя диких зверей, втолковывающего что-то учёным обезьянам – именно такое впечатление производили его собеседники. Я ни при чём, хоть и не ахти какой красавец, но всё же... А вот Аракчеев, он тоже граф, оказывается, напоминал поднявшуюся на дыбы гориллу, неизвестно почто обряженную в военный мундир. Фёдор Васильевич Ростопчин – тот с мартышкой схож, только крупнее. И оба при параде, орденах и лентах, едва прикрытых прусским плащом на рыбьем меху. Морозоустойчивые у меня генералы, однако. Ничего, поморозят сопли на сыром ветру, живо поменяют форму одежды на более приличествующую климату. Специально до обеда здесь продержу!

Здесь, это на небольшом стрельбище, устроенном прямо на льду безымянной речушки близ Санкт-Петербурга. Вернее, название есть, но не царское это дело – каждый ручей знает в лицо. Высокий противоположный берег служил неплохим уловителем пуль, а местность на несколько вёрст была оцеплена гвардейцами, в нарушение моих же уставов одетыми в тёплые полушубки, подшитые кожей валенки, да папахи наподобие казацких. Они и не противились новой форме – пар костей не ломит, а хоть и апрель начался, но погоды вполне зимние стоят.

Семёновцы с любопытством косились издалека на странное оружие в руках Кулибина, и видно было, как шевелятся губы, сопровождая подсчёт количества выстрелов. И удивлялись. Да и я бы удивился, если бы не видел в своём будущем ружей с гораздо большей скорострельностью. До пулемёта изделие Ивана Петровича, конечно, не дотягивало, но с трехлинейной винтовкой при определённом допущении сравнимо. Вот если бы ещё сделать так, чтоб не приходилось закладывать заряды поодиночке... Недостижимая мечта, притом для бумажного патрона. Ну не колокола же, по примеру прадеда, переливать? Он – на пушки, я – на гильзы...

– Так вы не ответили на вопрос, граф, – продолжал настаивать Аракчеев, тайком сморкаясь в широкий рукав. – Какое количество ружей нового образца способны поставить наши заводы? И заряды... Потребность в них возрастет многократно, не так ли? Каким образом всё это будет производиться?

– Если на то будет Высочайшее соизволение... – Кулибин делает паузу, и взгляды трёх пар глаз скрещиваются на моей августейшей персоне. Слово-то какое гадкое, прости, Господи!

А чего опять я? Ужели свет клином сошёлся?

– Дай-ка сюда! – Делаю вид, будто без самоличного испытания не то что ответов не будет, а и сам мир рухнет, провалившись в тартарары.

Ухватистая штука, особенно если, взявшись за ствол, хорошенько треснуть супротивника по башке прикладом. Штыка, по счастью, нет. А как стреляет? Отодвигаю руку Ростопчина, почтительно подающего патрон, и надеваю сумку с зарядами: если испытывать, то испытывать настоящим образом! Затвор тугой, он, как пояснял изобретатель, сжимает пружину ударной иголки и одновременно взводит курок. Ага, а куда тут совать? О, вроде разобрался... Приступим?

Мишени, представляющие собой обряженные в английские мундиры соломенные мешки на шестах, ровно в полутысяче шагов. Попаду? Пуля, во всяком случае, долетит. Забавно... Рассказывая вчера о её устройстве, граф Иван Петрович вдруг засмутился, понизил голос до шёпота, а само название вообще произнёс на ухо. Посмеялись и утвердили новое наименование боеприпаса: «грибная шляпка». Солдаты потом всё равно переиначат на старый лад, ну и пусть, зато в заграничах головы изрядно поломают, гадая, как сей частью организма можно выстрелить из ружья.

Ложусь прямо в снег, вызвав удивлённые взгляды. Ну да, они же тут привыкли стоя стрелять... нет уж, на фиг надо. Прицел непривычный: мушка неизвестно для чего заключена в кольцо, а сам целик сделан вообще в виде короткой трубочки. Непривычно, но очень удобно. Навожу мишени в грудь... Блин, а у спускового крючка совсем нет свободного хода... Выстрел! Нормальная отдача, чего жаловались? Только дымище... Представляю, что будет при пальбе плутонгами. Хотя чего представлять, видел сам неоднократно. Ага, через подзорную трубу, когда мамаша наконец-то отпустила погеройствовать на войну со шведами. На безопасном расстоянии погеройствовать. Следующий патрон... выстрел... ещё... Мешки в английских мундирах явственно вздрагивают при попадании, одному красномундирнику оторвало соломенную голову.

– Потрясающе, Ваше Императорское Величество! – По лицу Аракчеева видно, что не врёт и искренне выказывает восхищение. – Три хороших стрелка смогут противостоять роте! Да куда там роте, десяток солдат страшнее артиллерийской батареи будут.

– Ты уж, Алексей Андреевич, пушки-то в утиль не списывай, рано ещё перековывать мечи на орала. А вот графу Ивану Петровичу укор. – Кулибин смотрит непонимающе, и пока я поднимаюсь, настораживается. – Почему порох без дыма не сделал, а?

– Но как же, Ваше Императорское Величество?

– Мне почём знать? Матушке моей бездымные фейерверки сотворил? Вот изволь и здесь потрудиться. Хочешь титул княжеский?

– А-а-а... – Механик от удивления чуть не подавился бородой. – А там не было пороха.

– Как так?

– Оптические иллюзии с кривыми зеркалами, линзами, разноцветными стёклами.

– Хреново, – заключил я, после чего последовало тягостное молчание, нарушенное всё тем же Аракчеевым.

– А ежели нам стрелков редким строем поставить? Тогда и дым не помеха.

– А ещё лучше – закопать!

– Живём? – ахнули все трое.

– Конечно! Где вы видели умеющих стрелять покойников?

– Простите, Ваше Императорское Величество, – осторожно кашлянул Ростопчин. – Мы, наверное, неправильно поняли Вашу мысль...

Чего они так смотрят, будто я чудище обло, озорно, огромно и стозевно? Ах вот что...

– Живодёром-то не считайте, ироды! Закопать – сиречь посадить солдат в окопы, тем самым дав возможность стрелять лёжа или с упором на бруствер, что увеличит точность огня и уменьшит потери от ответных выстрелов.

– Если они будут, ответные-то! – воскликнул Кулибин. – Какая удивительная забота о людях, Ваше Императорское Величество! Господь благоволит человеколюбцам!

Но граф Аракчеев был более циничен. Или практичен? Произведя в уме некоторые подсчёты, он тут же выдал результат:

– Шанцевый инструмент обойдётся значительно дешевле обучения и содержания рекрута. Сберегая солдат, мы сберегаем казну. Кстати, о казне...

– Ею займётся Фёдор Васильевич, – перебиваю графа. – Тебе же, Алексей Андреевич, надлежит внести в уставы должные изменения, дабы ни одна ленивая скотина не смогла отговориться непонятностью и заумностью приказов. Это завтра, а сегодня займись отработкой новой тактики с семёновцами. Видишь – изнывают от любопытства? Вот и утоли жажду знаний!

– Простите, Ваше Императорское Величество, так ведь снег кругом...

– Я знаю.

– Земля смёрзшаяся.

– И об этом докладывали.

– Но каким образом...

– Но ты же большевик, Алексей Андреевич!

– Я?

– Сомневаешься в государственном слове?

Если бы я знал тогда, чем оно обернётся... Но нам не дано предугадать, как наше слово отзовется. В любом случае на будущее язык стоит попридержать и не разбрасываться незнакомыми понятиями.

Граф Аракчеев, подумав, что государь обвиняет его в принадлежности к франкмасонам, поспешил опровергнуть незаслуженное и опасное подозрение весьма своеобразным способом. Самым, впрочем, для него естественным. Воспользовавшись полномочиями военного министра, пусть не объявленного, но считающегося таковым по умолчанию, Алексей Андреевич оставил на стрельбище половину гвардейцев под началом прапорщика Акимова, а с другой же половиною двинулся в Петербург вслед за нами. Отправился, ага... Пока в Михайловском замке царила тишь да благодать, столица оказалась поставленной... хм... скажем так, на уши. Руководствуясь составленными ещё Бенкендорфом списками, он прошёлся по городу частым бреднем, вылавливая не представлявших доселе интереса третьестепенных членов масонских лож. И каждому был задан главный вопрос:

– Ты большевик?

Не менее сотни сознавшихся в этом грехе были тут же отправлены на рытьё окопов, получив снисхождение за честность, остальные, забитые, подобно селёдкам, в старые гатчинские казармы, дожидались решения своей участи.

Курьёз сей мне был доложен на следующий день, вызвав немалое веселье с моей стороны и удивление тем весельем со стороны Аракчеева:

– Я что-то сделал не так, Ваше Императорское Величество? – спросил Алексей Андреевич, обеспокоенный моим приступом истерического смеха. – Или арестованных теперь отпустить?

– Да ни в коем случае, граф! – Утираю слёзы, представляющие угрозу тарелке с отбивными. – Особенно в отношении второго. Не допустим в христианском государстве столь богомерзких и еретических учений. Троцкисты нашлись доморощенные.

– Простите, Ваше Императорское Величество, кто?

– Ах да, ты же не знаешь... – Лихорадочно соображаю, чего бы соврать на этот раз. Вот и Мария Фёдоровна поглядывает с подозрением. – Это тайны Мальтийского ордена, граф, и сам понимаешь... тайные знания, традиции веков... Но насчёт большевиков погорячился, однако.

– Да?

– Разумеется. Неужели я бы назвал столь верного слугу трону и Отечеству каким-нибудь непотребством? Так что не изволь беспокоиться, Алесей Андреевич, большевики были и остаются людьми честнейшими, и принадлежность к ним является высшим знаком доблести. И ответственности, разумеется.

Присутствующий на ужине Ростопчин оторвался от предоставленных Аракчеевым проскрипционных списков и с лёгкой завистью в голосе произнёс:

– С двумя миллионами, возвращёнными в казну в течение одного дня, можно рассчитывать на вступление в столь славную когорту. А вот что делать обыкновеннейшему канцлеру?

– Денег мне найди на двадцать тысяч кулибинских винтовок. – Нож в моей левой руке делает полукруг и показывает в сторону занятого увлекательным сражением с бужениной механика. – Не поверишь, эта борода многогрешная отказывается поставлять оружие бесплатно.

– Государь! – В знак высочайшего благоволения механику позволено обходиться без должного титулования, чем он с превеликим удовольствием пользуется, подчёркивая свою исключительность. – Разве в тех копейках дело, государь? Переделка штуцера под зарядание с казны обойдётся всего в шесть рублей.

– Однако! – на грани приличия присвистнул Ростопчин. – Не жирновато ли будет?

– В самый раз! – огрызнулся Иван Петрович, чувствуя мой одобрительный настрой. – И харя не треснет, не извольте беспокоиться. Кто не хочет кормить своих механиков, тот будет кормить чужую армию.

– Изрядно сказано, – кивнул Аракчеев. – Но, как я понимаю, есть какие-то иные препоны?

– Сколько угодно, – согласился Кулибин. – И не говорю о том, что при упоминании допусков в тысячные доли дюйма мастера у виска крутят, а иные за насмешку с кулаками кидаются. Нету у нас мастеров столько, нету! А один, пусть с шестью помощниками, в неделю не более трёх штук дам. А припас, государем гремучей ртутью поименованный, где взять в потребных количествах?

– Сделай.

– Я тебе что, Алексей Андреевич, аптекарь, слабительное снадобье пудами изготавливающий?.. – Вдруг замолчал неожиданно, уставившись перед собой в одну точку. Потом пробормотал. – Аптекарь? Пожалуй, оно и верно. Ваше Императорское Величество, прошу разрешения сей же час отлучиться в аптеку по государственной надобности.

И убежал, не дожидаясь разрешения, как был – с повязанной на шею салфеткой.

Ростопчин проводил изобретателя взглядом, вздохнул и сбил невидимую пылинку с рукава своего казачьего, по новой моде, чекменя:

– Увлечённый человек, благослови его Господи.

– Да и я не забуду, – намекаю многозначительно. – Так что же насчёт денег, Фёдор Васильевич?

– Их нет, Ваше Императорское Величество! – бодро отрапортовал канцлер.

– Как это нет? А кто только что намекал на два миллиона?

– Не намекал, прямо говорил. Эти миллионы есть, но... но их как бы и нет. Всё имущество заговорщиков, подлежащее конфискации, оценивается в кругленькую сумму, Ваше Императорское Величество. Но именно оценивается и не является наличностью. Да, конечно, золото и камни можно обратить в деньги, но основную долю составляют земельные и лесные угодья, деревни с крестьянами, дома в обеих столицах и иных городах.

– Хреново.

– Иного слова и не подобрать, Ваше Императорское Величество. Оно одно со всей полнотой отражает состояние финансов нашего государства. А сделанные в прошлое царствование долги...

– Мамашиными грехами мне в морду не тычь! Лучше скажи, что делать будем?

Неожиданно вмешалась императрица, доселе внимательно и, главное, молча слушавшая умные мужские разговоры. Женская логика, как всегда, была безупречна:

– А если нам взять контрибуцию с Пруссии?

– А они её дадут? – тут же оживился Аракчеев, смертельно скуцавший при обсуждении финансовых вопросов.

Ощущая странную раздвоенность личности. Одна половина при упоминании Пруссии сжимает кулаки и требует немедленно прижать сию страну к ногтю, предварительно сравнив с землёй, другая же подсчитывает прибыли, могущие последовать от осуществления этого предприятия. Но обе, кстати, нисколько не протестуют против такого предложения. Странно, ведь ещё недавно я слыл завзятым пруссоманом.

Мария Фёдоровна меж тем ответила:

– Конечно не дадут, Алексей Андреевич, особенно если Вы её потребуете. Но вот если вежливо попросит Кутузов, обещая взамен запретить казакам стирать портянки в фонтанах Сан-Суси...

Умнейшая женщина!

– Душа моя, чем же тебе досадили эти бедные Михели?

– Самим своим существованием, Ваше Императорское Величество! – Тон императрицы стал сух и официален, и в нём скрывалась обида. На что?

– У нас договор!

– А Фридрих Вильгельм Третий – тряпка, о которую половина Европы вытирает ноги!

Хм... Оно, конечно, правильно, но... И этих «но» можно найти не менее сотни. Главное же из них – рано и пока невыгодно.

Ростопчин со всей почтительностью попытался объяснить эту же самую мысль, но Мария Фёдоровна осталась непреклонна:

– Фридрих Второй ограбил все германские земли.

– Так когда оно было-то?

– А ответить за это должен сейчас!

– А Наполеон – всю Европу! – привожу ответный аргумент и пытаюсь перевести разговор на иную тему. – А англичане обчистили весь мир, включая обе Индии.

– Какие мерзавцы! – Женское внимание тут же меняет свой интерес. – Но мы этого так не оставим, Ваше Величество?

– Несомненно, дорогая.

Успокоенная таким образом императрица удалилась, позволив нам за кофе и чубуками наконец-то перейти к обсуждению действительно серьёзных проблем.

– Фёдор Васильевич, ответ от Папы Римского так и не получен?

Ростопчин разводит руками и молчит. Вот так же молчал, когда я отправил в Рим письмо с предложением перенести престол Святого Петра в Россию. Зачем я это сделал? Представления не имею. Многие мои поступки так и остались загадкой для меня самого.

– Известий нет, Ваше Императорское Величество.

– Ждём ещё неделю, и тогда... и тогда распространите среди иностранных посланников слухи о моей злой шутке. Именно так.

– Будет исполнено! – Канцлер склоняет голову, одновременно копаясь в папке с бумагами, и на край стола ложится чуть желтоватый лист. – Вот, осмелюсь обратить Ваше внимание на этот документ. Донос на Кутузова.

– С каких это пор анонимные письма стали документами?

– Оно подписано, Ваше Императорское Величество.

Документ 8

Нету свободы
Днесь на земли:
Цепи, оковы,
Душу и тело
Вечно стесняя, к гробу гнетут.

Жалобно стонет
Бедный в плену;
Плачет, рыдает —
Кто помощь дает?
Руку протянет – слезы сотрет?

В лоне распутства
Дремлет деспот;
Алчет ли крови —
Льют для него.
Мстящую руку кто вознесет?

Бедный, несчастный,
Слезы сотри!
Изверг могущий!
Нас трепещи:
Мы равновесье в мире блюдем.

Анонимная масонская песня, 1799 г.

Глава 7

– Ваш завтрак, господин Блюмберг! – Шкипер шведской скорлупки разговаривал на столь скверном немецком языке, что Бенкендорф не мог точно определить, от чего его больше мутит – от качки и мыслей о еде или от этого голоса.

– Засунь свои харчи себе в... – по-русски ответил Александр Христофорович, зажимая рот перчаткой. Себе, разумеется, потому что моряк несколько не страдал от некоторых неудобств путешествия. – Когда будем в Копенгагене?

– Сегодня к вечеру, господин Блюмберг. Если только погода не испортится и не преподнесёт сюрпризов.

– А сейчас что?

– Свежо, – пожал плечами швед. – Пиво, разумеется, оставить?

Бенкендорф молча кивнул. Не то чтобы он очень любил пиво, хотя происхождение подразумевало это, наоборот, скорее – стоически терпел, за неимением любимого виноградного вина. Им с недавних пор стало цимлянское, по примеру государя-императора. От него же приобрёл и привычку морщиться по любому поводу и без оно. Вот и сейчас гримаса исказила лицо... Но приходится пить пахнущее салакой шведское пойло, дабы соответствовать образу почтенного, несмотря на столь юный возраст, негоцианта, бегущего из охваченного смутой Петербурга.

Более всего почтению способствовали тяжёлый поместительный ларец да пара заряженных двустольных пистолетов за поясом его владельца. Ну и, конечно же, самого зверского вида охранник, в дневное время всегда стоящий у входа в каюту с мушкетом.

– Так я пошёл? – уточнил швед.

– Ну конечно же, херре Густав. И всё-таки зря вы не хотите отвезти меня напрямую в Англию.

На физиономии шкипера отразилась давняя борьба между осторожностью и алчностью. Но первая одержала победу, хотя и с немалым трудом, что стало заметно по глубокой печали в глазах.

– Это невозможно, господин Блюмберг. Блокада, устроенная...

– О, не напоминайте даже, херре Густав! – Александр Христофорович изобразил приступ морской болезни, для чего даже не пришлось притворяться. – Меня мутит при одной мысли о потерях, понесённых торговлей моего отца.

– Охотно верю. Но... – Швед поглядел на зелёное лицо собеседника и поспешил откланяться. – Но я пойду, хер Александер?

Получив разрешение столь выгодного и платёжеспособного пассажира, шкипер пулей вылетел за дверь, аккуратно притворив её за собой. Неужели испугался случайного заблевания своих башмаков? Да не должен бы – ежели судить по главенствующим на судне запахам, подобное здесь в порядке вещей. Тут же в каюту просунулась бородатая рожа донского казака Ефима Лапочки, добросовестной игрой в прилежного слугу запугавшего всю команду.

– Не ндравится мне он, ваше превосходительство.

– Хм...

– Виноват, ваше степенство хер Александер! Но все одно не ндравится.

– Тебе с ним целоваться, Ефим?

Казак опешил от такого предположения и плюнул на палубу, не ставшую, впрочем, от того грязнее. Наконец справился с собой:

– Мутный он какой-то.

– Швеция – наш союзник.

– Отож! Но не грех ли это – одного чёрта в кумпанстве с другим бить?

– То государева забота! Да и наше ли дело в политику лезть? Лучше бы пистолеты проверил, чем рассуждать, о чём не знаешь.

Ефим, ворча под нос неодобрительно, скрылся, а Бенкендорф не раздеваясь упал на постель и отдался размышлениям о превратностях военной службы и неизбежных случайностях, ей сопутствующих. А виновата во всём немецкая сентиментальность, о которой Александр Христофорович, как человек русский, совсем было позабыл. Или это не она? Или действовало то, что вместо приказа прозвучала просьба? Даже не так... Прозвучала просьба найти добровольца для дела столь опасного, что о павшем герое будут слагать легенды, оды и баллады, и юные красавицы принесут цветы на его могилу. Или не цветы? Назовут первенцев именем храбреца... и отчество дадут его же...

Отрезвление пришло позже, когда морская болезнь выбила из головы остатки романтической дури. Как-то оно не мечтается о славе, когда, свесившись с койки, прицельно вымётываешь вчерашний ужин в заботливо подставленную лохань и думаешь лишь о том, чтобы следующей волной её не опрокинуло, как уже случалось не раз. А херре Густав, сволочь такая, уверявший о совершенной покойности пути от Риги до Копенгагена, беспокоясь о денежном пассажире, всё пытался закормить его до смерти. И тут ещё Лапочка со своими подозрениями...

Пфе... Подозревать даже не надо – каналья на каналье, не зря же их Пётр Великий лупил. И, даст Бог, нынешний государь-император отлупит. Вот только... вот только без командира гвардейской дивизии, который и пробыл-то при должности менее двух дней.

Неизвестно, сколько бы предавался унынию Александр Христофорович, если б не грохот пушечного выстрела, прервавший столь неблагоприятное занятие. И почти сразу же – топот ног по трапу, глухой звук удара и недовольный голос Лапочки:

– Ну куда же ты прёшь, нехристь? Господин немецкий купец отдыхать изволют.

– Ефим, кто там?

– Да уже нет никого, ваше степенство, – откликнулся казак через дверь.

– А палил кто?

– Сейчас схожу, узнаю.

– Да спроси кого-нибудь.

– Оне человеческих языков не разумеют. Я мигом!

Казак действительно уложился в пару минут. За это время прозвучал ещё один выстрел, судя по звуку, из орудия солидного калибра, и до слуха донеслись отрывистые лающие команды на шведском.

– Беда, ваше превосходительство! – Вернувшийся Ефим совершенно забыл о всякой маскировке. – Нас англичанка догоняет!

– Одна? – уточнил Бенкендорф.

– Так точно! Но шкипер уже приказал спустить паруса.

– Погано, – заключил Александр Христофорович, набрасывая на плечи тёплый плащ. – Посмотрим?

На палубе встретила сырая погода с пронизывающим ветром и виноватый взгляд херре Густава:

– Легли в дрейф, господин Александер. Иначе они нас просто утопят.

Ну да, в сравнении с «Нетрезвой русалкой» приближающийся шлюп казался громадным и величественным, а открытые орудийные порты намекали о бессмысленности и самоубийственности сопротивления.

– Разрешите, я ихнего капитана подстрелю? – Лапочка ласково погладил ложе ружья. – По такому фазану мудрено промахнуться.

– Сдурел? – Казак обиженно засопел, и полковник поспешил успокоить: – Успеешь ещё настреляться, не последний день живём.

Если Ефим и имел противоположное мнение, то озвучивать его всё равно не стал – с мрачным видом плюнул за борт. Как раз в сторону высылаемой англичанами призовой команды.

– Прошу простить некоторые огрехи моего произношения, господин Когрейн.

– Лорд Когрейн!

– Разумеется, лорд! И ещё раз приношу извинения. Радость встретить цивилизованного человека в этом скопище варваров столь велика, что досадные ошибки происходят исключительно из-за неё! – Бенкендорф почтительно поклонился, прижимая шляпу к груди.

– Для чего вы хотели меня видеть, господин Блюмберг? – Казалось, слова даются командеру с большим трудом, и он насильно выталкивает их через презрительно выпяченную нижнюю губу. – Предупреждаю сразу: вонючая шведская лохань переходит в собственность Его Величества как перевозившая военную контрабанду, и протесты будут отвергнуты за их необоснованность и смехотворность.

– Ну что вы, милорд, какие претензии? Наоборот... – Александр Христофорович замолчал, давая понять собеседнику, что он полностью согласен. После небольшой паузы продолжил, доверительно понизив голос. – Я имею послание к вашему правительству от русской императрицы Марии Фёдоровны, являющейся регентшей при малолетнем императоре Николае.

– Как? – Лорд Когрейн даже подскочил в своём кресле, расплескав херес из стакана. – А куда же делся Павел?

Хм, где же хваленая английская невозмутимость? Более всего командер сейчас напоминал взявшую след гончую, или, пользуясь понятными британскому уму образами, человека, который вот-вот ухватит за яйца лепреккона-башмачника с последующей конфискацией заветного горшочка. Что, благородному лорду надоело командовать двадцатипушечным корытом и хочется большего? Ну да, а вовремя доставленная в Лондон информация, разумеется, даст карьере изрядный толчок. Достойное желание, ничего не скажешь, и помочь в том – занятие не менее достойное.

– Его Императорское Величество почил в бозе. – Бенкендорф благочестиво перекрестился, вызвав тем кривую усмешку собеседника, и мысленно трижды сплюнул через левое плечо. – Он был убит взбунтовавшейся гвардией.

– Но наследником, как я понимаю, являлся его старший сын Александр?

– К превеликому сожалению, цесаревич тоже погиб: поддерживавшая гвардию толпа черни ворвалась в императорские покои, круша всё и вся на своём пути. Ах, милорд, Павел настолько восстановил против себя общество, что бунтовщики в озверении не пожалели даже детей! Увы, милорд, увы... Лишь Марии Фёдоровне с единственным сыном удалось скрыться в доме вашего посланника.

– Что за чушь вы несёте, милейший господин Блюмберг? Лорд Уитсворт вот уже полгода как пребывает в Копенгагене!

Александр Христофорович, по приказу императора лично освидетельствовавший труп, даже обиделся:

– Не знаю, откуда у вас такие сведения, милорд, но его милость собственноручно написал письмо, хранящееся запечатанным в его же собственном ларце, каковой мне поручено доставить в Англию. О, не беспокойтесь, за исполнение поручения уже заплачено.

– Проклятье! – Когрейн ударил кулаком по столу. – А этот болван и выскочка Горацио привёл нас сюда, уверяя, что именно в Копенгагене мы найдём ключи от фортов Кронштадта. Лицемер и мерзавец!

– Простите, милорд, но я, пребывая существом сугубо сухопутным, могу не понимать некоторых морских терминов.

– Вам этого и не нужно, – опомнился командер, осознавая, что и так слишком открылся в нелюбви к Нельсону перед совершенно незнакомым человеком. – Обстоятельства этого дела должны быть незамедлительно доложены адмиралу Хайд Паркеру. Где тот ларец?

– Разве после обыска «Нетрезвой русалки» его не перенесли сюда? Да я же сам видел, как четверо рыжих матросов...

– Рыжих? – неожиданно взревел Когрейн. – Эти ирландские собаки... Повешу!

Успели! Коммандер в сопровождении нескольких прихваченных по пути офицеров ворвался на батарейную палубу за секунду до того, как на крышку ларца опустился тяжёлый плотницкий топор. М-да, ну и нравы здесь царят: вместо того чтобы грозно одёрнуть проштрафившихся подчинённых, командир шлюпа попросту выстрелил матросу прямо в лицо. Впрочем, если бы он этого не сделал, Александру Христофоровичу пришлось бы разделаться с мерзавцем самому – снаряжённый Кулибиным сундучок не предназначался для столь грубого обращения.

– На каторге сгною! На реях развешу! – Ярости лорда Когрейна не было предела.

Немудрено: воры покушались не только на ценные сведения, заключённые внутри, но на саму карьеру, хвост которой так удачно замаячил перед глазами, что потянешь, и достанешь рукой.

– Всех в карцер! Это, – небрежное движение пальцем, – ко мне в каюту и приставить часового.

– Позвольте посоветовать своего слугу, – предложил Бенкендорф. – Эти азиаты настолько преданы хозяевам...

– Странные у вас азиаты, господин Блюмберг. – К командеру вернулась подозрительность, являющаяся обычным состоянием. – И откуда у вас взялся пистолет?

– А-а-а... э-э-э...

– Обыскать!

Совсем молодой офицер, сильно смущаясь ролью тюремщика и сыщика, во исполнение приказа охлопал полковника, выкладывая найденное в подвешенный к потолку гамак. Оружия больше не нашлось – пистолет, вынутый на бегу из потайного кармана, оказался единственным. Зато за подкладкой обнаружился лист бумаги, сложенный вчетверо и с оттиском двуглавого орла на печати.

– Что это, господин Блюмберг?

– Рекомендательное письмо к торговому дому «Бамбл и сын» в Лондоне, милорд! – не моргнув глазом соврал Бенкендорф.

– С партикулярной печатью русской императрицы? Джентльмены, кто знает их язык?

– Позвольте мне? – Всё тот же юнец вышел вперёд, протягивая руку. Получив бумагу, он сорвал печать, развернул лист, подслеповато прищуриваясь, и зачитал вслух:

«Мы, Божьей милостью самодержец Всероссийский Николай, повелеваем полковнику Семёновского полку Александру Блюмбергу донести до сведения августейших особ аглицких и прочих, на пути встреченных, о воцарении Нашем на престоле Российском. А тако же повелеваем просить о помощи рукою вооружённой, флотом или иным способом, для подавления недовольных, к Буонапарте склоняющихся.

С доподлинным верно. Императрица Мария Фёдоровна руку приложила.
1801 марта 14».

Лорд Когрейн молчал, обдумывая открывшиеся обстоятельства. И особенно беспокоили полномочия, данные посланцу для испрашивания помощи. Ведь попади это письмо, да и остальные тоже, к Нельсону... Да Горацио из кожи вон вылезет, чтобы добыть для британской короны такой бриллиант. Что бриллиант, россыпи Голконды меркнут перед возможностью покорить дикое царство, по недоразумению именуемое империей. А выскочка хитёр – не

встречи с Уитсвортом он ждал, а известий, подобных этому. Знал о готовящемся перевороте, одноглазый лис?

– Вы меня обманывали полковник!

– В какой-то степени да, но по чести сказать – нет.

– Это как? – Коммандер удивлённо поднял бровь, требуя пояснений.

– Присяга важнее, милорд.

Когрейн ещё раз удивился. Но не словам, произнесённым Бенкендорфом, а пылу, с которым это было сказано.

«Фанатик и педант, – подумалось англичанину. – С таким будет трудно иметь дело».

– Не возражаете, полковник, если мы продолжим разговор в моей каюте?

– К вашим услугам, коммандер! – Александр Христофорович улыбнулся и демонстративно вытряхнул из рукава длинный стилет, воткнувшийся в палубу. – Почему бы двум джентльменам не поговорить в более... э-э-э... приватной обстановке?

В капитанской каюте ничего не изменилось за четверть часа, разве что исчезло пролитое в спешке вино, да на столе появился спасённый от разграбления ларец. Полковник, которому стало не нужно изображать скромного торговца, без приглашения плюхнулся в кресло, одновременно придвинув к себе коробку с коллекцией превосходных трубок.

– Вы позволите? Не поверите, так соскучился по настоящему табаку! Более всего мне нравится виргинский. Турецкий тоже неплох, но, согласитесь, путешествие через океан придаёт табачному дыму определённую прелесть.

Когрейн кивнул, одобряя выбор пенкового чубука, и предложил:

– Хересу, господин полковник?

– Предпочитаю водку, но может быть, у вас найдётся виски?

Нашли. Разлили. Звякнули стаканами.

– За здоровье вашего юного императора, полковник!

– И его матушки, – согласился с тостом Бенкендорф. – Смею надеяться, коммандер, что их просьба о военной помощи будет доведена до Его Величества? А ещё лучше – составьте протекцию для аудиенции.

Ответа не было довольно долго – англичанин молчал, делая вид, что увлечён исключительно дегустацией напитка. Наконец выдал:

– Видите ли в чём дело, полковник... Его Величество, как бы помягче сказать... он немного не в себе, и решать такие вопросы...

– Да?

– Именно! Кстати, а зачем вам лично ехать куда-то? Долг каждого дворянина – помочь другому дворянину в трудную минуту. Если желаете, то я могу взять на себя столь неблагодарное дело. Да-да, неблагодарное, уж поверьте мне.

– Охотно верю, коммандер. И в благие намерения тоже верю, – на губах Бенкендорфа появилась улыбка, намекающая на...

«Чёрт побери, на что же он намекает? – В том, что этот русский его раскусил, лорд Когрейн уже не сомневался. – Но неужели не понимает? Должен понять!»

– Я могу рассчитывать на ваше... э-э-э...

– Хотите начистоту, милорд? – Александр Христофорович доверительно склонился. – Исполнением этого поручения я рассчитывал значительно поправить своё благосостояние, весьма расстроенное, как ни печально в этом признаваться.

– А десять тысяч фунтов могут тому поспособствовать?

– Не понимаю.

– Простите, полковник, вы прекрасно всё понимаете. Мне выпал уникальный шанс совершить нечто, ведущее к славе и карьере... Откровенность за откровенность: готов поменять деньги на всё это.

– И?

– А вы стоите между мной и возможностью.

– Угрожаете, командер?

– Помилуй Боже, полковник! Угрожать джентльмену и человеку чести? Наоборот, предлагаю вариант, устраивающий нас обоих.

– Пятнадцать тысяч, милорд.

– Это невозможная сумма! Одиннадцать.

– Четырнадцать, и я тут же возвращаюсь в Петербург.

– У меня нет при себе таких денег, полковник! Двенадцать, и возвращаю шведскую посудину вместе с командой.

– Они не стоят и десяти шиллингов. Тринадцать, и то лишь из уважения к королевскому флоту, который обеспечит «Нетрезвую русалку» водой и провизией.

– Хорошо, двенадцать с половиной, но вы дадите расписку никогда не воевать против Англии.

– Обычного честного слова недостаточно? Впрочем, расписка против золота... Я предпочитаю наличные звонкой монетой. Да, милорд, остановимся на двенадцати с половиной. Но в гинеях.

Через три часа командер Когрейн с плохо скрываемой ненавистью смотрел вслед удаляющемуся шведскому судну, с трудом сдерживая желание отдать команду канонирам разнести это корыто в щепки. Но нельзя, слишком многие узнали об этом чёртовом русском полковнике и его миссии, слишком велики будут осложнения в случае его утопления. Пусть плывёт. Но откуда он узнал о некоторых сбережениях, сделанных во время средиземноморского патрулирования? Не иначе нечистый ворожит... И турецкое золото взял по заниженному курсу...

Ладно, пусть сожаления останутся в прошлом. А впереди ждёт доклад адмиралу Хайд Паркеру, блистательный поход в Россию на мостике фрегата как минимум и... и прочее, заманчивое и великолепное!

Глава 8

– Что ни говорите, Александр Павлович, а наше новое обмундирование более приспособлено...

– К каторжным работам?

– Нет, к новым задачам... – Тучков с силой воткнул тяжёлую пешню в лёд, распрямился и захлопал по карманам в поисках трубки. – Не желаете попробовать недавно завезённого?

– Кременчугский? – Командир тоже отставил инструмент. – Александр Андреевич, право слово, курение оно можно приравнять к изощрённой пытке.

– Думаете, моршанский будет получше? Сомневаюсь... Зато в нашей казарме клопов нет.

– Разве что так...

– А с другой стороны, вполне соответствует недавнему указу о запрете ввоза в Россию иностранных товаров, если таковые имеют свойства отечественных.

– Надеюсь, кофий жжёными желудями не заменят?

Тучков лишь неопределённо пожал плечами:

– Во всяком случае французского шампанского нам больше не пить.

– Это да. Но вот чайку... – Александр обернулся. – Василий, давай дуй на «Недотрогу», пусть чаю всему батальону сообразят. И пошевеливайся.

Денщик, трудившийся чуть поодаль, гаркнул что-то радостное и побежал в сторону линейного корабля «Не тронь меня», большинством обзываемого «Недотрогой», наиболее циничными – «Девственницей».

Да, так уж получилось, что вместо ожидаемых штрафниками ружей им выдали совсем другое оружие и бросили на вызволение вмёрзшей в лёд Ревельской эскадры. Зачем это нужно было делать и почему нельзя дожидаться, пока всё растает само, не знал никто. Но посетивший опального наследника бывший рижский губернатор Христофор Иванович Бенкендорф заявил, наставительно воздев к небу указательный палец:

– Зачем искать глубокий смысл в том, в чём, возможно, его никогда и не бывало? Вам, Ваше Высочество, требуется приучить своих штрафников к мысли, что приказы существуют для их обязательного исполнения, а не обсуждения нижними чинами. И потом... Усталость совершенно замечательно выбивает из солдатских голов всякие дурные намерения.

Александр не стал спорить с заслуженным генералом, к тому же пользующимся расположением отца, так как с собственным мнением ещё окончательно не определился, а решил воздействовать личным примером. И вот уже неделю распорядок батальона был таков: утренняя побудка с последующим обливанием холодной водой по суворовской методе, потом экзерциции штыкового боя с пешнями вместо ружей, лёгкий завтрак из каши и двух фунтов хлеба с чаем, и вперёд. Обед доставляли на место работ передвижными кухнями, а на ужин шли сами. Или, если в светлые головы командиров приходила мысль о дополнительной тренировке, бежали.

Командиры... Вот ещё одна головная боль прапорщика Романова. Тучков, с которым Александр в последнее время особенно сдружился, имел несколько иное мнение о проводимых унтерами занятиях. Не далее как вчера заявил:

– Согласитесь, Ваше Высочество, в ночных тревогах есть определённая прелесть. Совсем как в старину, когда по знаку дозорных поднимались богатырские заставы на отражение набегов. И всё это имеет смысл!

Вот и сейчас начальник штаба батальона не давал покоя своему командиру:

– О чём задумались, Александр Павлович? Жизнь прекрасна, просто нужно смотреть на неё с правильной стороны. Это только кажется, что судьба повернута к нам ретиральной

частью – достаточно сделать небольшое усилие, и вот... и вот она уже улыбается. А всего-то – быстрота, натиск и обходной манёвр.

– Вольно же вам балагурить.

– А что не так? Здесь нам осталось всего лишь на три дня работы, погоды хорошие стоят, весной пахнет... А как красивы вон те паруса у кромки льдов, не находите?

– Какие ещё паруса, откуда? – Александр медленно повернул голову в указанном направлении.

Как раз вовремя, чтобы успеть увидеть вдруг пыхнувшие дымами борта неизвестных кораблей. Раньше, чем до уха донеслись звуки орудийных выстрелов, из бело-серых клубов вылетели воюющие чудовища, перечеркнувшие половину неба огненными хвостами.

– Индийские ракеты! – выкрикнул Тучков. – Англичане!

Потом его голос утонул в сплошном грохоте ракетных взрывов, накрывших сразу три стоявших рядом фрегата – «Патрикий», «Симеон» и «Кильдин». Корабли скрылись за стеной огня, так, во всяком случае, показалось.

– Там же люди! – возглас Александра на мгновение перекрыл канонаду. – Бежим туда!

– Стой, дурак! – Бывший полковник совершенно непочтительно ухватил великого князя за рукав. – Супротив пушек с голой жопой собрался? Уводим батальон к берегу!

– Пусти, сволочь! – Августейший прапорщик ударил Тучкова в грудь. – На корабли! К орудиям! Я приказываю!

Русская эскадра молчала. Лишь изредка кто-то из малочисленной команды огрызался бесполезным ружейным огнём. Молчал стопушечный «Ростислав», молчали семьдесят четыре орудия «Памяти Евстафия», закрыты порты «Не тронь меня»... Порох из ревельских погребов должны были начать завозить только завтра, рассчитывая покончить погрузку одновременно с обколкой льда.

– Куда? Вон, смотри, уже «Целка» занялась! Уводи батальон, чёрт побери!

Издалека заметили, как с высокого борта горящего линейного корабля сиганула вниз человеческая фигурка. Упала, перекатилась по льду, и вот уже кто-то в сером штраф-баталлионском бушлате бодро улепётывает на четвереньках. Даже на трёх конечностях, потому что в одной руке неизвестный солдат держал мешающее бежать ружьё. Наконец-то встал на обе ноги и добавил ходу.

– Васька! – узнал Александр своего денщика.

Многочисленные тренировки и сумасшедший пеший переход от Петербурга до Ревеля не прошли даром – полторы версты Василий преодолел немногим позже, чем Тучков успел закончить малый петровский загиб. Тяжело переводя дух, денщик протянул командиру штупер. Два точно таких остались висеть за спиной:

– Вот, Ваше Высочество.

– Молодец!

– Да я же... Жалко просто стало. И патронов ещё немного...

Ближе к вечеру, когда солнце уже собралось было садиться, но окончательно не решило, делать это или нет, прапорщик попросил начальника своего штаба:

– Александр Андреевич, пересчитай людей, пожалуйста. А то я... – дотронулся до бинтов на голове и сплюнул, увидев испачканную кровью ладонь. – Башка трещит, спасу нет.

Тучков кивнул, но прежде чем выйти из помещения аптеки, в которой они расположились, смущённо произнёс:

– Извините, Ваше Высочество за те слова.

– Когда дураком назвал? Нечего извиняться, ты был прав. И это... давай-ка без церемоний, называй меня по имени.

– Да как-то...

– Хочешь сказать, что без отчества только императоров именуют? Ладно, буду скромнее.

– Хорошо, Александр Палыч, уговорил, – невесело улыбнулся бывший полковник и вышел на улицу, опираясь на штуцер как на костыль. Скоро стало слышно, как он орёт, распекая нерадивых.

Нерадивые... А их и осталось совсем немного. Утром удалось вывести батальон к городу в почти полном составе, недосчитались только пятерых, работавших слишком близко к кораблям и попавших под огонь английской эскадры. А потом нарвались на десант численностью никак не менее полка. Всё произошло настолько неожиданно, что противник успел сделать всего один залп, а обозлённые штрафники ударили в штыки. Если тяжёлая закалённая пешня может считаться штыком. Прорвались, потеряв в коротком встречном бою чуть ли не четверть народа. И даже немного вооружились, воспользовавшись трофеями. И ещё раз пополнили запасы оружия, когда позже вернулись на место сражения забрать убитых.

– Батальон своих не бросает! – заявил Александр удивлённому странной тактикой Тучкову. И, понизив голос до шёпота, пояснил: – По распоряжению государя-императора семьям погибших будет выплачиваться небольшой пенсией по потере кормильца. А пропавшие без вести полагаются дезертирами.

– Так не может быть!

– Но так оно есть.

Александр Андреевич отсутствовал четверть часа и вернулся не один – его сопровождал батальонный священник отец Николай, в порванной рясе, прикрытой наброшенным на плечи тулупчиком, с засохшей на густой бороде кровью. В руке батюшка держал неизвестно где добытый драгунский палаш, который на ходу неодобрительно рассматривал на предмет повреждений.

– Дрянной клинок, Ваше Высочество. То ли дело златоустовские...

– Сто семьдесят два человека в строю, Александр Павлович, – перебил ворчание священника Тучков. – Раненых сто четыре, но половина не доживёт до утра.

– А утром триста одиннадцать было. Очень плохо.

– Истинно так, – поддержал отец Николай. – А англичан тысячи две будет. А губернатор, предатель, ключи от города на подушке вынес.

– Но как же... – растерялся командир батальона. – Мы ждём подкрепления...

– Полки отведены губернаторским приказом. Я только что ходил с охотниками и сам видел удирающих улан. – Перехватил взгляд Александра, обращённый на палаш. – А десяток англичашек всё же прихватили со спущенными портками. Там и положили.

– Но вам же нельзя... из сана извергнут.

Священник построжел лицом:

– Не о том думаем, отцы-командиры. Я-то свои грехи уж как-нибудь отмолю, а вот что нам делать? – Слово «нам» было выделено особо.

– Есть какие-либо предложения?

– Есть, Ваше Высочество. – Отец Николай приподнял край рясы и вытащил из-за голенища сложенную карту, положил на стол и ткнул почти в середину толстым пальцем. – Вечером, считайте уже ночью, подписание капитуляции. И ежели ударить по Екатерининскому дворцу вот отсюда...

– Чепуха, – ответил Александр. – Армия в темноте не воюет.

– Мы не армия.

– А кто, тати ночные?

– Разве нет?

Сравнение пришлось командиру явно не по вкусу. Он в раздражении стукнул кулаком по ни в чём не повинной карте и выругался вполголоса. И замолчал, когда в голову пришла простая мысль: отступать некуда. То, что англичане до сих пор не озаботились уничтожением потрёпанного батальона, объяснялось лишь царящей среди них эйфорией от быстрой победы.

Да ещё тем, что окрестные дома заселены преимущественно законопослушными немцами, пока не получившими приказ доносить новым властям о каждом увиденном русском солдате. И если сейчас предпринять меры к отходу, уничтожат, зажав в узких улочках, даже крикнуть никто не успеет.

– Откуда знаешь о подписании капитуляции?

– Ихнего лейтенанта живьём взяли. Изволите посмотреть лично?

Посмотреть? А почему бы и нет, всегда полезно глянуть на противника перед смертью. Лучше всего – перед его смертью. И обычное любопытство: что это за зверь такой, первый в карьере пленник?

– А покажи.

Отец Николай подошёл к неплотно прикрытой двери и крикнул:

– Сашка, тащи супостата под пресветлые очи!

В коридоре послышался шум, громкий шлепок оплеухи, и появившийся на пороге молодой плечистый штрафник бодро оттраптовал:

– Рядовой Засядько по вашему приказанию прибыл! – Не дожидаясь дальнейших указаний, швырнул удерживаемого за воротник мундира пленного под ноги командирам. – Инструмент тоже принести?

– Что принести? – не сообразил прапорщик.

– Александр Дмитриевич намекает на опыт запорожских казаков в развязывании чужих языков, Ваше Высочество, – пояснил батюшка. – Оно, конечно, грех, но ежели во благо Отечества, то вполне простительный. Совсем малый, даже епитимии не подлежит.

– Но... но как это соотносится с понятиями чести?

– Никак. – Священник пробарабанил пальцами на рукояти палаша залихватский марш. – Подлые захватчики чести иметь не могут, потому их допрос бесчестным занятием не является, приравняв к обычной трудовой повинности. А труд угоден Господу, ибо завещано нам добывать хлеб свой в поте лица своего. Истина и правда – суть хлеб души.

– Интересная трактовка, – покачал головой Тучков. – Вы где богословию обучались, отец Николай?

– На Нерчинском заводе, а что?

– Да так, к слову пришлось... А этот англичанин живой?

– Живее не бывает, – заверил Засядько и похлопал сомлевшего красномундирника по щеке. – Просыпайся, милоч, третий ангел вострубил. Ага, очухался... Так я за инструментом, Ваше Высочество?

– Да, конечно... – Александр Павлович сбросил с себя некоторое оцепенение. – И потом поможете тут.

– Способный выюнош. – Батюшка благословил выходящего штрафника. – И из хорошей семьи, между прочим.

– Мы тут все из хороших семей, – хмыкнул Тучков. – А как же он в заговор ввязался?

– Да никак. Попал по случайности: был арестован патрулём, когда покидал спальню Дарьи Христофоровны фон Ливен через окно. Сопротивлялся, конечно, причинив побои восьми нижним чинам и двум офицерам. Ну и как результат...

Приготовления оказались излишни: едва только на столе прямо поверх карты были разложены приспособления, позаимствованные у живущего неподалёку цирюльника, как англичанин забился в истерику и заговорил, опережая словами мысли. Тучкову, записывающему показания, пришлось несколько раз грубым образом обрывать изливающийся поток, чтобы перо успевало за откровениями. Хотя многого лейтенант и не знал по причине невеликого чина, но услышанного оказалось достаточно.

Эскадра прибыла сюда прямо от Копенгагена, где имела серьёзный бой с флотом и береговыми укреплениями датской столицы. Упорные даны не желали сдаваться, несмотря на зна-

чительные потери, и лишь угроза сэра Горацио утопить плавучие батареи, куда свозили раненых с кораблей, вынудила их пойти на переговоры. И неизвестно, чем они могли закончиться, если бы не случившийся на флагмане взрыв, унёсший жизни адмирала Хайд Паркера и половины команды, включая почти всех офицеров. Оставшийся без опеки сверхосторожного и рассудительного командующего, Нельсон поблагодарил судьбу за столь великолепный и своевременный подарок. А поблагодарив, оставил в покое упрямых датчан и бросился на возделенную и более привлекательную, по его мнению, цель.

– А ракеты? – ласково заглядывая пленнику в лицо, спросил Засядько.

– Я не знаю! Их привезли буквально вчера торговой шхуной, и откуда они взялись... Я простой морской пехотинец, сэр!

– Но дворянин? – зачем-то поинтересовался Александр Павлович.

– Да сэр, Ваше Высочество, сэр!

– Не понял... ты высочество?

– Нет, сэр, это Вы... Но моя семья достаточно обеспечена, чтобы заплатить выкуп.

– Не сомневаюсь, вы все и за всё заплатите. – Александр забрал у отца Николая палаш и, коротко хекнув, почти без замаха рубанул англичанина чуть ниже уха. – Но кому-то нужно быть первым, не так ли?

Резко отвернулся от заваливающегося на спину тела и бросил клинок на расстеленную карту, обильно окрасив её красными брызгами:

– Мы – звери, господа! Если нам нет места среди людей, мы будем зверьми. Собирайте унтер-офицеров на совет, Александр Андреевич.

– Тихо ты, придурок, весь Ревель разбудишь. – Фельдфебель Величко показал увесистый, хорошо различимый даже в темноте кулак одному из унтеров. – Чего суетишься?

– Солдат у меня пропал, Афанасий Фомич. Вот только что, часа три назад, был, а сейчас нету.

– Заблудился, поди.

– Дык я его не посылал никуда. Всё на глазах вертелся... Вот оказия какая.

– Послужишь с моё, тогда и удивляться перестанешь. Солдаты созданы Господом в наказание начальству за грехи прошлые, настоящие и будущие. Вредные механизмы, к ружью прилегающие, Егорий Кондратьич. Дай им пушечное ядро, и его... того... поломают. А уж потеряться! Кто хоть таков?

– Из бывших, Муравьёв.

– Который из них? Апостол, что ли?

– Ну.

– Да и хрен бы с ним, Егорушка, нашёл о ком жалеть.

– Так для отчётности, Афанасий Фомич.

– Ну разве что.

Батальон, вернее его остатки, потихоньку выдвигался к своей цели кривыми переулками, стараясь пробраться как можно тише и незаметнее. Поначалу предприятие казалось безнадежным жестом отчаяния, но когда стали присоединяться поодиночке и целыми отделениями моряки сгоревшей эскадры, настроение понемногу приподнялось. Шесть с половиной сотен штыков – уже сила. Что смогут сделать какие-то англичашки, которых недавно побили даже индусы?

– Александр Андреевич, передайте приказ всем заткнуть пасти. Пожалуйста! – попросил великий князь. – Не к добру эти ажитации и игривости, не на свадьбу идём.

Штрафники дисциплинированно замолчали, хотя многие недоумевали: чего опасаться-то? Европа, как известно, ночную войну не одобряет и признаёт недостаточно рыцарственной, противник нападения не ждёт. Разведчики говорят, что даже часовых не выставили, только фонари зажгли вокруг. Ага, и в каждом окне – свет.

– Отец Николай, – позвал Александр.

– Да, Ваше Высочество?

– Как и договаривались, берёте полусотню фельдфебеля Величко, роту моряков и занимаете Кадриоргов парк. На вас тылы, и чтоб ни одна сволочь не ускользнула! А вы, господин начальник штаба, – перешёл на официальный тон, – вы располагаетесь на близлежащих улицах и перехватываете возможное подкрепление к неприятелю. Я же... Ну, тут уж как получится.

– Что получится?

– Не знаю, но глупо оно всё как-то...

– Да ладно, – ободрил священник. – Вот, помнится, при осаде Оренбурга... хм... да... в том смысле, и хуже бывало.

– Вы ещё здесь, отче? – Александр Павлович предпочёл не заметить многозначительную оговорку. – Начинаем только после того, как приедет английский адмирал. Всем по местам!

Тишина, только изредка хлюпнет жидкая грязь под солдатским сапогом. Ну где же этот однорукий чёрт Нельсон? Неужели в последний момент передумал и решил принимать капитуляцию на своём корабле? Нет, невозможно, слишком сэр Горацио чувствителен к таким тонкостям – ключей на подушечке мало, нужна бумага! Красивая и солидная бумага для представления в Лондон. Да и не упустит возможности ощутить себя хозяином и повелителем взятого на шпагу города, тщеславен адмирал, ой как тщеславен. Приедет, никуда не денется, тем более губернатор уже тут и мнётся у кареты, ожидая победителя. Повесить его потом, что ли? Кого? А обоих и повесить.

Что это вдалеке? Подковы по мостовой. Он? Он! Решил верхом? Нет, катит точно такая же карета, как и стоящая у подъезда. Старая власть заботится о новой, или то обыкновенный угодливый прогиб перед сильным? По спине пробежала нервная дрожь, ушла вниз, заставив с опаской насторожиться, и опустилась в колени, сделав их непослушными и мягкими. Держаться! Держаться, не показывая людям слабости! Днём получилось, а и некогда было вслушиваться во внутренние ощущения: руби, коли, беги... А сейчас, когда появился шанс...

Шанс. Он, вообще, странное существо. Или не существо? Кто определяет судьбу? Мойры, парки, норны? Гарпии? Нынче, пожалуй, так. И вот интересно, если у судьбы есть возможность сыграть против русского человека, она обязательно её использует. Изменим? Сегодня, здесь, сейчас?

– Вперёд, братцы! Ура!

Лучше бы молча, но с криком не так страшно самому... Нестройный залп ударил по ни в чём не повинным лошадям, сбил обернувшегося на крик форейтора, осыпал стёкла из светящихся окошек, но не тронул карету: такую добычу, как Нельсон, стоило взять живьём. Только почему он без охраны? Отстала или понадеялся на благоразумие местных жителей, подкреплённое собственной храбростью? Раздумья потом – из широких дверей дворца уже выбегают солдаты в красных мундирах. Выбегают, чтобы тут же попасть под новый залп.

Огонь на бегу неточен, и англичане успели укрыться за каменной балюстрадой, оставив на ступенях не более полудюжины тел. Пусть! Их пули уже не смогут остановить отчаянный штыковой удар. Посмотрим, как запоют, когда острая сталь порвёт набитые овсянкой кишки!

Не обращая внимания на опасность, Александр бросился к карете, стремясь успеть первым.

«Александр Первый, – пришёл на ум каламбур. – Хоть здесь им стану».

Рванул дверку на себя...

– Не ждал, тиран? – Худой блондин в смешных очёчках нацелил пистолет в лицо. – Вижу, не ждал.

– Муравьёв? – Прапорщик стиснул бесполезную шпагу.

– Муравьёв-Апостол, Ваше бывшее Императорское Высочество! – Человек в очках отвесил шутовской поклон не отводя оружия. – Или ты думал, что я буду вечно пребывать в позорном и хамском штрафном звании?

– Продал, Иуда?

– Ave, Caesar, morituri te salutant!

– В петле сдохнешь!

– Вместе с тобой, отродье тиранов! – Ствол пистолета упёрся в один из многочисленных бочонков, набитых в карету. – Прощай!

Взрыв, разметавший всё на расстоянии сорока шагов, послужил сигналом к неожиданному обстрелу сразу со всех сторон: на крышах и в окнах близлежащих домов то и дело вспыхивали длинные языки пламени, а грохот от них слился в устрашающий грозный вой. Хорошо видимые на освещённой площади штрафники являли собой прекрасные мишени, чем не преминули воспользоваться заранее изготовившиеся англичане. Первыми погибли схватившиеся с охраной дворца врукопашную – невидимые стрелки не щадили ни своих, ни чужих. Потом то здесь, то там пули сшибали с ног одетые в серые и чёрные бушлаты фигуры – порой в уже упавшего стреляли только из-за того, что его тело чуть шевельнулось от других попаданий.

Растерянные, потерявшие командование солдаты и матросы ринулись ко дворцу, надеясь сбить редких защитников и укрыться за толстыми каменными стенами. Но злобная фортуна отвернулась и на этот раз, явив вместо вида вздёрнутой аппетитной попки, зияющие пушечные жерла. И пошла гулять картечь, истошным визгом рикошетов заглушая шёпот последней надежды. Она и умерла последней, как обычно.

Глава 9

– Ваше Императорское Величество! В связи с полной своей неспособностью исполнять служебные обязанности прошу об отставке. И даже настаиваю на ней.

Я с удивлением смотрю на Бенкендорфа. Что это в голову ударило полковнику? Вчера был весел и восторжен, особенно при рассказах о чудесах, вытворяемых в его гвардейской дивизии с новой кулибинской винтовкой. Иван Петрович таки умудрился довести их производство, вернее переделку из дульнозарядных штуцеров, до трёх десятков в неделю. А к концу лета грозился сделать совершенно новые, истребовав под начало Сестрорецкий завод.

– Александр Христофорович, голубчик, ты где в начале мая умудрился белены найти, чтобы ей объесться? Али пил всю ночь? А ну дыхни... Отчего глаза красные?

– Государь... – Голос Бенкендорфа задрожал и натянулся подобно струне. – Плохие новости из Ревеля. Доставлены ночью, но я не решился разбудить... вот... – Оглядывается на приоткрытую дверь кабинета. – Разрешите позвать?

Ну и что за сюрпризы он мне приготовил?

– Изволь.

Подглядывали в щёлку, паразиты. По взмаху руки полковника вошли двое, и, странное ощущение, их обоих я где-то видел. Особенно вот этого батюшку с забинтованной головой и в порванной во многих местах рясе. Второй, совсем молодой человек, поддерживает едва стоящего на ногах священника. И тоже весь изодран, будто в зарослях колючего терновника устроил потасовку со стаей диких кошек. Но умыты, причёсаны, новые сапоги сверкают синими искрами... Оно и правильно: одновременно выказывают уважительное отношение к августейшей особе и намекают на перенесённые трудности и бедственное положение.

– Разрешите представить, государь? – Бенкендорф на всякий случай встал между мной и вошедшими. – Начальник штаба штрафного батальона рядовой Тучков и батальонный иерей отец Николай.

Ага, понятно, отчего поп кажется знакомым – сам беседовал в Петропавловской крепости с кандидатом в комиссары. И не подвел ведь, а? Вот что значит правильная пугачёвская закуска!

– Я слушаю вас, господа.

З-з-зараза... Что за привычка появилась – давить в руке бокалы? На сей раз без порезов, но на будущее всё равно нужно будет пользоваться серебряными чарками. Да и вообще... спокойнее надо. Два часа прошло после рассказа о судьбе штрафного батальона, а ещё колотит.

– Машке пока не говорите. Она ещё не пришла в себя от известия о смерти Александры.

– Марии Фёдоровне? – полуутвердительно переспрашивает сидящий напротив Тучков.

Произведённый в капитаны, он нервно подёргивает плечом, отвыкшим от тяжести эпохы. Нормальные погоны ввести, что ли?

– Угу, ей. Проклятые австрийцы, не уберегли...

Да, в Вене ещё вспомнят тот день, когда умерла моя старшая дочь, выданная замуж за тварь эрцгерцога. Вспомнят... и вздрогнут. А я не забуду.

– Тебя, полковник, это тоже касается.

Бенкендорф молчит, угрюмо уставившись в одну точку. Наконец с трудом поднимает взгляд:

– Ваше Императорское Величество, я никак не думал, что ларец решат открыть...

– Брось, Александр Христофорович, мы вообще ни о чём и ничем не думали, посылая тот подарок королю Георгу. Сиюминутное решение: возжелалось вот свинью подложить, и всё тут! А Сашку жалко, да... Тело, как понимаю, так и не нашли?

– Да где там, государь, – откликается располагающийся по левую руку батюшка. – Там пудов двадцать пороху было. Может, меньше чуток, но...

– Лёгкая смерть. – Я машинально перекрестился, чего давно не случалось. – Выпьем за помин души. За всех павших.

Отец Николай освобождает глубокую фарфоровую вазу с оранжерейной клубникой, вываливая ягоды прямо на стол:

– Братину, государь? По древнему обычаю?

– Давай.

Встаю. Водка с тихим плеском льётся из графина – нынче её день. Оставим коньяки для размышлений, а игристые вина – праздникам. Сегодня пусть одна горечь хоть немного перебьёт другую. Немного.

– Подожди, отче, – протягиваю пустой стакан. – Это им.

Ставлю на край стола уже на две трети полный. Сверху – кусок ржаного хлеба. Батюшка благословляет братину:

– Прими, государь!

Хороший поп, правильный. В том ночном бою лично командовал штрафниками и моряками, ударившими с тыла по дворцу, где засели английские артиллеристы. В схватке, как говорят, зарубил шестерых, а также успел сделать один залп из захваченных пушек по стрелкам, облегчив положение атакующему засаду Тучкову. Облегчить... Из обоих отрядов из Ревеля вырвалось двадцать шесть человек. Могло быть меньше, но три оставшихся в живых унтера из постоянного состава вызвались прикрывать отступление.

– Земля им пухом! – У водки странный привкус, наверное, примешивается кровь из прокушенной губы. – Погибшим – прощение, живым – слава!

Передаю импровизированную братину по кругу.

– Вечная память! – Это отец Николай.

– Вечная память! – эхом повторяет капитан, он же – новый командир штрафного батальона.

– Мы никому этого не забудем! – Бенкендорф молодец, даже сейчас думает наперёд.

– Так будет! – Глоток из вернувшейся обратно чаши. – Я очень злопамятный.

Унылая торжественность момента нарушилась часовым, влетевшим в кабинет спиной вперёд. Потеряв ружьё, он прокатился по скользкому паркету от дверей до камина, безуспешно стараясь остановиться. Докатился, сшиб принесённую корзину с дровами, сел, потрясённо озираясь, да так и остался там сидеть, приняв лихой вид под августейшим взором. Появившийся следом военный министр имел противоположный, какой-то встревоженный вид:

– Ваше Императорское Величество, доставленные сведения требуют немедленного...

– Знаю, Алексей Андреевич, всё знаю. Держи.

– Скорблю вместе с Вами, Ваше Величество! – Аракчеев принял протянутую вазу, принюхался и с превеликой охотой припал губами к краю. Остановился, чтобы перевести дух, и снова приник.

– Силён, – прошептал отец Николай еле слышно, но с завистью.

Министр перевернул опустевшую братину:

– Слава героям! Только я по другому поводу, государь!

– И опять что-то плохое?

– Так точно! В прошлый раз Вами было приказано выбросить рапорт о злоупотреблениях генерала от инфантерии Кутузова и наказать доносчика...

Хм, а что это он так многозначительно замолчал и косится в сторону моих собутыльников, пардон, других, ранее удостоенных аудиенции? Что за секреты? Ну, подумаешь, запретил Михайло Илларионович своей властью печатать в Вильно газеты на любых языках, кроме русского, и что? Издатели обиделись на звание геббельсовских выкормышей, данное им военным

губернатором? Или объявление прусских купцов, промышляющих английской контрабандой, фашистскими пособниками кому не по нраву? Я, например, очень даже не в претензии. Более того, совершенно одобряю.

Уж не знаю, насколько велика вероятность того, что случилось невероятное... Но только в том доносе абсолютно всё указывало: ежели Михаила Илларионовича окликнуть фамилией Варзин, он непременно отзовется. Кто ещё сможет устроить в провинциальном гарнизоне службу по уставу, который даже не написан? С ночными тревогами, рытьём окопов и блиндажей, с вечерними прогулками строем под песню «Мы не дрогнем в бою за Отчизну свою, нам родная страна дорога...» А последние сомнения пропали от упоминания некоего капитана Алымова, который непременно бы вывернул нерадивым подчинённым наизнанку всё, до чего успел бы дотянуться.

– Ты хочешь сказать, Алексей Андреевич, что литовский губернатор недостаточно усерден в службе?

– Никоим образом, Ваше Императорское Величество! С некоторых пор он даже излишен в своём рвении.

Интересно, что же должен натворить гвардии рядовой, чтобы это беспокоило военного министра? Объявил войну Англии? Так мы её уже имеем. Войну имеем, а не Англию, хотя, конечно же, лучше наоборот. Или уговорил прусского короля повесить всех подданных с именем Адольф? С Мишки станется... Но если у него, как у меня, остались воспоминания, чувства, знания... Нет, лишнего не позволит. Наверное, не позволит.

Да, кстати, а кем сейчас Мишка стал? Я, по большому счёту, более чувствую себя императором, хотя прекрасно знаю, что это не совсем так. Кто он? Генерал от инфантерии с характером красноармейца-гвардейца был бы предпочтительнее рядового с генеральскими замашками. Конечно, немного цинично по отношению к другу, но...

– Да ты продолжай, Алексей Андреевич, продолжай, – подбадриваю сделавшего паузу Аракчеева. – Чудится, скажешь нечто презабавное.

– Куда уж забавнее? – Голос министра сух и горек. – Войсками литовского губернатора захвачен город Кенигсберг, а королю прусскому направлен оскорбительный ультиматум, требующий немедленной отправки королевского флота для блокирования Балтийских проливов против английской эскадры.

– У Пруссии есть военный флот? Не знал.

– Его нет, Ваше Императорское Величество. Но сей факт не смутил Михаила Илларионовича, ссылающегося на заключённый им же договор.

– Э-э-э...

– Конечно же, государь, это Вы заключили договор, а Кутузов был лишь посредником.

– Так, значит, его требования законны?

– Да, но сам акт агрессии? И что скажет Европа?

– А Европа, милейший Алексей Андреевич, пусть поцелует мою азиатскую задницу. Фридриху Вильгельму немедленно отправить поздравления по случаю успешного предотвращения фельдмаршалом, да-да, не ослышались... фельдмаршалом Кутузовым... попытки высадки английского десанта близ Кенигсберга. И заверьте, что Россия впредь не допустит враждебных действий по отношению к дружественному государству со стороны кого бы то ни было. Напишешь? Или Ростопчина попроси, у того слог побойчее.

– Но это война, государь!

– С кем? Не смейся – проглотят и утрутся. А поздравления позволят сделать это как бы без урона для чести.

– Как бы?

– Не придирайся к словам! Располагаясь между наполеоновым молотом и моей наковальней, пруссаки обязаны любить и ненавидеть только того, на кого укажу им я! Улавливаешь мысль?

– Да, но после Ревельского разгрома...

– Разгрома, говоришь? Ну-ну...

Всё, наконец-то разошлись, оставив в одиночестве. Не часто такое, обычно всегда кому-то срочно нужен. И получается царь на побегушках: величество туда, величество сюда... Вон французский посланник третьи сутки встречи добивается! Ну его в пень! Не могу просто и прямо глядя человеку в глаза заявить, что в гробу видал всю египетскую армию вместе с генералами. Не поймёт, будет опять плакаться и кланяться за помощью, предлагая взамен честно поделить Оттоманскую Порту. Обойдётся! И вообще, судьбы мира могут подождать, когда русский император пребывает в печали.

Но долго в ней пребывать не получается – в голову лезут мысли. Мысли разные, толковые и бестолковые, умные и не очень, грустные и... и опять грустные. Кулибин взялся за перестройку Сестрорецкого оружейного завода. Где взять денег на новые молоты, хотя бы падающие? Иван Петрович нашёл аптекаря, оказавшегося чуть ли не великим химиком. Где взять денег для нового порохового производства? Я запретил торговлю с Англией. Где взять денег, чтобы самому скупать то, что ещё недавно уходило за море? Я – голодранец! Штаны продать, что ли? Товарищи, никому не нужны царские штаны? Так и знал, никому... Дожидаются, пока они останутся последними, да отберут за долги.

Кстати, о долгах. И как мамаша умудрилась набрать столько, что и моим правнукам придётся расплачиваться? И, главное, где эти денежки? А нема золотого запаса! Разошёлся по её хреноголовым хахалям: сто тыщ направо, сто тыщ налево... Налево больше уходило. Курва матка, по-польски выражаясь!

– Дежурный!

– Здесь, Ваше Императорское Величество! – Тут же, будто из-под земли появился один из лейб-кампанских прапорщиков.

– Графа Кулибина ко мне! Срочно! Аллюр три креста!

Гвардеец скосил глаза на грудь, где горделиво и одиноко висела маленькая медалька, что-то прикинул про себя и опрометью бросился исполнять приказание. Хм, меня, кажется, опять неправильно поняли.

Иван Петрович появился только на следующий день к вечеру, когда после тяжёлого разговора с Марией Фёдоровной в графине с коньяком оставалось меньше половины. Механик выглядел осунувшимся, лишь нос из бороды торчит, но сияющим и восторженным.

– Слушай, граф, ты аж светишься весь. Если клад нашёл, делись.

– Лучше, государь, куда как лучше! Чистейший бриллиант пяти пудов весу!

– Не понял...

– Ну как же, разве не по Вашему соизволению полковник Бенкендорф привёл ко мне одного из своих родственников?

– Это кого?

– Александра Дмитриевича Засядько из штрафного батальона. Самородок, ей-богу самородок с золотыми руками и ясным умом.

– Он что, тоже немец?

– Вроде нет, но Александр Христофорович странно улыбался, представляя его родственником. Может, через Дарью Христофоровну фон Ливен как-то в свойстве? Она же урождённая Бенкендорф.

– Ну если так... Дашка-проказница... Рассказывай, чего там натворили?

– Э-э-э...

– Не мямли, граф!

– Государь, – обиделся механик, – выражение восхищения не является мямлостью. Простите, мямличаньем... мямлованием?

– У Державина спроси, как будет правильно. Ну?

Кулибин зашарил по карманам. Опять что-нибудь взрывчатое? Эх и отчаянный человек Иван Петрович, я бы не стал таскать такое близко к... ну, в общем, не стал бы. Не приведи Господь, бабахнет, оторвёт же всё напрочь!

– Вот!

И что это такое? Подозрительная склянка с подозрительным содержимым подозрительно неопределённого оттенка. Неопределённого потому, что через зелёное мутное стекло ни черта не разглядишь. А притёртая пробка предусмотрительно обвязана проволокой.

– Что сие есть?

– Товий Егорович...

– Твой аптекарь, что ли?

– Он Ваш, государь! Товий Егорович много лет бился над разгадкой рецепта греческого огня...

Нормально... А нам капитан Алымов говорил, что жидкость КС была изобретена... не помню, когда, но никаких немцев-аптекарей и рядом не стояло, это точно.

– Ты хочешь сказать?

– Действие похоже на описанное в некоторых источниках. Желаете провести испытание?

– Стой, только не в камине!

Механик ответил несколько удивлённым взглядом и заверением, что ни о чём таком и не помышлял, а собирался пригласить меня на Сестрорецкий завод, где с должными предосторожностями будут проводиться пробные запуски зажигательных шутих. В доказательство и эскиз проекта предъявил.

– А это чего за хреновина торчит? – указываю пальцем в непонятное место на рисунке.

– Это, государь, шест.

– Зачем?

– Дабы обеспечить прямой полёт ракеты.

– А, понятно. А я-то подумал, оглобли для конной тяги.

– Простите, Ваше Императорское Величество...

– Не прошу! Ещё Пётр Великий предупреждал не держаться Устава аки слепой – стенки. А вы? Подсмотрели, значит, у англичан и на этом остановились? А дальше?

– Что дальше?

– Вот это и я хотел спросить. Тебе, кстати, что милее будет: титул князя Камчатского с немедленным отбытием в новую вотчину или нормально летающая ракета? Мичуринцы, блин...

Хм... И чего я так взбеленился? Работают же люди, не груши околачивают. Ага, экспериментируют... А потом получается как с той же кулибинской винтовкой: пока Иван Петрович сам делает, то винтовки и делаются, стоит поручить другому – имеем угрёбище такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Так что к бесу голую теорию! Пока ружье не сможет изготовить какой-нибудь Васька Суходрищев из деревни Большие Пни, на соответствующих станках, разумеется, и с должным тщанием... Кадры пусть готовят, кадры!

– Извините, Ваше Императорское Величество...

– Да? Не обращай внимания, задумался. Значит так, про ракеты забудь. Не насовсем, временно. Пока же назначу тебя на должность спасителя Отечества.

– Э-э-э?

– Потом объясню, после парада.

– Парада?

– Глухой? У нас будет траурный парад. Как это – не бывает таких? Я велю – значит будет.

Смотрит удивлённо и немного жалостливо. Думает, будто у меня опять в голове валеты королей гоняют? Да и пусть думает – с репутацией опасного сумасшедшего жить легче. Именно легче, а не безопаснее и дольше. Зато можно с умным видом городить любые глупости... и пинком под зад вышвыривать подхалимов, ищущих и находящих в них гениальный второй смысл.

– Понятно, Ваше Императорское Величество. – У Кулибина вид как у ребёнка, которому пообещали конфету, но подсунули рыбий жир. – Но ведь ракеты – это...

– Это то, что упадёт тебе на башку и разнесёт её к чёртовой матери! Ну чего вы могли сделать за полдня, прожектёры несчастные? На хорошую пьянку времени не хватит, ежели серьёзно ей заняться. Эх, механикусы... Всё, свободен.

Иван Петрович ушёл опечаленный, а я всё пытался вспомнить причину, по которой его вызывал. Так и не вспомнил. Ладно, потом, после парада.

Документ 9

«Высокомерие русского кабинета становится нетерпимым для европейцев. За падением Очакова видны цели русской политики на Босфоре, русские скоро выйдут к Нилу, чтобы занять Египет. Будем же помнить, ворота на Индию ими уже открыты. 1791.

Мы не только превратим Петербург в жалкие развалины, но сожжём и верфи Архангельска, наши эскадры настигнут русские корабли даже в укрытиях Севастополя! И пусть русские плавают потом на плотах, как первобытные дикари. 1791».

Уильям Питт-младший

Глава 10

Момент истины! Так, кажется, называется нечто подобное? Сейчас выйду на балкон, и станет ясно – царь я или не царь. Нет, не так немного... Царь-надёжа или сволочь и мерзавец, использующий гибель сына в личных интересах. Опять что-то не то... Где они у меня, эти самые личные интересы? Может, и были когда-то да вышли все. Кончились, ага. И остались только государственные. Мария Фёдоровна понимает – стоит рядом и успокаивающе поглаживает по руке. Эх, Маша... Чуть позже тоже будем вместе, олицетворяя собой... Потом Ростопчин придумает, чего мы олицетворяем.

Сквозь закрытые балконные двери доносится гул толпы. Боюсь. Память предков заставляет бояться. Хотя знаю, что сам собрал этих людей на площадь, что там нет стрельцов в красных кафтанах с красными от вина рожами, с красными от безнаказанной ярости глазами. И не толпа – руда, из которой предстоит выплавить сталь и выковать клинок.

– Готова? Пошли!

Шаг вперёд. Распахиваются высокие застеклённые створки. Ещё шаг – от дверей до перил их пять, но кажутся бесконечными. Возьми себя в руки, гвардеец! Не смей дрожать! Или просто в теле отзывается тревожная барабанная дробь? Дружный вдох, ощущаемый мягким ударом в грудь. Не ждали в таком виде? Нет треуголки и тесного немецкого платья... Или вам царь не настоящий?

Барабаны всё громче... литавры... труба на высокой ноте будто плачет... В небо взметнулись сотни белый голубей, собранных по Петербургу и соседним губерниям, и сводный хор дьяконов начал:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!
С английской силой тёмною,
С проклятою ордой!

Тайные репетиции не прошли даром – от мощных голосов по спине не мурашки, кони копытом бьют. Позади что-то бормочет Аракчеев. Молится? Значит, даже его проняло, а ведь именно он был самым горячим противником следующих строчек. Доказывал на невообразимую их опасность, не убоившись угрозы Сибирию.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идёт война народная,
Священная война!

Внизу, на площади, кто-то опустился на колени. Зачем?

Дадим отпор душителям
Всех праведных идей.
Насильникам, мучителям,
Губителям людей.

На коленях уже все. Бенкендорфа убью – скорее всего, это его придумка. Иначе почему мастеровые в первых рядах так прямо держат спину и крестятся одновременно? Но не мог же полковник заставить людей плакать?

Не смеют крылья чёрные
Над Родиной летать.
Поля её просторные
Не смеет враг топтать.

У самого сердце стучит почти у горла. Держись, гвардеец...

Гнилой английской нечисти
Загоним пулю в лоб.
Отродю человечества
Сколотим крепкий гроб!

Звук трубы ещё пронзительней и выше, хотя, кажется, уже и некуда. За секунду до последнего куплета по булыжникам площади ударили тяжёлые сапоги бывших штраф-баталлионцев.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идёт война народная,
Священная война!

Идут. Двадцать шесть человек в серых бушлатах. Четверо надели их добровольно – выжившие в том бою моряки с «Памяти Евстафия». Подали рапорта, хотя каждому предлагалась почётная отставка с пенсией и личным дворянством. Отказались, и вот теперь идут в строю. Развёрнутое красное знамя... там нет серпа и молота – с полотнища Богородица с неммым укором смотрит на тех, кто ещё не взял в руки оружия. Нет больше штрафников – Красная гвардия редкой цепочкой встаёт передо мной, по команде Тучкова обнажив головы.

Теперь я. Ну? Скажи им! Они ждут! И простые люди, и те самые заговорщики, что ещё недавно хотели задушить меня шарфом. Недавно... и давным-давно. Они смотрят, как на... да не знаю, как смотрят. Нет в глазах ни угрозы, ни вызова, есть только вера. Нет, не в человека, стоящего на балконе в шитом золотом станом кафтане, в то, что этот человек олицетворяет. Огромную страну, которая встанет и отомстит. За всех и всем.

Барабаны смолкли. Только один, самый большой, отбивает ритм сердца и не даёт успокоиться. Ну? Выдох, заставляющий разжать сведённые челюсти...

– Братья и сёстры! Друзья! Спасибо вам и поклон до самой земли. Встаньте, ибо не вы, а я должен стоять на коленях. – Невнятный шёпот, то ли удивлённый, то ли испуганный. – Не могу прийти к каждому, кто потерял родного отца, сына, мужа, павшего от руки подлого захватчика. Но ещё раз говорю спасибо пришедшим разделить нашу скорбь. Разделим, мы всё разделим! От веку на Руси делили не только радости, но и беду – на всех, не считаясь с титулами и чинами! И вот явилась новая... Жадные английские лорды тянут свои грязные лапы к нашей земле. Нет, уже не грязные – они омыли их в крови наших детей! Это орда, это Британская орда, и теперь встаёт вопрос о выживании нашем не только как великой державы, но и о самом существовании русского народа. Вы хотите жить? Вы хотите, чтобы ваши дети жили на вашей земле?

Молчание в ответ. Станный государь задаёт странные вопросы? Ничего, уж и ответы на них получите.

– Сказал когда-то апостол Павел: нет перед лицом Господа ни эллина, ни иудея. Лорды, упившись допьяна кровью, возражают учению святоотеческому – нет людей на свете, кроме

как в Англии. Кому собрались нести они иудино слово? Нам? Уже несут, так несут, что горят православные храмы и бросаемы в огонь невинные младенцы. Этого хотите, люди?

Где-то вдалеке раздался женский истерический плач, туда сразу же бросается один из дежурных лекарей с небольшим кожаным сундучком и белой повязкой на рукаве. Перевести бы дух, но нельзя упускать эту тишину, это напряжённое внимание – пока они податливы и поддаются воздействию... бери руками и делай свой клинок, гвардеец!

– Мерзавцы и богоотступники называют своё змеиное кубло империей, над которой никогда не заходит солнце. Забудьте! Я обещаю, что отныне оно будет светить только там, где укажет русский солдат. Раздавим английскую гадину! Сколько раз встретишь, столько и убей. Не получилось пулей – коли штыком, нет оружия – порви глотку зубами... Не можешь и этого – крепи карающий меч справедливого возмездия честным трудом! Всё для фронта, всё для победы!

Я закашлялся, потирая саднящее горло. Тут же из-за спины чья-то рука протянула стакан с водой. Некогда...

– Да, сказано когда-то: будет хлеб наш горек. Но ещё горше, когда вырастет он на костях наших, и сыто рыгающий супостат будет со смехом пинать лежащие в меже черепа. Этого хотите, люди?

Слитный возмущённый рёв волной прокатился по площади, ударил в стены и отхлынул обратно. Вижу открытые в крике рты, поднятые руки со сжатыми кулаками...

Аракчеев склонился к моему уху:

– Это не опасно, Ваше Императорское Величество?

– Для меня?

– Ни в коем случае не для Вас, государь. Просто народ так воодушевлён, что я боюсь... и ощущаю петлю на шее. Так сказать, в подтверждение древней сказки о хорошем царе и плохих боярах.

– Тебе-то чего бояться, Алексей Андреевич?

– Да на всякий случай. Вы, Ваше Императорское Величество, конечно, являетесь сосредоточием всяческих добродетелей, нашим знаменем, по сути. А ну как решат, что знаменосцы никудышные?

– Не говори ерунды, граф! Народ и Величество едины, да... но ты ведь тоже народ?

– Имею честь быть им.

– Ну вот! – Назидательно выставляю указательный палец. – Указан враг внешний, а не внутренний. Нет, будут и они, но несколько позже. А сейчас не мешай.

Сбил с мысли. Ладно, начнём с главной, она не забывается. Шум стихает, едва только поднимая руку – смотрят с надеждой и выжиданием.

– С сегодняшнего дня я объявляю в Российской империи осадное положение. Да, держава наша в кольце врагов... пусть так! Можно атаковать в любую сторону. Везде, куда ни глянь, мы видим английские флаги. Доколе? Доколе эти пауки будут жиреть на нашей крови? Их липкие жадные лапы протянулись и сюда, в самое сердце России! Мерзкие ублюдки ударили по самому святому – по праву человека защищать свою Родину. Именно на их кровавое золото у дворян отнято великое служение – воевать за веру, царя и Отечество! Да, я говорю об «Указе о вольностях дворянских», фальшивке, написанной в Лондоне и нанёсшей ущерб единственным союзникам нашим – армии и флоту.

Недовольный ропот за спиной: немногим понравится бомба, брошенная в тарелку с паштетом из трюфелей. Впрочем, ропот недолгий – он быстро сменился чёткими негромкими командами Аракчеева, звуками плюх и зуботычин, хрустом выворачиваемых рук... Трудовые будни императорского дворца.

– Повелеваю! – Зарокотали барабаны. – Нет, прошу! Братья и сёстры, Отечество в опасности! Прощу – защитим!

Хм... Что-то я отвлёкся от основной темы – про защиту и опасность нужно было сказать в самом конце. Ладно, повторюсь, невелика забота. Так, недовольных отменой «Указа о вольностях дворянских» уже увели? Вроде увели, но военный министр, временно исполняющий обязанности наркома внутренних дел, всё ещё настороже – он-то хорошо знает, что именно будет объявлено далее.

– Братья и сёстры! Обливается кровью сердце моё. Скорбь и удивление поселились в нём от взгляда на Отечество. Что вижу я? Нарушаются законы Божьи и человеческие! Невозможно одновременно служить Богу и мамоне, невозможно служить Родине, пользуясь ею, как свинья пользуется своим корытом. Дворяне, соль земли русской и плоть от плоти её, по наущению злокозненных врагов наших забыли заветы прадедов – служить, беречь, приумножать. На радость супостату земля наша раздёргана на тысячи кусочков, разорвана по живому... Тому более не бывать! Отныне и навеки – у земли есть только один хозяин!

Опять сзади шум. Если так дальше пойдёт, то на балконе останемся вдвоём с Марией Фёдоровной. И ещё Ростопчин, в прошлом месяце объявивший свои деревеньки государственной собственностью, а крестьян – вольными хлебопашцами. Правда, говорят, при заключении договоров на аренду пашен, покосов и пастбищ между желающими произошёл грандиозный мордобой.

Вот, зараза, а ведь и до топоров дойдёт у самых нетерпеливых. Что-то упустил этот момент.

– Да, только один хозяин – император! Но! Но только после победы и только тогда! Светлое будущее наступит, обязательно наступит. Потому что наше дело правое, враг будет разбит, и победа будет за нами!

Ещё один условленный знак, и оркестр внизу грянул «Марш авиаторов». Ну... почти его. Конные драгуны с палашами наголо оттесняли людей от дворца, освобождая место для прохода войск. Поначалу просто хотели разделить толпу надвое, оставив середину площади, но этому категорически воспротивился отец Николай. Мол, не по православному обычаю – поворачивать народ жопой к самодержцу. К стоящей спиной Красной гвардии сие не относится, так как военная надобность предполагает некоторые послабления.

Парад открывает гвардейская дивизия полковника Бенкендорфа – они единственные, кто успел пошить обмундирование нового образца. Зелёный цвет формы разбавлен медным блеском пуговиц и золотом погон, на ногах – сапоги с коротким, чуть ниже колена, голенищем, на головах – суконные шлемы, знакомые до боли исключительно мне одному.

Мы не дрогнем в бою
За Отчизну свою,
Нам родная страна дорога.
И железной рукой
Защитим дом родной,
Разгромим, уничтожим врага!

Печатают шаг так, что, кажется, чугунные фонарные столбы вот-вот выпрыгнут из мостовой и убегут в испуге.

Полковник командует, перекрикивая хор:

– Р-р-равнение на... лева-а-а!

Поднимаю руку в приветствии – соболя опушка мономаховой шапки щекочет приложенные к виску пальцы. Орлы! Не всё по кабакам шпорами звенеть, когда-то и повоевать надобно.

А уже гремит новая мелодия, и мощные басы дьяконов подхватывают:

Дан приказ ему на запад
За родную сторону.
И пошли артиллеристы
На великую войну!

Не эти ли батареи помогли навести порядок в ночь покушения? Они. Длинный нос Багратиона мудроно с чем-то спутать, разве что с его пушками. Следом – кирасиры, драгуны и гусары. Просто под музыку – чести иметь собственный гимн ещё не заслужили. А вот бывшие штрафники...

Красногвардейцы – царь отдал приказ.
Красногвардейцы – зовёт Отчизна нас.
И из кулибинских фузей
За павших братьев и друзей
За нашу Родину – огонь, огонь!

Плохо мне... Что-то душу наизнанку выворачивает и скребёт по ней железной щёткой. Усталость и опустошение навалились тяжким грузом на плечи, пригибают спину и ноги. Уйти нельзя – торжественный приём, начавшийся почти сразу же после парада, в самом разгаре.

– Павел, ты как себя чувствуешь? – обеспокоенная долгим молчанием императрица заглядывает в лицо.

– Спасибо, дорогая, очень хреново.

– Исключительно коротко и точно. Хотя грубо.

– Душа моя, утончённость натуры давай оставим недобитым мсье Робеспьером французским аристократам. Кстати, о них... Указ о выдворении Людовика Восемнадцатого из пределов Российской империи уже готов?

– Да, Ваше Императорское Величество, – не отходящий ни на шаг от августейшей четы Ростопчин предъявил пухлую папку, – изволите взглянуть?

– Не хочу. Людям хоть иногда нужно верить на слово, не так ли? И в конце-то концов, долго ещё будешь около меня тереться? Походи, с народом поговори... Придворные ведь тоже народ? Не знаешь? Вот и я не знаю. А чего у всех такие кислые рожи?

– Боятся бунтов, Ваше Императорское Величество.

– Устроенных, несомненно, на английские деньги? Вроде того, что через месяц случится в имениях братьев Воронцовых?

Канцлер поперхнулся так и не начатой фразой:

– А-а-а...

– Фёдор Васильевич, право слово, при твоей должности нужно уметь хоть немного заглядывать в будущее.

– Извините, Ваше Императорское Величество, – Ростопчин выглядел слегка растерянным, – я могу уже заняться подготовкой к... э-э-э... к заглядыванию?

– Несомненно, дорогой граф. И поговорите на всякий случай с отцом Николаем.

– Зачем?

– Мне почему-то думается, что он сможет присоветовать хороших специалистов по... хм... по изучению грядущего.

– Слушаюсь, государь!

Ушёл, да что там ушёл, почти убежал. Счастливый человек, сейчас займётся любимой работой, а кое-кому торчать тут до глубокой ночи, угрюмой рожей отпугивая желающих выразить своё восхищение. Восхищение чем? Уж не тем ли, что фактически отменил крепостное право и оставил придворных лизоблюдов без средств к существованию? Интересно, когда же

до них это дойдёт? Видимо, никогда – самых сообразительных арестовали прямо во время речи. Или самых тупых, не догадавшихся спрятать недовольство? Ладно, посмотрим, как завтра запоёте, когда обнародуют ещё кое-какие указы. Сюрприз-и-и-из!

– Павел? – Мария Фёдоровна опять обеспокоена.

Ах да, нынче траурное мероприятие, и улыбаться нельзя совершенно. Даже злорадно. Тем более – злорадно.

Документ 10

«Петербургские ведомости»

– Сего июня 7 числа отлучился без ведома надв. сов. Павла Кирил. Кровати дворовой его крепостной человек Николай Козмин сын Вздорнев, которой приметам: росту малаго, сухощав, лицом бел, волосы имеет светлорусые, глаза в прикос, платье на нем камзол и штаны серонемецкого сукна, а от роду ему 22 года. Ежели где таковой окажется с видом каким бы то ни было или без виду, то задержав его представить в надлежащее присутственное место для доставления к помянутому советнику Кровате, 2 адмиралтейской части 1 кварт. в дом под № 25.

– 4 адмиралт. части в 1 квартале под № 41 продается семья людей: муж с женою и двумя детьми, сыном 6 и дочерью 8 лет. Отец их хорошей кучер, а мать исправная прачка и знает поварничать и портняжить.

– В 1 линии в доме под № 244 есть заморская треска рыба, продажа которой поручена артельщику Кузьме.

– Пропаала лягавая собака кобель, у которой шерсть белая рединая с крапинками, а глаза в темных круглых пятнах, как в очках. Ежели кто, поймав, приведет на Невской прешпект, в дом Михайлова, под № 11, тому дано будет 25 рублей.

– В Малой Коломне, на речке Пряшке, в доме купца Шестова продается 15 лет мальчик, поведения хорошаго и которой пишет изрядно. Цена оному 300 р.

– На В. О. у Тучкова мосту в Ржевском трактире под № 292 у капельмейстера Ганзина продаются 6 мальчиков, кои по полутора году были в учении, из коих двое играют на скрипках, двое на флейтах и двое на волторнах. О цене же оных спросить у вышеозначеннаго капельмейстера Ганзина».

Документ 11

«От генерал-лейтенанта и всей артиллерии инспектора графа Аракчеева всем селитренным поставщикам, желающим ставить в артиллерию на Шостенские пороховые заводы селитру, объявляется, что им притеснений: как в приеме оной селитры, так и в заплате за оную из казны денег делано не будет потому, что на помянутых заводах денег ныне состоит 84,900 р., да ассигновано из казенных палат 106,375 р., а на случай mnogой поставки селитры, есть ли будет оной суммы недостаточно, то из артиллерийской экспедиции в скорости еще доставлено будет. А дабы выдача денег и проба селитры была без замедления делана, то предписано от его сиятельства начальнику заводов брать подписки от самих поставщиков селитерных, котораго числа прибудет на заводы, когда сделается проба селитры и когда выдача денег последует, и оныя подписки представлять к нему, следовательно всякой поставщик и властен будет в оных подписках объяснять, есть ли ему от заводов какое притеснение или остановка в выдаче денег сделана будет, да самим графом будет усмотрено время, сколько продерживаемы они бывают на заводах. Сего июля 15 года 1799.

Глава 11

В доме купца третьей гильдии Александра Фёдоровича Беякова царил переполох. Как и положено приличному переполоху, он сопровождался бестолковыми метаниями разом побледневшей жены, ревом испуганных детей и захлёбывающимся лаем цепных кобелей в палисаднике. А утро так прекрасно начиналось... чтобы закончиться стуком в двери. Суровый офицер в зелёном мундире непривычного кроя и странном кивере, напоминающем богатырский шлем, нетерпеливо забарабанил буквально минуту назад. Но этого времени оказалось достаточно для возникновения в купеческой душе смятения и ужаса. Вести, приходящие с оказией из столицы, тому весьма способствовали.

– Открывай! – надрывался служивый.

Александр Фёдорович смотрел на незваного гостя с высоты второго этажа, по обычаю поставленного поверх каменных подклетей, и лихорадочно размышлял о причинах столь неприятного визита. Уж не суздальские ли монахи, многие годы безуспешно оспаривающие у Подновской слободы славу огуречной столицы и право поставлять сей деликатный овощ к царскому столу, подсуропили?

– Открывай, говорю! Надобность государева!

А делать-то и нечего, попробуй такому не открыть.

– Иду-иду!

Купец тяжело вздохнул, перекрестился на образа в красном углу и заспешил вниз по лестнице, не доверяя столь важного дела домочадцам. Лишь на ходу многозначительно посмотрел на супружницу, понятным движением разяснив порядок приёма важной государственной персоны.

Тяжёлая дубовая дверь с толстыми железными полосами поверх досок без скрипа распахнулась, и гвардеец упёрся взглядом в сияющее невиданным радушием лицо купца. На купчину, как предполагалось ранее, тот никак не тянул – худощав слегка, солидного брюха нет, и волосы лампадным маслом не смазаны.

– Милости просим, Ваше Высокопревосходительство, заглянуть в нашу скромную обитель.

Начинается. Иван Петрович Кулибин особо указывал на известную скромность нижегородцев – одну из разновидностей гордыни. Местные купцы и промышленники, строя хоромы, вызывающие зависть столичных князей с графьями, упорно именуют их домами. В Нижнем Новгороде нет дворцов – даже у губернатора, быстро проникающегося сим духом.

– До высокопревосходительства мне ещё лет триста служить. – Гвардеец решительно остановил поток славословий и представился. – Гвардейской дивизии прапорщик Акимов, честь имею! Ты Беяков будешь? Распишись в получении письма.

Александр Фёдорович с опаской взял в руки пакет, украшенный пятью печатями, и с вопросительными интонациями предложил:

– Так, может, подниметесь, ваше благородие? Там и перо с чернильницей, и всё остальное, к ним прилагающееся...

Прапорщик молча, но благосклонно кивнул и проследовал за хозяином по чуть поскрипывающим, начищенным речным песком ступенькам. Наверху уже поджидала хозяйка с расписным подносом, на котором заманчиво так располагалась высокая серебряная стопка в окружении крохотных огурчиков.

– Это что сие означает?

– Так ведь оно по старине положено.

– По старине? – Акимов с подозрением глянул на потемневшие от времени иконы. – Уж не раскольничаешь ли ты?

Глаза купца потухли, чтобы тут же вспыхнуть какой-то потаенной грустью:

– Да куда уж нам, ваше благородие. Капиталы раскольников никак не позволяют – маловаты оне.

– Маловаты?

– Вот истинный крест!

– Разберёмся! – Гвардеец с лихостью, выдающей опыт, опрокинул стопку, вдумчиво зажевал огурчиком и хотел было поставить её обратно. Но поднос исчез вместе с хозяйкой. – Э-э-э... Куда?

– В карман. Соизвольте принять небольшой... Ой!

Аккуратная, без членовредительства, но сильная оплеуха опрокинула купца на пол. Прапорщик навис сверху грозовой тучей:

– Взятка? А знаешь ли ты, образина, что взятки придуманы англичанами для нанесения ущерба государству Российскому?

– Виноват, ваше благородие... – Беляков с трудом сел и прислонился к высокой голландской печке. – Так это что, таперича совсем... никому? И даже?..

Акимов подбросил в руке злополучную стопку:

– Давал, значит?

– Как же без того? В коммерческом деле без того вообще никак.

– Списки составишь – кому, сколько, как часто. Понял? Грамоте разумеешь?

– Без неё тоже нельзя. Еленка, подай перо с чернилами, да пусть накрывают обед уставшему от государевых забот их благородию! Пошевеливайтесь там у меня!

За обедом, во время которого Александр Фёдорович старался не жевать пострадавшей левой стороной, ледок недоброжелательности между купцом и офицером окончательно исчез. Прапорщик справедливо рассудил, что третья гильдия вполне может быть приравнена к обер-офицерскому званию, а потому отдавал должное блюдам, совершенно не чинясь.

– Вот скажи мне, Сергей Викторович, ты государя-императора видел?

– Конечно, я же в гвардии состою. И даже несколько раз... но не будем об этом.

– Ну и какой он из себя? – Беляков оглянулся, убедился, что никто не подслушивает, и перешёл на шёпот. – А то у нас слухи пошли, будто царя подменили.

– Это кто такое говорит? – Акимов отставил поднесённую к губам стопку и погладил усы, пряча жёсткую усмешку.

Ему уже доводилось слышать нечто подобное по дороге в Нижний: в Вологде, в Ярославле, Балахне. Нет-нет, краешком уха да и ухватит ползущие рассказы о чухонском младенце, подброшенном матушке Екатерине взамен убиенного Понятовским цесаревича Павла Петровича. А теперь, дескать, тот чухонец вырос и оказался злым немецким карлой, желающим обратить православный народ в латинскую веру.

– Да ведь слухами земля полнится, Сергей Викторович, – развёл руками купец.

– Кабы через край не полилось! – От удара кулаком по столу подпрыгнули тарелки.

– Что не полилось? – не сообразил Беляков.

– А то, чем полнится!

Купец поёжился и поспешил перевести разговор в другое, более безопасное русло:

– Это точно, народец у нас такой – соврут, и возьмут недорого.

– Не только у вас.

– Беда... А вот скажи, Сергей Викторович, как оно на самом деле приключилось? Из-за чего англичанка так на царя-батюшку взъерилась, что на душегубство пошла?

Прапорщик опять погладил усы и задумался. Слухи ведь откуда-то берутся? Они же не вошь, способная сама собой расплодиться в пропотевшей да нестиранной рубашке? Кому-то они выгодны? А ежели так, то...

– А дело там простое, Александр Фёдорович. – Акимов взялся за стопку. – Ещё в бытность государя Павла Петровича наследником престола отправился он в путешествие по Европам – других посмотреть, себя показать. Ну и заодно, так сказать, невесту приличную присмотреть. Обычное дело у царственных особ. Да, кстати, а чего это любезная Елена Дмитриевна нами пренебрегает? Нехорошо...

– Бабское ли дело, Сергей Викторович? Оно ведь, как известно...

– Зря ты так. Ещё Пётр Великий указывал бывать на ассамблеях непременно с жёнами.

– Так то на ассамблеях! Хотя... Еленка, иди-ка сюда!

Вечером того же дня

– Кыш, проклятая!

Толстая трёхцветная кошка, неторопливо пробиравшаяся по неведомым кошачьим делам куда-то в сторону курятника, получила столь сильный пинок, что несколько раз перевернулась в воздухе и упала прямо в свиное корыто. А нечего под ногами путаться, когда хозяйка не в духе.

Капитолину Ивановну Воробьёву нельзя было назвать злой, но сегодня даже куры попрыгали, чуя надвигающуюся отнюдь не с неба грозу. И было от чего печалиться: известная поставщица новостей, злыми языками именуемая за глаза сплетницей, сорокой и гадюкою, теряла она заслуженную славу всезнающей особы. Как же так, уже полдня как к Беляковым прибыл грозный гвардейский офицер, весь из себя красавчик и усач, а никто до сих пор не ведаёт подробностей. То ли арестовывать приехал, то ли, что самое худшее, медаль привёз. Совсем теперь Елена Дмитриевна зазнается... Мужнина награда, это ведь не новый чепец, в который любая кошка нагадить сможет, и не новое платье из жёлтой тафты, собирающее подолом коровьи лепёшки на дороге... Нет, не дадут медаль. Но на каторгу тоже ничего – разговоров не на один месяц хватит. Ну где же Еленка с новостями? Не идёт... а ещё кума, детей крестила.

– Капитолина Ивановна, сударыня моя, что же ты, и гостей не видишь? – Голос любимой подруги (глаза бы выцарапать!) показался ангельским пением.

– Елена Дмитриевна, матушка! – Сколько же энергии в маленькой и сухонькой, телосложением оправдывающей прозвище Воробьиха, женщине, а? Поскакала по двору, вот-вот взмахнёт крылышками, да и взлетит в горние выси. – Замечталась вот... Да проходи, голубушка, проходи – всегда рада видеть и почтение выразить. Чайку ли приказать поставить али наливочки вишнёвой испробуем? Хоть и прошлогоднего урожая, но вкусьнотиш-ш-ш-а!

– Так ведь не праздник?

– Да мы капельку. Твой-то тоже скоро к Макарию отъезжает? Мой вечер уж покатил. Вот за успешную ярмонку и употребим.

– Нет, Капушка, Александр Фёдорович задержится. Уж и не знаю, поедет ли неонеча...

– С гостем, поди, водку пьёт?

– Её, окаянную, – тяжело вздохнув, согласилась Белякова. – И как только здоровья достаёт, а? В прошлом году два раза пьян являлся, в позапрошлом – один, и вот опять за старое.

Капитолина Ивановна, страдавшая от мужнина пьянства почитай каждые четыре месяца, с обидой поджала губы и внимательно посмотрела на гостью – не со смехом ли да укором говорит? Вроде бы нет, тоже переживает.

Как ни изнывала почтенная Воробьиха от любопытства, но правила приличия, соблюдаемые в купеческих семьях гораздо строже, чем у ветреного дворянства, не позволили сразу же приступить к расспросам. Сначала, и не менее часа, обсуждали виды на урожай огурцов и капусты на волжских островах, посетовали на неважно завязавшиеся вишни в садах, о детях, коих у каждой по трое, о будущей Макарьевской ярмонке, высоких ценах на китайский чай,

единогласно осудили любителей пить его внакладку, а не вприкуску... И лишь после этого Ивановна решилась перейти к главному.

- Гляжу, Дмитриевна, у тебя шаль новая?
- Да где там... О прошлом годе Фёдорыч на именины дарил.
- А я-то думала, что гостюшка нонешний привёз.
- Не, то особый курьер из Санкт-Петербургу с письмом от Ивана Петровича.
- Кулибина?
- Его сиятельства графа Кулибина!
- Да ну?
- Вот провалиться мне на этом месте, ежели вру. Хоть и высококонько взлетел, да родственников-то не забывают.

– А рази родственник?

– А то! Двоюродную тётку моего Фёдорыча помнишь?

– Которая за Асафа-кулугура в Никульскую деревню вышла?

– Она самая. А Иван-то Петрович её свахи бабушкиной свояченице деверем приходится.

– Вот оно как... – с завистью протянула Капитолина Ивановна. Такое близкое родство с влиятельной персоной позволяло Белякову надеяться не только на медаль – глядишь, и в столицу переберутся. – А в письме чего пишет?

– То дело государственное и нас не касается. – Елена Дмитриевна строго нахмурила брови. – А вот гонец что рассказал...

Воробыха нервно слотнула слюну в предвкушении новости, и аж подалась вперёд:

– Ну же...

– Не нукай, сударыня. А рассказал господин гвардейский прапорщик всю, какую ни на есть, правду: почему англичане на нас войной пошли, да злобятся отчего.

– Да?

– Несомненная правда, голубушка Капитолина Ивановна, не изволь сомневаться! А дело было так... – Купчиха подмигнула и понизила голос. – Когда государь наш Павел Петрович совсем юн был, то поехал он в земли аглицкие, прямо через океан-море. На корабле поплыл, знамо дело. А как приплыл, то пошёл в гости к тамошнему королю Егорию, счётом третьему. Ну, пир, конечно, горой, как и полагается у благородного состояния... напились, короче, допьяна.

– Нешто и оне потребляют? – изумилась Воробыха.

– Англичане, те все до единого пьяницы горькие, – подтвердила Белякова с видом несомненного знатока. – Ну а государю, чтоб Отечество не обстратить, тоже пришлось... да не в этом суть. Просыпается, значит, наш Павел Петрович поутру, а ихний Егорка по двору скачет, хохотом диким гогочет, да на палисадник указывает. Дескать, его-то Англия – цветок дивный, а Россия – крапива жгучая.

– Козёл! – прокомментировала Капитолина Ивановна.

– Вот! А государь, немного подумавши, портки расстёгивает, да всё что есть на цветок сей и возлагает!

– Срамотища.

– Чего бы понимала! Какая же срамота, ежели длиной в руку?

– Брешешь!

– Лопни мои глаза, если брешу – прапорщик точно обсказывал. Ну и вот... говорит Павел Петрович Егорке: мол на твою Англию я ложил с прибором, а ты попробуй на Россию положить.

– А тот?

– А чего тот? Тоже сгоряча дёрнулся, вроде как вытащил... а вытаскивать-то и нечего – в два раза меньше горохового стручка.

– Да ну?

– Вот тебе и ну! С тех пор и затаил англичанин злобу лютую за тот позор, значится. И козни строит, недомерок. Да ещё всех царёвых завистников к бунту подбивает.

– Это чего же получается...

– Об том и говорю: у кого в штанах меньше, чем у котёнка, тот и бунтовать норовит, тот враг государю, потому что заняться-то более и нечем.

Воробыха оживилась:

– Надобно непременно в полицию о братьях Татининых сообщить.

– Зачем?

– Так и у Якима, и у Мефодия... ой...

– Хм...

– Да я только слышала, – сразу принялась оправдываться Капитолина Ивановна. – Не подумай чего такого. Тебе-то с Фёдорычем вона как повезло... ой...

Ещё никому не приходило в голову измерить скорость передвижения слухов по земле русской. Разве что гений академика Ломоносова способен был постичь непостижимое, но Михайло Васильевич уже давно ушёл в край вечного знания и высшей мудрости. Так и бродили те слухи никем не измеренные.

Всего месяц прошёл после приезда прапорщика Акимова в Нижний Новгород, а последствия оно уже разошлись по стране, будто круги по воде от камня брошенного. Поднятой волною захлёстывало человеческие судьбы, ломало планы и чаянья, разбивало надежды. Следом прокатилась эпидемия дуэлей, всегда заканчивающихся смертью одного из участников. И разговоры, разговоры, разговоры... Сколько таких разговоров кануло в безвестность? Много. Но мы упомянем лишь два из них.

Первый случился в Орловской губернии, в имении отставного майора Житомирского полку Мелентия Григорьевича Яворского. Указывая на дверь молодому человеку, одетому с претензией на иноземный шик, он многозначительно поглаживал рукояти заткнутых за пояс халата пистолетов:

– Извольте покинуть мой дом, сударь! Я уверен, что именно вы никак не сможете составить счастье моей дочери.

– Но позвольте...

– Не позволю! Я не позволю своей единственной наследнице стать посмешищем для света, выйдя замуж за личность, проявляющую столь предосудительную англomанию. По большому счёту вы мне были по душе, но... Но скажу откровенно: пусть даже в ваших штанах шпага, а не булавка, общество всё равно будет уверено в обратном. Докажите, что это не так!

– Каким образом? – Молодого человека бросало из пунцового румянца в мертвенную бледность.

– Единственным, достойным мужчины и дворянина – войною! Вернётесь героем – и можно будет вернуться к разговору.

Мы не будем упоминать имени этого юноши. Какое нам дело до прошлого, если в будущем жил он долго и счастливо, вырастил шестерых сыновей, назвав старшего Мелентием в честь деда, и умер в покое и почёте, окружённый многочисленными потомками. И драгоценной реликвией передавался в семье знак ордена Святого Георгия второй степени, вручённый одному из самых молодых русских генералов самолично императором Павлом Петровичем на дымящихся развалинах Вестминстерского аббатства.

Второй же разговор произошёл в Петербурге, на тайной квартире, снятой Александром Христофоровичем Бенкендорфом для конфиденциальных встреч, афишировать которые явно не стоило. На этот раз, противу обыкновения, собеседником командира гвардейской дивизии являлась не прекрасная незнакомка под тонкой вуалью, а усатый гусар, конфузливо теребивший лежавшую на коленях ташку.

– Итак, господин штаб-ротмистр, подведём итоги... Двести тысяч рублей серебром – настолько грандиозная сумма, что мне не верится в верноподданнические чувства. Ну совершенно не верится. Как и в детский лепет о невозможности поднять руку на помазанника Божия.

– Ваше превосходительство, я...

– Да, вы. Если судить по допросам графа Воронцова, то задаток за организацию покушения на императора Павла Петровича вы получили ещё в прошлом месяце. Так что же такого должно было произойти, если вы вдруг срочно просите о встрече, на которой добровольно сознаётесь в подготовке к убийству? Уж не Святой ли Дух снизошёл, господин штаб-ротмистр?

– Ваше превосходительство, я не трус, не кланялся французским пулям в Италии и турецкие ятаганы не вызывали дрожи в коленях. Но поверьте, жить потом с репутацией недомерка... Лучше застрелиться самому.

– Разве английские ружья сделают это хуже?

– Так я смею надеяться...

– Неужели государь похож на человека, способного позволить боевому офицеру преспокойно избежать тягот войны на безопасной сибирской каторге?

– Вы меня спасаете!

– Это ещё как посмотреть. Кстати, штаб-ротмистр, не желаете получить вакансию ротного командира во Втором штрафном батальоне?

Документ 12

«Его И. Величество, между многими отеческими попечениями о благоденствии своих верноподданных, простирая милосердие свое и на жителей селений безлесных, высочайше повелеть соизволил открывшейся Новороссийской губернии в Бахмутском уезде каменный уголь ввести в большее обыкновение к употреблению; почему сим и извещается: 1) что уголь означенной весьма удобен не только к употреблению на винокуренных и кирпичных заводах, к жжению извести и к исправлению всех хозяйственных нужд, а потому 2) есть ли кто для означенных надобностей иметь его пожелает, тот может получить в означенном уезде при казённом селении, называемом Третья рота, заплатя на месте по 4 коп. за пуд».

«По высочайшему повелению балтийского карамельного флота дивизии красного флага мичман Симаков, за порядочной привоз из Костромы рекрутской партии, так что во время следования его с оной ни бежавших, ни больных не было, произведен в лейтенанты».

«Тульскому купцу Сидневу, просившему об определении его к таганрогскому порту браковщиком ладана, отказано яко в такой просьбе, которая до рассмотрения Е. И. В. не принадлежит».

«Продается книга: “Способ отгадывать имена, кто кого любит или о ком задумает”, 15 коп., “Арапский кабалистик, прорицающий будущее и предсказывает судьбу каждого человека”, 20 коп.».

Глава 12

Едва наш караван, состоящий из двух десятков деревянных посуды, похожих на маленькие галеры, миновал Балахну, как бурлящая непонятная радость заставила выйти на палубу и стоять там с глупой улыбкой. Ещё немного, рукой подать, и покажется за болотистым берегом Мещерского пустыря родной город. Хотя нет, сначала село Сормово, а потом уже Нижний. Кабы не тучи с моросящим дождём, можно было бы увидеть кремлёвские башни и сбегające уступами к самой воде стены. Родина... Чёрт побери, сколько отсутствовал? С начала сорок второго года. И в этой шкуре четыре месяца.

– Прикажете приготовиться, Ваше Императорское Величество?

Аракчеев отпустил бороду, что вместе с ярким кафтаном в старинном стиле заставляло вздрагивать и испуганно креститься встречавшихся по пути купцов – очень уж на Стеньку Разина похож. И мордой, и общим её выражением.

– Здесь приставать не будем, сперва в Подновье.

– Понятно, государь.

Интересно, что же ему понятно? Наверняка ведь решил, будто поступаю наперекор маминой памяти – она, помнится, в своём путешествии делала остановки как раз наоборот. Нет, просто очень хочется поскорее увидеть родную слободу, может быть, даже родственников отыщу. Разумеется, родственников из будущей жизни. У императора Павла Петровича их здесь нет.

Нижний показался... Стрелка... красиво... Ивановская башня почти напротив, Предтеченская церковь чуть ниже её по склону. С паперти этой церкви Минин и призывал народ ко Второму ополчению. А если памятник там поставить? Спасители Отечества. Ага... И примерно отсюда уходило на Москву войско Тохтамыша, на две трети состоявшее из нижегородцев. Так... забудем... а кто напомнит, тому в рыло.

По берегу толпы народа. Самые любопытные и нетерпеливые выходят навстречу в лодках, разукрашенных цветными тканями и коврами. Я бы в такую погоду плевать хотел на всех императоров – завалился бы на тёплую печку, принял рюмочку чего покрепче... Когда-то, кстати, на этом и погорел. Не слышали историю? Ах да... Приезжал как-то в наш город сам маршал Тухачевский... Всё как положено: транспаранты, оркестры, товарищ Жданов с полтора часовой речью, физкультурницы в майках и спортивных трусах. А мы как раз из Варнавина вернулись, где банду Мишки Скворцова брали. Насквозь промокли, устали хуже собак, да и плюнули на все встречи. Ага, плюнули... Ровно через неделю все три звезды с петлиц-то и осыпались. Знатный поджопник получился, летел из органов без всяких крыльев и приземлился только в порту. Но уже грузчиком.

М-да... чуть не посадили... жополизы маршальские. Зато в тридцать седьмом, когда наполеончика нашего за пухлую задницу прихватили, тот инцидент в заслугу пошёл. А в партии хоть и восстановили, но на Малую Покровскую работать всё равно не взяли. И звание не вернули. Ладно, дело прошлое, чего уж ворошить...

Напротив Кремля толпа самая густая и разноцветная. В подозрную трубу хорошо виден губернатор с большим караваем на вышитом полотенце, растерянным взглядом провожающий наш караван. Господин Кудрявцев так обеспокоен явным проявлением монаршей немилости, что не замечает, как вокруг него стремительно образуется пустота, только недавно заполненная верными подчинёнными. Потом, при случае, объясню Егору Францевичу, что претензий к нему не имею. И рекомендую организовать из местного чиновничества роту добровольцев в штрафной батальон. При правильно сделанном предложении добровольцы всегда найдутся.

С батальонами этими, кстати, не всё гладко вышло. Создавая самый первый, я предполагал, что они станут чем-то вроде военной передвижной тюрьмы, где осуждённые будут переко-

вываться в нормальных людей и заодно исполнять некоторые опасные задачи. Но после ревельских событий и преобразования самого первого батальона в Красную гвардию начался дурдом. Да-да, обыкновеннейший дурдом. Кому, скажите, в здравом уме придёт в голову проситься на почти верную смерть? Тем не менее меня буквально завалили рапортами и прошениями о переводе. Это не считая тех бумаг, что поступали военному министру графу Аракчееву.

Пришлось кое-что изменять, многое придумывать на ходу, а что-то вообще объявить подлежащим решению только после победы. И было обнародовано следующее:

А) Срок службы в штрафниках составляет десять лет для направляемых туда по суду и четыре года для прочих штрафных добровольцев.

Б) Семьи крепостных крестьян, добровольно поступивших в службу штрафную, получают вольные, а сами они по выходе срока жалуются званием вольного хлебопашца с наделом в сорок десятин в центральных или восемьдесят в сибирских губерниях по выбору.

В) Помехи и препоны к поступлению в службу со стороны любого лица являются фактом вопиющей государственной измены и покушением на императора и Отечество.

Г) Крестьяне крепостные и экономические, изъявившие желание оружно послужить Отечеству в войсках обычного строя, подлежал призыву на срок в двенадцать лет, по истечении которых пользуются вышеозначенными жалованными льготами.

Д) В боевых действиях выслугу офицерам сих батальонов считать втрое, но со строгим учётом, дабы впоследствии количество генералов не превысило разумные пределы.

– Догоняют, Ваше Императорское Величество!

– Кто и кого? – недоумённо оборачиваюсь к Аракчееву.

– Губернатор следом за нами последовал.

Перевожу взгляд за корму. Ага, точно, длинная шестивёсельная лодка чуть не выпрыгивает из воды, настигая неторопливый караван. Вот настырный! Совсем как французский посланник, прожужжавший все уши криками и мольбами о помощи египетской армии Наполеона. Он и турецкого пашу с собой приводил как доказательство того, что султан ни в коем случае не против прохода русского флота через проливы. И намекал, свинья, будто в противном случае Бонапарт может задуматься о союзе с англичанами. Ну-ну... вот прямо-таки сейчас и бросятся друг к другу в пламенные любовные объятия. С разбегу.

Но посланник, похоже, и сам не верил собственным завуалированным угрозам, потому что продолжал лебезить и прогибаться. Впрочем, это его дело. Пусть хоть наизнанку вывернется и в таком виде по Петербургу бегаёт, но пока не увижу наличных и не услышу их благородный звон, ни один боевой корабль не выйдет из Севастополя в сторону Египта. Или, на худой конец, можно расплатиться расписками о погашении наших долгов голландским и итальянским банкирам. Они, помнится, уже наполеоновы подданные? Как, ещё не объявлял себя императором? Досадно, право слово, но исправимо – разве не стоит признание сего титула законным каких-то жалких пятидесяти миллионов?

Да, о чём это я? Вроде бы начал о губернаторе, а перешёл плавно на политику...

– Алексей Андреевич, распорядись послать всех визитёров и посетителей к чертям собачьим.

Аракчеев морщится укладкой, когда полагает, будто никто не видит. Очень его корбит моя манера упоминать нечистого, более приличествующая какому-нибудь раскольнику. Вот для них слово «чёрт» не является грубым и бранным, и употребляется столь часто, что поневоле начинаешь подозревать и тех и других в близком родстве. Приходилось по долгу службы присутствовать на допросах старообрядческих начётчиков. После услышанного там ругань босяков в пивной на Миллионной кажется верхом благопристойности.

– Будет исполнено, Ваше Императорское Величество!

Граф ушёл отдавать распоряжения, а я направил трубу на стены Печёрского монастыря, высотой и количеством башен немногим не дотягивающие до кремлёвских. Эх и жирненький карасик... был! А мне только чешуя с косточками досталась.

Нет, так нельзя – самодурство хорошо до определённых пределов, а в некоторых ситуациях лучше действовать убеждениями. Впрочем, при известной степени красноречия, с предъяснением одновременно кнута и пряника... Вот мамаша их и применила – обнищала стараниями многочисленных хахалей, да и наложила длань... то есть лапу волосатую... на земли и денежки монастырские. Называлось это словом столь неприличным, что до сих пор запомнить не могу – то ли секелизация, то ли ещё как... В общем, только колокола у святых отцов и остались, да и то повезло не всем. Печёрские из удачливых, а свыше семисот обитателей вообще закрыла, дрянь похотливая...

Между мной и монастырём безлесный остров. Если здесь и росли когда-то деревья, то давно уступили своё место капустным и огуречным огородам – почти основному источнику дохода местных жителей. Остальное – лишь мелкие подработки. Ну да, если в иной местности заводик по производству полотна из гусиного пуха, два десятка кузниц, варенные предприятия, дающие в год двадцать четыре тысячи пудов паточного варенья из вишен, малины да гонобобеля, и могли являться основой благосостояния, то для Подновья это приятные дополнения. И ещё сады, занимающие крутые склоны высокого, до двухсот саженой, берега.

– Павел, ты так долго под дождём... – Мария Фёдоровна подошла совсем неслышно и встала рядом. – Промокнешь.

– Ничего, – смеюсь в ответ. – Пусть поливает, может, ещё чуток подрасту.

Императрица тоже смеётся – до неё недавно дошли слухи о моих выдающихся... хм... особенностях организма, так что не упускает возможности лишний раз пошутить по этому поводу. И сама же мило краснеет от двусмысленностей. Но смущение не мешает ясности мыслей. В данный момент – излишней ясности.

– Почему мы не остановились в Нижнем Новгороде, Павел?

– Соскучилась по цивилизованности? Балы, натёртый паркет, тысячи свечей в хрустальных люстрах, лакеи в белоснежных чулках... Этого хочешь?

– Твоими стараниями белые чулки можно увидеть разве что в глуши, куда не дошли веянья новой моды, – усмехается Мария Фёдоровна и кокетливо поправляет сарафан.

– Правильно, нечего тратить деньги на щепетильное убожество, ввозимое со всех помоек развратной Европы. Или вологодское кружево хуже брабантского?

– Лучше, но его нет почти.

– Конечно, мало. Любое излишество должно быть редким и дорогим, иначе что оно за излишество? Вот лапти – товар первой необходимости, потому имеют низкую цену и есть везде в достатке.

– Предлагаешь обуть высший свет в лапти? Тебя не поймут.

– Вот уж на что наплевать, так это на мнение света. Не поймут... А если я их не пойму?

– Ах, Павел, ты такой... такой... – Императрица хитро покосилась, вздохнула прерывисто и прижалась пухлым плечиком, как бы намекая, что слухи слухами, но и подтверждать их нужно как можно чаще.

Не будем поддаваться на провокации, товарищи! Тем более остров заканчивается, и сразу за ним открывается небольшой затон со спокойной водой – наша сегодняшняя цель. А тут почти ничего не изменилось! Всё те же лодки на берегу, символически привязанные тонкими веревочками к вбитым колышкам, мосток для погрузки телят на баржи. Зачем, спросите, их грузить? Так ведь здесь каждый клочок земли занят под огороды, и молодых бычков развозят на лето по волжским островам, еще не занятым капустными плантациями, на заливные луга, где нет волков, а постоянный ветерок сдувает надоедливых слепней и оводов. Здешняя телятина супротив всей самая дорогая.

На соседней галере бухнула холостым зарядом пушка – местные жители извещались о прибытии горячо любимого монарха. Или просто обожаемого, но всё равно монарха. Да они уже и привыкли, наверное, к подобным визитам – сам Пётр Великий тут изволил собственноручно липовую рощу посадить¹, да и мамаша заезжала к Кулибину за его знаменитыми часами. Мелочная баба...

– Здесь так мило! – Мария Фёдоровна помахала ручкой выскочившим из воды мальчишкам, совершенно не стесняющимся отсутствием штанов. – Они живут в воде?

Ага, русалы бесхвостые... Это для нас купание является развлечением, а пацаны до посещения и до злой судороги в сведённых ногах ловят раков и व्यюнов, сбывая их потом в нижегородские кабаки да трактиры. Или к Макарию отвезут, выпросив у кого-либо из отцов лодку, благо до ярмарки всего вёрст семьдесят. Добытки малы летние... И во взглядах не восторг от лицемерия высочайших особ, а будто счёты щёлкают – не удастся ли ободрать дорогих гостей на пару пятиалтынных, сбавив улов вместе с корзиной и дырявыми портками в придачу. Прямо сердце радуется – в помолодевшее зеркало смотрюсь.

Пушка стреляет ещё раз, заслужив одобрительные крики детворы, и первая галера тыкается носом в песок. Эти плоскодонки мелей не боятся, тем более взятый в Ярославле лоцман родом из Кадниц, а тамошние мужики из колыбели выходят с точным знанием всей Волги и её притоков. Наследственное, наверное...

Егеря прыгают за борт, не дожидаясь сходней, и рассыпаются по кустам. Ни за что не поверю, будто им всем срочно приспичило по малой нужде – наверняка сейчас засядут в зарослях, чтобы даже наглая чайка не смогла нагадить на охраняемый объект. Этим объектом являюсь я лично, императрица Мария Фёдоровна и самый младший из великих князей – малолетний Николай Павлович. Если остальных детей удалось оставить в Петербурге без особых проблем, то этот проявил твёрдость характера, буквально с боем вырвав обещание взять с собой в путешествие. Подозреваю, что надеется встретить по пути придуманного мною колобка...

Аракчеев морщится, углядев в отсутствии встречающих умаление императорского величия. Смотрю на него с укором:

– Полно тебе, Алексей Андреевич, мы же нежданно-негаданно нагрянули. А, как известно, незванный гость хуже татарина.

– А колобок – лучше! – Николай топает ногой по палубе, привлекая внимание. – Папа, давай дадим колобку графский титул!

Хорошее предложение, но немного несвоевременное. Если под именем колобка понимать Матвея Платова, то сейчас он где-то под Оренбургом застрял. А если гонец с приказом прибыл, то уже выдвигается на Кавказ, в усиление армии Цицианова – есть кое-какие мысли насчёт... Ибо турок что-то совсем бояться позабыл. Напомним?

А вот и встречающие! Только не с берега – с воды. Нижегородский губернатор, видимо, решил, что возможный царский гнев предпочтительнее царского безразличия, и рискнул явиться пред светлы очи государевы.

– Вай Императорское Величество. Позвольте выразить искреннее...

Речь цветистая и витиеватая, украшенная без меры цитатами из Писания, латинскими поговорками, наполовину на французском языке. Неужели я что-то пропустил, и Нижний Новгород случайно завоёван Наполеоном? Тараторил минут десять, пока моя кислая физиономия не заставила заткнуться. Но, к превеликому сожалению, ненадолго.

– По древнему обычаю и в знак... – Словоблудие пошло на новый виток. Комсомолки-физкультурницы в коротких трусах тоже будут?

¹ На сегодняшний день сохранилось шесть деревьев (Прим. авт.).

– Благодарю за службу и верность, Егор Францевич! – Забираю у губернатора пышный белый каравай и разламываю пополам. – Э-э-э... а где?

– Что?

– Где ружья, купленные для армии дворянством вверенной тебе губернии? Или хочешь отдать деньгами? Так я их тоже не вижу.

Кудрявцев побледнел и спал с лица, но, надо отдать должное, почти сразу же оживился:

– Сбор средств по подписке начат ещё вчера, Ваше Императорское Величество, и первые двадцать тысяч рублей внесены лично мной.

Врёт ведь, собака! Но врёт грамотно и с пользой для дела. Простим, но запомним.

– Похвальный поступок, Егор Францевич, весьма похвальный. Думаю, подобное рвение заслуживает некоторого... – Я оборвал фразу на полуслове, чтобы не наобещать ничего лишнего, но внушить надежду на непременною награду. – А сейчас изволь побыть нашим Вергилием.

– Простите?

– Мы идём в народ! Проводи.

– Павел, ты действительно готов на это пойти? – Мария Фёдоровна стиснула ладони, и было заметно, как она с трудом сдерживает дрожание рук. – Это немыслимое дело и подрыв всех устоев!

– Душа моя, позволь мне самому определять...

Перебивает, даже не дослушав:

– Но это варварство, в конце-то концов.

– И, тем не менее, мы сделаем это! – Я треснул кулаком по столу, подводя итог разговору.

Императрица обиделась и отвернулась, кусая губы. Странные существа эти женщины... Нет, понимаю, конечно, что в ихнем Вюртемберге так не принято...

– Ещё раз повторяю, душа моя! Я не намерен из-за чьих-то глупых предрассудков не ходить в баню!

Собственно, и скандал-то весь разгорелся по пустяковому поводу: купец третьей гильдии Беляков, в доме которого мы изволили разместиться, предложил попариться с дороги. А эта дура в истерику, будто её на свальный грех уговаривают. До битья тарелок ещё не дошло, но близко к тому. Предубеждение какое-то, что ли? Хотя ванну принимает исправно, в отличие от моей покойной мамыши, предпочитавшей пользоваться духами вместо мытья.

– Собирайся!

– Я тоже не намерена... не намерена...

Чёрт возьми, какая же она милая в таком грозовом состоянии. Красивая сердитая дура!

– Тебя под конвоем доставить?

– Только попробуй!

– Ты – русская царица и должна соблюдать русские обычаи.

– Я не должна! То есть должна, но есть же какие-то приличия...

О, Господи... Так она наслушалась баек досужих иностранных путешественников о диких оргиях, устраиваемых не менее дикими русскими, кои набиваются в тесную парилку, а уж там... Идиоты! Они сами не пробовали зайти толпой на площадь в три квадратных сажени? Или подразумевалось несколько слоёв? Не знаю у кого как, но у нас дрова дешёвы, бани топят по-белому, так что нет смысла тесниться.

– Душа моя, во-первых, ты в любом виде хороша, как в наряде, так и без него. А во-вторых...

Распинался я о прелестях парилки и преимуществах дубовых веников перед берёзовыми не менее десяти минут и, кажется, преуспел – в глазах Марии Фёдоровны появился загадочный блеск и недвусмысленное оживление. Пора начинать бояться?

Капитолина Ивановна Воробьёва, более известная как Воробыха, со злым рычанием голодной львицы шмякнула об пол очередное зеркальце. Душа рвалась на улицу, язык зако-стенел от бездействия, великое множество новостей требовало выхода наружу, к ушам благодарных слушателей, но... но не судьба. Как показаться в таком виде на люди?

– Всего-то хотела одним глазком глянуть, – жаловалась купчиха, прикладывая толстый сестрорецкий рубль к грандиозному синяку, занимавшему половину лица. – Что теперь делать?

Трёхцветная кошка отнеслась с пониманием к хозяйкиной беде и промурлыкала что-то в ответ. Наверное, успокаивала, мол, одноглазые, они завсегда немыслимых высот достигали, что Григория Потёмкина вспомнить, что ныне здравствующего Михайлу Илларионовича Кутузова. А может, и просто мурлыкала сама по себе, не ведая ни о каких кривых полководцах... Кто же их разберёт, этих кошек?

Документ 13

Вот государь. А перед ним
Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилием своим.
Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вина европеец,
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей,
Игрок привез свои колоды
И горсть услужливых костей,
Помещик – спелых дочерей,
А дочки – прошлогодни моды.
Всяк суетится, лжет за двух,
И всюду меркантильный дух

Из собрания сочинений его высокопревосходительства генерал-лейтенанта А.С. Пушкина в 112 томах. Издательство «Сытин и сыновья» в Царьграде. 1886 год.

Глава 13

– Вот хоть убей, государь, но не ндравитца мне сия задумка, и всё тут! – Беляков ожесточённо взлохматил бороду и надвинул на глаза шапку, защищаясь от яркого солнца. – А ну как опознают?

– Да и хрен с ним, чай царской чести урона не будет – багдадский халиф Гарун аль-Рашид тоже любил по базару переодетым ходить.

– Так это бесермене безбожные, им-то законы человеческие неведомы. А тут христианский государь...

– И Алексей Михайлович Тишайший не гнушался.

– Да ну?

– Нешто я своих предков не знаю?

Александр Фёдорович всё равно не поверил, но сомнения вслух не высказал, оставил при себе. Поздно сомневаться, тем более всё оговаривалось заранее ещё в письме, написанном Кулибиным. Он, правда, имена прямо не называл, только намекнул на весьма высокопоставленного вельможу, изъявившего желание инкогнито посетить Макарьевскую ярмарку. У кого-то есть сомнения в моей высокопоставленности?

– Чего опасаться? Две роты егерей загодя послали, они и придут на выручку, ежели что случится.

– Ага, придут... строим. Нешто никого получше не было?

– Эти чем нехороши?

– Да всем! – Купец от огорчения и о почтительности совершенно позабыл. – В битве, может, и хороши, но только в любом из них солдата за три версты видать. Ночью – за полторы. Казачков бы туда заслать. Засланный казачок – первейшее дело.

– Уймись! Надоело ворчание слушать. Сейчас вот как прогневаюсь... – Я плюнул в воду и отвернулся.

Мы добирались до Макарьева самым коротким и простым путём – по Волге на лодке. Практически пустой, надо сказать, так как у Белякова основной товар расходился зимами, а то, что имелось сейчас, съедал многотысячный Нижний Новгород. Съедал, да ещё добавки просил. Но для нижегородского купца не побывать на ярмарке – дело немыслимое. И вопрос не только в престиже. Здесь заводились новые знакомства, устанавливались цены на важнейшие товары на год вперёд, узнавалось состояние дорог до Кяхты и Тегерана, обсуждались размеры взяток таможенным чиновникам Лиссабонского и Гамбургского портов, делались политические прогнозы и выводилась зависимость прибылей от тех или иных телодвижений сильных мира сего. И заявись я сюда в мономаховой шапке... пусть даже без неё, а с приличествующей случаю свитой, то кроме согнутых в поклонах спин не увижу ничего. А хочется самому, изнутри, так сказать... Вдруг что толковое услышу? А то мечусь дурак дураком по Петербургу, хватаюсь то за одно, то за другое. Ничего не успеваю. Из рук всё валится, денег нет...

И послы иностранные банным листом прилипли: намекают, просят, предлагают, уговаривают. Все и на всё. А что я? А я ничо! Куда ни кинь, не клин даже, афедрон выходит. Балтийский флот, посланный на перехват английской эскадры, устроившей побоище в Ревеле, смог выйти из Кронштадта только после недельных сборов и расстрела адмирала... как его там... забыл, да и неважно. А после выхода в море они ещё раз отличились... не обнаружив Нельсона, к тому времени улизнувшего восвояси, и встретили случайно союзных шведов. Лучше бы мимо прошли. Результатом ночного боя стали два утопленных собственных линейных корабля, шестидесятишестипушечных, по злой насмешке судьбы имевших имена «Победа» и «Победоносец».

Так что решил уехать из Санкт-Петербурга и успокоиться, пока не начал вешать всех подряд. А так, глядишь, поостыну немного, и обойдёмся без виселиц.

– Государь, а с этими что делать будем? – Беляков окликнул шёпотом и кивнул в сторону троих гребцов, усердно махавших тремя парами вёсел. – Неужто... того?

Этого ещё не хватало! Нет, конечно, при острой государственной необходимости и удавить кое-кого можно. Но сейчас-то зачем?

– В гостинице запрём. В Макарьеве есть приличная гостиница?

– Как не быть? Только оне заняты все давным-давно.

– Нам что, на улице ночевать?

– Зачем? У свата моего, Никиты Сомова, на постой встанем, так всегда делаю. Чай не стесним, и ему прибыток.

– Сарай там какой-нибудь имеется? купишь гребцам ведро водки, да пусть пьют моё здоровье.

Купец с сомнением почесал бороду:

– С такими-то рожами...

– Возьмёшь два!

Ну что за привычка говорить громко? Разговоры о грядущей награде не прошли мимо ушей наших «галерников», и они с таким рвением и воодушевлением налегли на вёсла, что лодка едва не выскочила из воды, подобно неизвестному в этом времени торпедному катеру. А меня от рывка чуть не сбросило с кормовой скамейки вверх тормашками.

– Потихе вы, ироды! – прикрикнул Александр Фёдорыч.

– Оставь их. Раньше сядем – раньше выйдем.

– Куда?

– Потом объясню. Если захочешь.

Шум, гам, толчея, ругань на двенадцати языках – натуральная иллюстрация к Вавилонскому столпотворению в последней, заключительной его стадии. Меня то и дело хватали за рукав, пытаясь затащить то в лавку, торгующую дрянными ситцами из Шуи и села Иванова, то в трактир с наилучшими и всамделишными французскими винами местного разлива, то в цирковой балаган на просмотр бородатых женщин и карликов пигмейской породы. С трудом сдерживаю желание бить по мордам тяжёлой можжевеловой палкой. У меня козьмодемьянская, что является признаком уважаемого и обеспеченного человека.

Палки эти, называемые ещё подогами, служили определением социального статуса не хуже, если не лучше, дворянских шпаг. Идёшь ни на что не опираясь – голь перекатная. В руках ошкуренная орешина – тот же голодранец, но с претензиями. Можжевеловый подожек, обожжённый и лакированный, – не меньше приказчика. Такой же, но с загнутой или Т-образной рукоятью, подразумевает человека степенного, солидного, обеспеченного и понимающего о себе. Тут следует сделать отличие от возомнивших о себе – те предпочитают легкомысленные тросточки, порядочному купчине противные всем своим видом.

Беляков то и дело раскланивается с давними знакомыми, хлопает по плечу приятелей, ручкается с друзьями, обнимается с родственниками. Тут уж разделения на дальних и ближних нет, все одинаковы. Мне тоже достаётся ровно такое же количество приветствий – роль сваяка, приехавшего из далёких Колымских земель это подразумевает. И не скажу, чтобы маскировка была такой уж сложной – подновский окающий говор с растягиванием гласных не сильно изменился за будущие сто сорок лет, а проскальзывающие в разговоре непонятные словечки списывались привычкой к общению с дикими северными племенами.

Пару раз на глаза попадались страшющие нас егеря. Зря на них Фёдорыч бочку катил, пусть извиняется. Двигаются вполне естественно, никак не строем, а топорщащиеся за пазухой рукояти пистолетов не вызывают удивления – денежный народ завсегда себя защитить должен. Эка невидаль, пистолеты... Чай не кистень с дубиной, вот те действительно подозрительны.

С трудом отбившись от очередного зазывалы, для чего пришлось пообещать непременно засунуть навязываемые скобяные изделия борзому работнику прилавка прямо в срамное место, нос к носу сталкиваюсь с колоритнейшей личностью. У меня при дворе и то таких не встретить. Только вот эта явившаяся личность мною совершенно не заинтересовалась – одетый в невообразимые лохмотья кривоногий человечек заплясал вокруг Белякова, позвякивая нашитыми на шапку бубенчиками, и распевал беззубым ртом:

– Санька – дурак! Санька – дурак! Санька, дай денег!

– Сгинь, Гадюшка! – Фёдорыч угрожающе поднял палку.

Человечек не унимался:

– А я тебя помоями оболью! Санька, дай денег!

Интересно, треснет ему купец по башке или нет? Юродивых вроде как бить не принято. Но оказалось, проблема имеет более простое и действенное решение – в пыль упала монетка, и несчастный, опустившись на четвереньки, схватил её ртом, в подражание собачьим привычкам. После чего, угрожающе рыча, отполз в сторону.

– Совсем Сеганя людишек распустил... – Беляков плюнул вслед дурачку.

– Что за Сеганя? – тут же заинтересовался я. – Это его крепостной?

– В двух словах и не обскажешь. – Александр Фёдорович посмотрел на солнце и предложил. – А вот за обедом можно и поведать сию поучительную историю.

Выбор трактира был предоставлен Белякову как человеку опытному и сведущему в местных реалиях. Сам бы я зашёл в первый попавшийся, руководствуясь лишь голосом оголодавшего организма, но оказалось, что поступил бы очень опрометчиво. Чтобы отличить пристойное заведение от имеющего оный вид притона с сифилитичными немецкими и голландскими шлюхами, или от игорного дома с налитыми свинцом костями да краплёными колодами, нужно не просто проявить наблюдательность – требуется купеческое чутьё, сравнимое с классовым, пролетарским. И конечно, большой опыт вместе с обычным знанием. Почти все трактиры, куда можно было входить без умаления достоинства, располагались близ монастырских стен, как бы подчёркивая свою приличность и обособленность от всеобщего греха и не менее греховных соблазнов. Здесь пахло уютом, добротной едой... и очень большими деньгами.

Фёдорыч всё старался выбрать самый-самый... Пришлось напомнить об инкогнито и что не император сейчас жрать хочет, а некий свояк именем Павел Петров сын Саргаев. Насилу убедил.

Про обед ничего плохого не скажу, отменный обед. Ну, разве что ботвинью с белужинкой досаливать пришлось, мерные стерлядочки мелковаты показались, да поросёнок с кашей излишне жирноват. Я-то попостнее люблю. А уж после, когда распустили пояса, отёрли пот пятым по счёту полотенцем и приступили к чаю, поведал Беляков печальную повесть о юродивом, именуемом Гадюшкой. Аж печальную слезу вышиб... или то горчица крепка попалась?

Оказалось, дурачок не всегда был таковым, а стал убогим лишь прихотью судьбы и злого случая. Лет десять назад, вполне нормальным человеком, служил он приказчиком у царицынского хлебного торговца Константина Крюкова. И всё бы складывалось ладно, кабы не несчастье. Обоз с зерном, отправленный в Астрахань в одну из зим, попался в руки промышлявшей в тех краях шайке незамирённых калмыков да приبلудных неизвестно откуда хивинцев. Обозников, знамо дело, саблями посекали, а спрятавшегося под санями Юшку Белокопытова живым из прихоти оставили. Что уж там с ним делали, то неведомо, в степи-то нравы простые и дикие, только на невольничий торг в Коканде попал он беззубым да оскропённым. Через то и умом тронулся.

Жил, говорят, при гареме тамошнем, на цепи, вместо пса какого. Хивинцы собак нечистыми почитают, вот и его участь не лучше была... А потом слухи о беде подначального человека до Крюкова дошла, и выкупил торговец бывшего приказчика. Да, видать по всему, слишком поздно – совсем у Юшки с головой плохо стало. Сбежал дурачок от благодетеля, да пару

лет скитался, едва с голоду не помер. Последний-то раз, было дело, приютили убогого мужики с села Вихорева, добрые они там бывают, но не срослось... То огород чей истопчет, то на крылечке нагадит... Через это и прозвище дали – Гадюшка.

А летось прикормил юродивого Сеганя Уксус. И какая ему в том выгода? Сам-то Сеганя из раскольников-беспоповцев воздыханского толку, до денег жадный настолько, что даже жениться не стал, а тут разжалобился! Или...

Беляков сделал паузу в рассказе, и оторопело уставился на меня, сражённый неожиданной догадкой:

– Государь... так ведь не по человеческому закону это... Юшка хоть и не мужеска полу уже, но и не баба ещё.

– Весёлые дела тут творятся, как погляжу.

– Отродясь такого не случалось. Чай русские же люди...

– Ладно, скажу губернатору, пусть он разбирается.

Мы сидели у раскрытого окошка, и веющий ветерок приятно остужал вспотевшее от обильного чаепития лицо. Приятственность продолжалась ровно до того момента, как над подоконником образовалась знакомая пыльная физиономия.

– Санька не дурак, Санька добрый! Санька грошиком пожаловал!

– Всё, теперь не отвяжется, – тяжело вздохнул Беляков.

А юродивый продолжал бормотать:

– А Уксус злой! Уксус подати не платит, золото возами возит, а Юшке грошик не даёт. Дяденька, дай копеечку, а то помоями оболью.

– погоди! – Я остановил замахнувшегося палкой Фёдорыча, выгреб из кармана горсть медной мелочи, и показал дурачку. – Хочешь, подарю?

– Дяденька добрый, а Санька – жадина. И Сеганя – жадина.

– Так что ты там про золото говорил?

– Говорил, – с готовностью подтвердил Гадюшка. – Уксус – злой, он золотым песком осетров солит, а Юшке грошик пожалел.

– Каких ещё осетров?

– Агроменных... Давеча два воза пришли – полны рыбы, а в кишках – золото. А мне грошика не дали... Дяденька, пожалуй денежкой, а?

– Забирай.

Медяки звякнули в грязной ладони, и юродивый тут же пропал из виду, будто и не бывало никогда.

– Рот закрой, Фёдорыч, а то мухи налетят, – посоветовал я остолбеневшему Белякову. – Ты хоть понял, о чём он говорил?

– Да ведь это же...

– Ага, незаконная добыча и контрабанда драгоценных металлов в особо крупных размерах. Карается высшей мерой социальной защиты.

– Чего банда?

– Контрики, говорю... Всё, заканчиваем чаепитие, царская работа подоспела.

– Егерей собирать? – Купец справился с временной растерянностью и стал на удивление спокоен и деловит.

– И сам пистолеты заряди.

– Топором-то оно сподручнее, – откликнулся Беляков и подозвал полового для расчёта. – Сколько с нас, любимовская твоя харя?

Хуже нет – ждать и догонять. Время тянется невероятно долго, каждая минута кажется густым киселем, а я в том киселе барахтаюсь упавшей мышью. Высокие напольные часы издевательски шипят, прежде чем отбить очередную четверть... Ну где же они все? Лучше бы сам пошёл.

Пошёл бы... только не пустили. Командир егерей прямо так и заявил: не царское, мол, дело, за воровской шайкой с топором бегать. А кто с топором? Я же со шпагой и пистолетами собирался. Не помогло. И угроза Сибирью не помогла – не убоился недавно возвращённый из ссылки в собственное имение капитан Ермолов возможного гнева, и даже связать пообещал для моей же собственной безопасности. И это называется самодержавием? Как же... жизнь императора так жёстко регламентирована, что никакие Уставы в сравнение не идут. Вот не положено – и не пустили. Нет, самодурствую, конечно, потихоньку... но не в этом случае. Человеку поручено охранять высочайшую особу, и он в своём праве, пусть даже против желания охраняемого.

– Чаю ещё, Павел Петрович? – сидящий напротив за столом родственник Белякова Никита Сомов старательно изображает неведение относительно моей персоны.

Сообразительный малый, даже висевшую гравюру с портретом лицом к стене перевернул. Но золотой империял нет-нет, да и вытащит из кармана. Вытащит, многозначительно переберосит из руки в руку, да обратно спрячет. А пусть поиграется, там моего изображения всё равно нет.

– Али чего покрепче изволите?

Нет, вот этого не хочу. Нервы на пределе, и неизвестно, чем обернётся их дополнительное подбадривание. Или усну прямо тут, уткнувшись носом в столешницу, или побегу искать своих егерей. Где, кстати, их черти носят?

– Не нужно покрепче.

– Значит, чайку. – Сомов наливает кипяток в большую фарфоровую чашку и придвигает заварочный чайник, расписанный золотыми китайскими драконами. – Да вы не извольте беспокоиться, Павел Петрович, раз шум не поднялся, то скоро вернутся.

Никита молод, вряд ли больше тридцати лет, но с густой бородой и хитрым не по возрасту взглядом. Семью он ещё с вечера предусмотрительно отправил к родне в Лысково и сейчас изо всех сил изображает готовность помочь в деле, о подробностях которого знает весьма смутно. Или Беляков успел что-то рассказать? Ой, как нехорошо... придётся прибегнуть к репрессиям. Да, точно! Назначу купчину на должность спасителя Отечества.

Я-то поначалу хотел Кулибина сей тяжкой ношей загрузить, даже конспект речи написал, которую он произнесёт с паперти церкви Иоанна Предтечи в Нижнем Новгороде. Всё как почти двести лет назад: воодушевить народ, собрать деньги, организовать ополчение. Без последнего, кстати, лучше обойтись, доверив дело специалистам. Но Иван Петрович остался в Петербурге, весь погружённый в заботы по переоборудованию Сестрорецкого завода, и показалось жестоким отрывать механика от любимого дела. Так что Белякову придётся отдуваться за двоих. Вполне подходящая кандидатура, между прочим. И его всего лишь третья гильдия только плюсом – неужели толстосумы-миллионщики допустят, чтобы какой-то захудалый купчишка превзошёл их в достойном деле получения высочайших милостей? Платного получения, разумеется.

Условный стук в окошко. Кто-то, невидимый в темноте, отбивал по стеклу «Марш Будённого». Ага, это за мной.

– Разрешите сопроводить, Павел Петрович? – Никита уже на ногах, с заткнутым за пояс топором. – По важным купеческим делам?

И ухмыляется в бороду, паразит. Взять с собой, что ли?

– Да пошли, мне не жалко.

На улице ждут четверо. Старший, едва скрипнула дверь, бросается с рапортом:

– Ваше... – спохватывается и поправляется. – Ваше степенство, их благородие капитан Ермолов сообщает о выполнении задания.

Вот так... И никого не удивляет право какого-то свояка купца третьей гильдии отдавать приказы командиру роты егерей, пусть даже изображающего статского человека. Только Сомов с понимающей улыбкой перебрасывает из руки в руку монетку.

Егеря ведут уверенно, будто отбор в их полк производится исключительно по способности к кошащему зрению. А может, так оно и есть, плюс орлиное – из гладкоствольного ружья за триста шагов умудряются попасть в любую часть набитого соломой чучела по выбору. А со своими нарезными штуцерами вообще творят чудеса. И это притом что в солдаты обычно отправляют в наказание не самых лучших... Какой мобилизационный резерв, а?

Долго кружим по торговым рядам притихшей на ночь ярмарки. Впрочем, относительно притихшей – иногда в темноте мелькают какие-то подозрительные личности, сторожа купеческих лавок с трещотками и дубинами, пару раз спотыкались о лежащих поперёк дороги пьяниц, единожды встретились с полицейской командой, страдающей излишним любопытством. Лекарством от сего похвального недостатка стала полтина серебром – стражам порядка вдруг стало абсолютно безразлично, куда это направляются шесть вооружённых до зубов человек. Хочется кому-то гулять с взведённым пистолетом в руке? Его право... Зачем мешать?

Короткий свист справа – свои. Вряд ли кто ещё сможет просвистеть неведомый доселе марш.

– Сюда. – По голосу узнаю Ермолова. Он проводит в узенькую калитку рядом с огромными воротами. – Осторожно, здесь...

Предупреждение слегка запоздало, я уже наступил на лохматую тушу цепного кобеля и упал на четвереньки, едва с размаху не поцеловав оскаленную морду с высунутым языком. Почему собачья голова отдельно от тела? Ах да, лес рубят – щепки летят. И бьют по безвинным грибам. Не повезло тебе, барбоска...

– Не ушиблись, государь? – Ермолов отбросил ненужное более инкогнито. – Позвольте помочь?

– Я сам. – Вытираю липкие ладони о траву. Под рукой что-то звякает. – Капитан?

Командир егерей смущённо кашлянул, и поднял с земли знакомую шапку с тускло блеснувшими в лунном свете бубенцами.

– Извините, государь, так получилось.

– Я просил без лишних жертв.

– Случайно. Он спал в конуре вместе с собакой, вот и...

– Ладно, забыли. Хотя так оно и милосерднее. И чем же порадуешь, истребитель юродивых?

– Извольте. – Капитан делает приглашающий жест. – Всё в доме. И все там же.

Окошки снаружи закрыты ставнями, а изнутри плотно занавешены какой-то мешковиной, чтобы ни единый лучик не пробился наружу. По-моему, излишняя предосторожность – высокий забор из заострённых брёвен превращал дом тайного торговца золотом (моим золотом!) в подобие крепости. Тут хоть костёр посреди комнаты разводи, всё равно никто не увидит.

Первое, что бросается в глаза, так это отсутствие икон в красном углу. Не понял...

– Фёдорыч. Ты же говорил, будто хозяин здешний из староверов?

Беляков отвлёкся от растопленной, несмотря на летнее время, печки, в которой грелась здоровенная кочерга:

– Так оне же прячут образа каждый раз.

– Зачем?

– А чтоб никакой поганый им не помолился.

– Поганый? Язычники, что ли?

– Не-а... Сам-то Сеганя воздыханского толку будет, а приказчики у него кто из обливанцев, кто из молокан, которые федосеева согласия. Говорят, даже хлысты есть.

– Содом с Гоморрой, блин...

– Надо поспрашивать, может, и такие найдутся.

Слышится невнятное мычание, в котором мало чего человеческого – привязанный к стулу тощий мужик с редкими усиками и скуластым лицом монгольского вида даже сквозь кляп умудряется изрыгать проклятия. Ну вылитый половецкий хан из оперы «Князь Игорь».

– Это и есть тот самый Сеганя?

Документ 14

«Проект русско-французской экспедиции в Индию. 1800 г.

Цель экспедиции – изгнать англичан безвозвратно из Индостана; освободить эти прекрасные и богатые страны от британского ига; открыть новые пути промышленности и торговли просвещенных европейских наций, в особенности Франции: такова цель экспедиции, достойной покрыть бессмертную славою первый год девятнадцатого столетия и главы тех правительств, которыми задумано это полезное и славное предприятие.

Какие державы должны принять в ней участие:

Французская республика и император российский – для отправления на берега Инда соединенной армии из 70 т. человек.

Император германский – для пропуска французских войск чрез свои владения и для облегчения им способов к плаванию вниз по Дунаю до его устьев в Черном море.

Сбор в Астрахани 35 т. рус. армии и отправление ее до Астрабада. Как только проект экспедиции будет окончательно решен, Павел I даст повеление для сбора в Астрахани 35 т. армии, в том числе 25 т. регулярного войска всякого рода оружия и 10 т. казаков. Этот корпус армии немедленно отправится на судах по Каспийскому морю в Астрабад, чтобы ожидать здесь прибытия французских войск. В Астрабаде будет главная квартира союзных армий; здесь будут устроены военные и провиантские магазины; он сделается средоточием сообщений между Индостаном, Францией и Россиею.

Маршрут французской армии при ее следовании от берегов Дуная на берега Инда:

От рейнской армии будет отделен 35 т. корпус всякого рода оружия. Эти войска на барках поплывут по Дунаю и спустятся на барках по этой реке до ее устьев в Черном море. Достигнув Черного моря, войска пересядут на транспортные суда, доставленные Россиею, переплывут Черное и Азовское моря высадятся в Таганроге. Затем этот корпус армии правым берегом Дона последует до казацкого города Пятиизбянки. Достигнув этого пункта, армия переправится через Дон и сухим путем направится к городу Царицыну, построенному на правом берегу Волги. Отсюда армия вниз по реке отправится в Астрахань. Здесь войска, пересев на торговые суда, переплывут во всю длину Каспийское море и высадятся в Астрабаде, приморском городе Персии. Тогда, по соединении французов с русскими, союзная армия двинется в поход; пройдет города: Герат, Ферах, Кандагар и вскоре достигнет правого берега Инда.

Продолжительность похода французской армии:

На плавание вниз по Дунаю до его устьев в Черном море – 20 дней.

От устьев Дуная до Таганрога – 16.

От Таганрога до Пятиизбянки – 20.

От Пятиизбянки до Царицына – 4.

От Царицына до Астрахани – 5.

От Астрахани до Астрабада – 10.

От Астрабада до берегов Инда – 45.

Всего же – 120 дней.

Итак, на поход от берегов Дуная до берегов Инда французская армия употребит четыре месяца; но во избежание всякого усиления маршей предполагается, что поход продлится пол-

ных пять месяцев: таким образом, если армия выступит в начале мая 1801 г. (по старому стилю), то должна прибыть к месту своего назначения в конце сентября. Следует обратить внимание на то, что половина пути будет совершена водою, а другая – сухим путем.

Средства исполнения:

При плавании по Дунаю французская армия повезет за собою полевые орудия с зарядными ящиками. Ей не будет надобности ни в каких лагерных принадлежностях. Кавалерия тяжелая и легкая и артиллерия не должны брать с собою лошадей; на барки грузить только: седла, сбруи, вьюки, постромки, поводья, вожжи и проч., и проч. Этому корпусу запастись сухарями на месяц. Комиссары, опережая армию, будут готовить и распределять этапы, где в том будет надобность. Достигнув устья Дуная, армия переседет на транспортные суда, высланные из России и снабженные провиантом на время от пятнадцати до двадцати дней. Во время плавания комиссары и офицеры главного штаба отправятся сухим путем и на почтовых, одни – в Таганрог и в Царицын, другие – в Астрахань.

Комиссары, посланные в Таганрог, войдут в соглашения с русскими комиссарами касательно сухопутного маршрута армии от Таганрога до Пятиизбянки, приготовления этапов и отведения квартир, наконец, набора лошадей и подвод для перевозки артиллерии и багажа армии. Эти же комиссары уговорятся с отправленными в Царицын о пригонке судов, необходимых для переправы через Дон, который в этом месте немногим шире Сены в Париже.

Комиссары в Царицыне должны озаботиться заблаговременно:

1) О соединении на трех или четырех пунктах, между Волгою и Доном, всех лагерных принадлежностей и провианта, потребного армии во время ее похода.

2) О пригонке к Царицыну достаточного количества судов для переправы французской армии вниз по Волге до Астрахани.

Комиссары, отправленные в Астрахань, будут держать наготове корабли для перевозки армии, нагруженные провиантом на пятнадцать дней.

При отплытии французской армии в Астрабад она должна быть снабжена нижеследующими припасами, собранными и заготовленными комиссарами обоих правительств:

1) Всякого рода амуницією, артиллерийскими снарядами и орудиями. Амуниция и орудия могут быть доставлены из арсеналов: Астраханского, Казанского и Саратовского, изобильно снабженных.

2) Упряжными лошадьми для перевозки артиллерии и амуниции соединенной армии.

3) Фурами, и телегами, и лошадьми для перевозки багажа, понтонов и т. п.

4) Верховыми лошадьми для французской кавалерии, тяжелой и легкой. Лошади могут быть закуплены между Доном и Волгою у казаков и калмыков; оне водятся здесь в несметном количестве; наиболее пригодны к службе в местностях, которые будут театром военных действий, и цена этих лошадей умереннее, нежели где-либо в другом месте.

5) Всеми лагерными принадлежностями, необходимыми французской армии в походе на берега Инда и далее.

6) Складами сукон, полотен, мундиров, шляп, киверов, касок, перчаток, чулок, сапогов, башмаков и проч., и проч. Все эти предметы должны в изобилии находиться в России, где на них и цены дешевле, нежели в прочих европейских государствах. Французское правительство о их постановке может снести с директорами колонии Сарепта в шести милях от Царицына, на правом берегу Волги. Главное управление этой колонии Евангелистов, сlyingшей богатейшею, промышленнейшею и самую исправною по всякие заказы, находится в Саксонии; оттуда следует получить приказание, чтобы колония Сарепта взялась за подряды.

7) Аптекою, снабженною всякого рода медикаментами. Она может быть доставлена тою же колониею Сарепта, где с давних времен существует аптека, которая разнообразием и добротой лекарств соперничает с императорскою московскою аптекою.

8) Запасами: рису, гороху, муки, круп, солонины, масла, вин, водок и проч.

9) Стадами быков и овец. Горох, мука, крупа, солонина и масло будут доставлены, прочие предметы в изобилии находятся в Персии.

10) Складами фуража, ячменя и овса. Овес можно получить в Астрахани; фураж и ячмень – в губернии.

Маршрут союзной армии от Астрабада до берегов Инда, мероприятия для верного успеха экспедиции:

До отплытия русских в Астрабад, комиссары союзных правительств будут отправлены ко всем ханам и мелким властителям стран, чрез которых армия будет следовать, для внушения им:

“Что армия двух народов, во всей вселенной могущественнейших, должна пройти через их владения, шествуя в Индию; что единственная цель похода – изгнать из Индии англичан, поработивших эти прекрасные страны, некогда столь знаменитая, могучая, богатая произведениями – естественными и промышленными, чтобы оне привлекали к себе все народы земли для причастия к деяниям и всякого рода щедротам, которыми небу угодно было оделить эти страны; что ужасное состояние угнетения, злосчастия и рабства, в котором ныне стеноют народы этих стран, внушило Франции и России живейшее к ним участие; что вследствие этого оба правительства решили соединить свои силы, чтобы освободить Индию от тиранического и варварского ига англичан; что князья и народы всех стран, чрез которых пройдет союзная армия, не должны нисколько ее опасаться; напротив, им предлагают, чтобы они всеми своими средствами способствовали успеху этого полезного и славного предприятия; что этот поход на столько же справедлив по своей цели, на сколько был несправедлив поход Александра, желавшего завоевать весь мир; что союзная армия не будет взимать контрибуций, будет все закупать по обоюдному соглашению и платить чистыми деньгами за все предметы, для существования ее необходимые; что в этом случае будет поддерживать ее строжайшая дисциплина, что вероисповедание, законы, обычаи, нравы, собственность, женщины будут повсюду уважены, пощажены и проч., и проч.”

При подобной прокламации, при честных, откровенных и прямодушных действиях, несомненно, что ханы и прочие мелкие князьки безпрепятственно пропустят армию чрез свои владения; впрочем, при их разладе между собою, они слишком слабы, чтобы оказать мало-мальски значительное сопротивление. Французских и русских комиссаров будут сопровождать искусные инженеры, которые сделают топографическую съемку стран, чрез которых союзная армия будет следовать; они отметят на своих картах: места для привалов; реки, через которые придется переправляться; города, мимо которых должны будут проходить войска; пункты, где обоз, артиллерия и амуниция могут встретить какая-либо препятствия, причем обозначать средства к преодолению этих препятствий. Комиссары поведут переговоры с ханами, князьками и частными владельцами о доставке припасов, телег, кибиток и проч., будут подписывать условия, спрашивать и получать залогов.

По прибытии первой французской дивизии в Астрабад, первая русская дивизия тронется в поход; прочие дивизии союзной армии последуют одна за другою, на дистанции друг от друга от пяти до шести лье; сообщение между ними будет поддерживаемо малыми отрядами казаков.

Авангард будет состоять из корпуса казаков от четырех до пяти тысяч человек, смешанного с легкою регулярно кавалериею; за ним непосредственно следуют понтоны; этот авангард, наводя мосты через реки, будет защищать их от нападений неприятеля и охранять армию на случай измены или иной неожиданности.

Французское правительство передаст главнокомандующему оружие Версальских фабрик, как то: ружья, карабины, пистолеты, сабли и проч.; вазы и прочия фарфоровые изделия Севрской мануфактуры; карманные и стенные часы искуснейших парижских мастеров, прекрасные зеркала; превосходные французские сукна разных цветов: багряного, алаго, зеленого и синяго цветов, особенно любимых азиатами, особенно персиянами; бархаты; золотые и

серебряные парчи; галуны и шелковые лионские материи; Гобеленовские обои проч., и проч. Все эти предметы, кстати и у места подаренные владельцам этих стран с ласкою и любезностью, столь свойственными французам, дадут этим народам высокое понятие о щедрости, промышленности и могуществе народа французского, а впоследствии и будут важной отраслью торговли.

Общество избранных ученых и художников должно принять участие в этой славной экспедиции. Правительство поручит им съемку карт и планов местностей, чрез которые будет проходить союзная армия; оно же снабдит их записками и особенно уважаемыми сочинениями, сих стран касающимися. Весьма полезны будут аэронавты (воздухоплаватели) и пиротехники (делатели фейерверков).

Для внушения этим народам самого высокого понятия о Франции и России, условлено будет до выступления армии и главной квартиры из Астрабада, дать в этом городе несколько блестящих праздников с военными эволюциями, подобных праздникам, которыми в Париже чествуют великия события и достопамятные эпохи. Приведа все в вышеупомянутый порядок, нельзя будет сомневаться в успехе предприятия; но главным образом он будет зависеть от смелости, усердия, храбрости и верности начальников, которым оба правительства доверят исполнение проекта.

Тотчас, по прибытии союзной армии на берега Инда, должны начаться и военные действия. Следует обратить внимание, что из европейских мест – в Индии и Персии – особенно обращаются и ценятся: венецианские цехины, голландские червонцы, венгерские дукаты, русские империалы и рубли.

(Заметки на некоторые статьи этого проекта, кажется, самым первым консулом Бонапартом заявлены были следующие):

Замечания Бонапарта.

- 1) Есть ли достаточно судов для перевозки 35 т. армии по Дунаю до его устья?
- 2) Султан не согласится пропустить вниз по Дунаю французскую армию и воспротивится отплытию ее из которого-либо порта, находящегося в зависимости от империи оттоманской.
- 3) Довольно ли судов и кораблей на Черном море для переправы армии и достаточным ли их количеством может располагать русский император?
- 4) Корпус, по выходе из Дуная в море, не подвергнется ли опасности быть потревоженным или рассеянным английскою эскадрою адмирала Кейта, который, при первой вести об этой экспедиции, сквозь Дарданеллы выступит в Черное море, чтобы преградить путь французской армии и истребить ее?

5) Когда союзная армия в полном составе соберется в Астрабаде, каким образом она проникнет в Индию, сквозь страны почти дикия, бесплодные, свершая поход в триста лье от Астрабада до пределов Индостана?

Возражения императора Павла I:

- 1) Я думаю, что потребное число судов собрать будет легко; в противном случае армия высадится в Браилове – порте на Дунае, в княжестве Валахии и в Галаце – другом порте, на той же реке, в княжестве Молдавии; тогда французская армия переправится на кораблях, снаряженных и присланных Россиею, и будет продолжать свой путь.
- 2) Павел I принудит Порту делать все то, что ему угодно; его громадные силы заставят Диван уважать его волю.
- 3) Русский император легко может собрать в своих черноморских портах свыше 300 кораблей и судов всяких величин; известно всему свету возрастание русского торгового флота на Черном море.
- 4) Если г. Кейту угодно будет пройти сквозь Дарданеллы и турки тому не воспротивятся, этому воспротивится Павел I; для этого у него есть средства действительнее, нежели думают.

5) Эти страны ни дики, ни бесплодны; дорога открыта и просторна давно; караваны проходят обыкновенно в тридцать пять сорок дней от берегов Инда до Астрабада. Почва, подобно Аравии и Ливии, не покрыта сыпучими песками; реки орошают ее почти на каждом шагу; в кормовых травах недостатка нет; рис произрастает в изобилии и составляет главную пищу жителей; быки, овцы, дичина водятся во множестве; плоды разнообразны и отменны. Единственное разумное замечание: долгота пути, но и это не должно служить поводом к отвержению проекта.

Французская и русская армии жаждут славы; они храбры, терпеливы, неутомимы; их мужество, постоянство и благоразумие военачальников победят какая бы то ни было препятствия. В подтверждение можно привести историческое событие. В 1739 и 1740 годах Надир-шах, или Тахмас-кули-хан, выступил из Дегли с многочисленной армией в поход на Персию и на берега Каспийского моря. Путь его был чрез Кандагар, Ферах, Герат, Мешеход на Астрабад. Все эти города были значительные; хотя они ныне и утратили прежний свой блеск, но все же еще сохраняют большую его часть. То, что сделала армия истинно азиатская (этим все сказано) в 1739–1740 годах, можно ли сомневаться, чтобы армия французов и русских не могла ныне того совершить!

Названные города будут служить главными пунктами сообщения между Индостаном, Россиею и Франциею; для этого необходимо учредить военные почты, назначив к тому казаков, как людей, наиболее способных к подобному роду службы»².

² Орфография реального документа по возможности сохранена (*Прим. авт.*).

Глава 14

От рук пахнет рыбой, даже мыло со щёткой не помогают. Вчера не утерпел и сам потрошил этих чёртовых осетров. Но за тяжёлый труд и вознаграждён был воистину по-царски: двумя пудами золотого песка. Интересный способ контрабанды... В двухметровую рыбину помещается не меньше пяти фунтов (больше нельзя, чтоб изменение веса не вызвало подозрений), туши обкладываются льдом, пересыпаются опилками от слишком быстрого таяния и перевозятся куда угодно. На этот раз было угодно привезти сюда, к Сегане Уксусу. А уж потом золотишко расходуется или в Керженские скиты в качестве неприкосновенного запаса, или в Москву на Рогожскую, где пускается в оборот. Ну, этих-то оставим на чёрный день, сделав соответствующие пометки в личном деле, чай не на гульбу с бабами тратятся – крепят промышленность, сами того не сознавая. Вот только питающий ручеек финансовый перекрою... ага, вместе с доступом кислорода. И в любой момент сдую пыль с архивных папок.

А картина, открывшаяся после допроса покойного ныне Уксуса, оказалась до изумления простой и гнусной. Да, так оно и было... Грабят меня всякие проходимцы, причём стало это дело настолько привычным, что просто не понимают сути предъявленных претензий. Ну да Господь им судья!

Вместе с признаниями мне в наследство досталась карта, составленная совместными усилиями допрашивающих и допрашиваемого. Картограф, конечно, из него никудышный, только капитан уверил, что непременно сличит полученные сведения с показаниями других подозреваемых.

– А они есть? – усомнился я тогда.

– Всенепременно! – Ермолов предъявил список на двух листах. – Разрешите начать аресты?

– Справишься без лишнего шума?

– Не извольте беспокоиться, государь!

Вот что мне нравится в этом времени, так это отсутствие у офицеров некоторого предубеждения против тайного сыска и прочих секретных служб. Не знаю, как в просвещённых Европах, но наша молодёжь воспитывается на положительных примерах Григория Скуратова-Бельского, Фёдора Ромодановского, Андрея Ушакова и прочих достойных всяческой похвалы и подражания людей. Вот чуть позже, в виденном будущем... Нет, это будущее было прошлым, и я читал о нём в книгах... Тьфу, сам запутался... Ага, вот... Охамевшие от скуки и безделья благородные ублюдки ввели моду на фронт в отношении любых мер по поддержанию внутреннего порядка в государстве, и не подать руки жандарму стало делом столь естественным... ур-р-р-оды!

Это не как бывший капитан НКВД говорю, а как император. Хотя, как ни удивительно, и та и другая точки зрения совпадают. Единственное различие – в императорской шкуре я значительно добрее. Возможно, спросит кто-нибудь, мол, а как же умерший при допросе контрабандист, как он согласуется с царским достоинством и моральным обликом большевика? Легко всё согласуется. Особенно если учесть то обстоятельство, что допрашиваемый начал делиться знаниями задолго до приведения кочерги в нужную кондицию. И помер, бедолага, от задушившей его грудной жабы. Они ведь такие коварные, эти грудные жабы. Но порассказать успел, да...

Схема золотого промысла была проще телячьего мычания, но, подобно всему простому, почти гениальна. Драгоценный металл добывали на Южном Урале силами нескольких раскольничьих артелей, организованных из несостоятельных должников, пребывающих в натуральном рабстве. Какое там к чёрту крепостное право? Оно, в сравнении с жизнью старателей, казалось пребыванием в краю молочных рек с кисельными берегами. Какова дальнейшая судьба

импровизированных каторжников, мы так и не узнали. Сначала расспрашивали о более важных вещах, а потом стало не у кого. Но подозреваю, их кости долго ещё будут попадаться в лотки золотоискателей.

В конце каждого сезона добычу сплавляли по Уралу на каспийские рыбные промыслы, а уже оттуда, снарядив осетров, мелкими партиями развозили по надёжным посредникам. Наш – как раз из таких.

Осторожный стук в дверь прервал размышления. Следом появился Беляков:

– Ваше Императорское Величество, лодка готова.

– Спасибо, Фёдорыч, сейчас иду.

Да, мы возвращаемся. Пока – в Подновье, а там видно будет. Возвращаемся... Зачем вообще приезжал на ярмарку? Может, вело какое-то предчувствие? Ладно, не будем забивать голову – получилось, что получилось.

По приезду пришлось пережить целую бурю. Никогда бы не подумал, что обычно сдержанная в эмоциях императрица способна ругаться. Больше всего досталось Аракчееву, разрабатывавшему операцию прикрытия и самолично её осуществлявшему, и Александру Фёдоровичу как главному злодею, похитившему государя и отправившемуся с ним в подозрительный загул. Если верить Марии Фёдоровне, то купцу грозило четвертование, повешение, расстрел, пострижение в монахи, ссылка в Сибирь и после всех процедур – отправка в штрафной батальон.

– Душа моя, – я взял разгневанную супругу за локоток нежно, но в готовности применить более жёсткий захват, – не уподобляйся флюсу.

– Это как? – Императрица сделала слабую попытку вырваться.

– Он слишком односторонен. И не нужно воспринимать всё буквально – слухи о наших с Фёдорычем похождениях по... хм... да... абсолютно беспочвенны, но, тем не менее, должны распространяться беспрепятственно. Это дело политическое.

– Ходить по бабам – политика?

– Да не было их, сколько раз повторять! Вот посмотри сама. – Я махнул в сторону лежащего на столе кожаного мешочка. – Какие нужны ещё доказательства?

Ну как ещё объяснить ревлившей женщине, что муж занимался важными государственными делами, а не тем, о чём она думает? Вообще странное что-то с ней происходит – раньше сквозь пальцы смотрела на кружащих вокруг меня вертихвосток, а теперь сцены... Или то, что позволительно венценосному безумцу, совершенно неприемлемо для нормального императора? Да, скорее всего так оно и есть. Забрезжившая впереди надежда остаться в истории не женой придурка на троне, а императрицей и верной помощницей великого государя настолько повлияла на характер, что сам диву даюсь.

– Что это, Павел? – Мария Фёдоровна осторожно освободилась из моих рук и попыталась приподнять мешок.

– Это золото, душа моя. То самое золото, которое купец третьей гильдии Александр Фёдорович Беляков в пример другим пожертвует на русскую армию. А немного погода и на флот. Столько же.

Императрица присела на лавку и вздохнула:

– Умнее ничего не мог придумать?

– Чем же нехорошо?

– Да как сказать... Тебе Фёдорыча не жалко? Ты же ставишь крест на его репутации, большой-большой крест. Или считаешь, у каждого небогатого купчика под печкой хранится горшок с золотым песком? Где он его взял? Кого ограбил? Почему скрывал и не пускал в оборот, если нажито честным трудом?

– А если в наследство досталось?

– От бабушки? – Мария Фёдоровна постучала согнутым пальцем по лбу. – А бабушка была шемаханской царицей?

Хм... вот об этом я как-то не подумал. Вроде золото, оно и есть золото, зачем кому-то объяснять его происхождение?

– Вижу, ты меня так и не понял?

– А должен был? Ладно-ладно, не сердись, признаю свою ошибку. Есть другие предложения?

– Что? – Императрица переспросила с таким удивлением, будто это не я ей что-то сказал, а внезапно заговорил резной ореховый комод. – Повтори...

– Про предложения?

– Нет, про признание ошибок. Павел, это точно ты? Никогда раньше...

Делаю шаг и кладу руки на плечи. Сквозь тонкий шёлк чувствуется лёгкая дрожь. Напугалась? Заглядываю в глаза, потом тихонько касаюсь лба губами.

– Я умер несколько месяцев назад. Но живой... и как все живые люди, меняюсь. Кто со временем становится хуже, а мне... а мне в ту сторону уже некуда. Вот и приходится изменяться к лучшему.

– Уговорил. – Она прячет лицо на моей груди. – Тот Павел умер...

– И Бог с ним.

– Да. Но новый Павел не должен повторять ошибки и глупости старого. Позови-ка сюда Аракчеева. И Белякова тоже.

– Но...

Бац! Сильный шлепок по шаловливым рукам.

– Сначала дело, всё остальное успеется.

Разговор получился хороший. Вопреки опасениям, императрица начала его не с угроз и разносов, а с предложения своей помощи в легализации неожиданно привалившего богатства. Два пуда, честно сказать, не великие деньги в государственных масштабах, но мы надеялись по мере раскручивания преступной цепочки значительно его приумножить. И, конечно же, наладить промышленную золотодобычу на разведанных месторождениях. А то эти хищники неумелой разработкой половину благородного металла в отвалах оставят. Много ли намоешь в обычном деревянном лотке?

– У вас, любезнейший Александр Фёдорович, татар в роду нет? – Мария Фёдоровна вопросительно посмотрела на потеющего от осознания важности и секретности обсуждаемых вопросов Белякова.

– Не ведаю, матушка-государыня. Литвины полоцкие были, а вот татары...

– Надо вспомнить.

– Зачем?

– А затем! Одно дело, когда у захудалого купчика, извини, Фёдорыч, но это так... И совсем другое, когда потомок Чингисхана объявляет о передаче наследства, накопленного поколениями предков, на пользу Отечества.

Вот тут я бы с императрицей поспорил. Но не буду.

– Значит, дорогая моя, ты предлагаешь... хм... но каким образом?

Аракчеев, до этого момента молча копошившийся в папке с бумагами, поднял голову:

– Ваше Императорское Величество, существует указ о сохранении титулов, имевшихся до присоединения земель к Российской империи. Почему бы не объявить господина Белякова...

– Царём? – Я довольно невежливо перебил военного министра. – Или вообще «потрясателем вселенной»?

Сам Александр Фёдорович, пока решалась его судьба, скромно старался стать как можно незаметнее. Сразу было видно, что грядущее возвышение купца несколько не радует. Напро-

тив, по выступившим на бледном лице бисеринкам пота можно судить о внутренней борьбе между ужасом и паникой. Первый побеждал с большим преимуществом.

– Ну зачем сразу царём? – возразил Аракчеев. – Монголия, как известно, пока не входит в число российских губерний, поэтому можно записать с понижением в чине. Простите, в титуле. До княжеского, например.

А что, неплохо придумано. Причём на фоне прошлых моих указов новый явится образцом благоразумия и продуманности. Объявим Белякова наследником Темучина, завещавшего прямому потомку золотые месторождения Южного Урала и Сибири, без разделения оных на Западную и Восточную. А завещание... а завещание пусть Ростопчин придумывает, у него голова большая.

– Фёдорыч!

– Да, Ваше Императорское Величество?

– Поздравляю князем! Цимлянского сюда!

Купец не успел ничего сказать в ответ – только встал с лавки, как оконное стекло осыпалось со звоном, и влетевшая с улицы пуля ударила его в грудь. Грохот выстрела, почти полностью заглушённый визгом испуганной императрицы, не сразу воспринялся мозгом. Второй подарок сбил с подоконника цветочный горшок, разбросав по комнате землю и ошмётки безвинно загубленного помидорного куста. И с опозданием до меня дошла суть происходящего: нас убивают. Не конкретно императора Павла Петровича Романова, а вообще всех, потому что сквозь мутноватое стекло вряд ли разглядишь, кто попался на мушку.

– Слезай! – Я безуспешно пытаюсь спихнуть Аракчеева, прикрывшего мою августейшую особу собственным телом. Похвально, но граф чуть не вдвое выше ростом и значительно тяжелее, так что попытки выбраться тщетны, а он ещё и сопротивляется.

– Сейчас помогу, государь! – послышался странно знакомый голос, который уже не надеялся более услышать, и военного министра потащило в сторону. – Алексей Андреевич, отпусти Его Величество!

– Фёдорыч? Живой?

– Божьей милостью, государь. – Беляков одной рукой тянул за ногу Аракчеева, а другой, болезненно морщась, потирал грудь. – Не попустила Пресвятая Богородица.

Рванул ворот испорченной рубахи и показал литой медный крест – тяжёлый, толщиной в палец и величиной чуть не в ладонь, вмятый точно посередине сильным ударом. Громко стукнув, упала на пол сплюснутая пуля.

Пуля? Бли-и-ин... Она же из кулибинской винтовки!

На улице началась заполошная стрельба, перемежаемая криками егерей. Их пятеро осталось, остальные отправились на Керженец под командованием капитана Ермолова. Пятеро, а шуму как от целого полка.

Осторожно приподнимаюсь и выглядываю поверх подоконника. Моя охрана лупит куда-то в сторону Волги не хуже пулемётов, выдавая из штуцеров рекордные четыре выстрела в минуту.

– Уходят, твари! Лови!

Не поймали. Злоумышленники сидели в соседском огороде, расположенном напротив дома Белякова, и после покушения сразу же отступили к реке, где ждала лодка. Небольшой заминки егерей оказалось достаточно, чтобы отойти на безопасное расстояние, а в лесах на другом берегу можно не бояться преследования, там тумены Батыя во времена оны бесследно исчезали. Ушли, сволочи.

Императрица успокоилась (или сделала вид) и теперь скрывалась в комнате, занимаемой Николаем. Стесняется проявленной трусости? Напрасно! Пуля, она ведь не мышь и не лягушка, её бояться не зазорно. В разумных пределах, конечно. Белякова унесли на руках – крест хоть и сохранил жизнь, но не смог сберечь здоровье. В запарке и азарте Александр Фёдо-

рович чувствовал себя нормально, но едва миновала угроза, как силы оставили купца. И кровью начал харкать. Плохо, но будем надеяться на лучшее.

Я всё подбрасывал в руке сплюснутый свинцовый комок, ломая голову в попытке разрешить загадку: откуда? Как у злоумышленников могла оказаться кулибинская винтовка, если их делают столь малыми количествами, что уйти на сторону просто не могут? Подозревать в предательстве самого Ивана Петровича глупо: мало того что не склонен к оному, так и сам прибьёт любого предложившего. Слишком увлечён работой и изобретениями, а я – единственный, кто может помочь претворить химерические прожекты в жизнь. Нет, Кулибин отпадает. Тогда кто?

Новое оружие есть у Красной гвардии, не так давно образованной из остатков первого штрафного батальона. Они? Бред, в живых там остались самые молодые из бывших заговорщиков, не обременённые деньгами и поместьями, и нынешнее изменение положения пошло им только на пользу. Вместо непостоянных, зависящих от урожая поступлений от деревенек с тремя десятками душ получать стабильное жалованье... И семьи, вдруг ставшие из захудалых дворян с сомнительным будущим, семьями прославленных героев. Дорогого стоит. Но даже если и остались среди красногвардейцев недовольные, то недрёманное око отца Николая никуда не делось. И Тучков не даст времени на обзаведение дурными мыслями.

Бенкендорф с его дивизией? Ещё смешнее. Уж кто-кто, но не Александр Христофорович, рассчитывающий к тридцати годам стать генерал-лейтенантом. Буду жив – станет. И он сие прекрасно понимает.

Аракчеев молчит. Лишь звенит графин о край стакана – военный министр не может сдерживать лёгкую дрожь в руках, разливая коньяк. Это не трусость его, это уходит напряжение, тут же заменяемое ещё большим. Алексей Андреевич осознаёт, что в случае моей смерти ему не простят ничего. Ни арестов, ни резкого карьерного возвышения, ни близости к императорской особе и поддержки всех начинаний.

Чёрт побери, неужели всё держится на тонкой ниточке, оборви которую, и... Или не будет этого самого «и»? Что успел сделать хорошего за прошедшие со времени неудачного покушения месяцы? Ни-чего! Нечему пока рушиться. Бесформенная масса зависла на краю пропасти, и вроде далеко, и вроде и не край вовсе... я лишь упёрся плечом, не давая катиться. Хотят помешать сделать шаг вперёд, отодвигая страну от зияющей бездны? Хрен! Всем! Назло, наперекор... Жилы порву, а выдержу! Дурак? Пусть так, зато упрямый дурак, и упрямства занимать не буду, своего выше головы.

– Пиши указ, граф!

Бум-с! Направившегося за пером и чернильницей Аракчеева сбило с ног распахнувшейся дверью. Возникший в проёме гвардеец стянул похожую на богатырский шлем шапку и судорожным движением размазал по лицу смешанную с потом серую пыль:

– Беда, государь! Англичане со шведами в Петербурге!

Документ 15

Докладной регистр Курмышского городническия правления на июнь 1801 г. О слушании дела «Курмышского чорта»

Материя бумаги: № 71. Маяя. 20. Запрос дворовой девке, Настасьи Сергеевой, коим показала, что в доме вдовы Прасковьи Федоровой Раздьяконовой, в течение сего месяца дней с шесть со двора в стену и в самой избе неизвестно от кого стук и бросание камнями происходило, и 14-го числа маяя вечером, вовремя бытности в доме Раздьяконовой, каким образом упал с потолка кирпич, не видала, но от стука онаго, лежавши на полатах, проснулась, и видала харю с пятаком да рогами.

Резолюция: Как из онаго допроса видно, что дворовая девка Сергеева учинила в кинутии с полатей кирпичом, а также и в разном стуке, запирательстве и сообщников в намерении

причинить зло вдове Раздьяконовой никого не открывает, то к уличению отобранных от показаний посланных от меня полицейских служителей для раскрытия, каким образом происходил стук на дворе и от находящихся, когда брошен был с полатей кирпич во время бытности моей для развеивания, а также и от понятых сторонних людей, которые при мне и уездном стряпчем находились в избе, отобрать показание.

Материя: № 72. Маия. 20. Показание полицейских служителей Свешникова, Лукьянова и Чамалина, коим удостоверяют, что сего месяца 11, 12 и 13-го чисел для присмотру около дому вдовы Раздьяконовой в секретных местах с 8-го до 1-го часу ночи находились и точно стук и бросание камнями слышали, а тако же видели след раздвоенного копыта на крыльце.

Резолюция: Означенное показание полицейских служителей приобщить к делу.

– № 73. Маия. 21. Показание города Курмыша жителей Михаила Полякова с товарищами, всего 12 человек, коим удостоверяют, что по бытности их в доме Прасковьи Раздьяконовой 15-го числа сего месяца с г. городничим и стряпчим, с 8-го до 1-го часу ночи никакого стука и бросания камнями не происходило.

Резол.: Оныя показания приобщить к делу.

– № 74. Маия. 22. Показание мещанина Максима Малюгина, коим показал, что в доме вдовы Прасковьи Раздьяконовой 12, 13 и 14-го чисел бросание камней происходило.

Резол.: Учинить тоже.

– № 75. Маия. 22. Показание вдовы Прасковьи Раздьяконовой, коим удостоверяет, что г. городничему о происходящем в доме ее неизвестно от чего стук, бросание камней, чулок и лаптей, а также и о девке Настасье Сергеевой, что находится в болезни, сказывала.

Резол.: Оное показание приобщить к делу и, сделав особое постановление, сообразя все дело по порядку, отослать в рассмотрение и с подозревающейся девкой в уездный суд, приполнив, буде нужно, от священника Троицкой церкви показание, то бы уездный суд чрез кого следует у чорта истребовал. Самое дело отметить решенным.

Глава 15

Санкт-Петербург. Михайловский замок. 19 августа 1801 г.

Михаил Илларионович пил чай. Замечательно вот так в полдень выпить чаю – крепкого, горячего, с липовым или гречишным мёдом. И махонький походный, на два стакана всего, самовар на столе, принесённый заботливым денщиком. Хорошо! Блюдечко на растопыренных пальцах, кружит влетевшая в раскрытое окошко пчела... Лепота! Так бы сидел и сидел, не обращая внимания на близкую ружейную пальбу, битое стекло под ногами, прикорнувшего на диванчике адъютанта с перевязанной головой, свой собственный, простреленный в нескольких местах мундир. Чаепитие – это святое.

И отдохнуть хочется. Чай не мальчик по улицам-то бегать, подбадривая солдат, раздавая зуботычины оробевшим ополченцам, расстреливая двух английских офицеров, ошибочно полагавших себя попавшими в плен. Не мальчик, да... Годы прожитые тяжким грузом на плечах повисли. Хотя, надо сказать, с некоторых пор будто сил прибавилось: одышка проклятая исчезла, мигрени пропали, да и прочие, довольно многочисленные болячки то ли затаились, то ли вообще трусливо отступили. Жить стало лучше, жить стало веселей.

Только не торопился генерал от инфантерии Кутузов радоваться внезапно появившемуся здоровью, слишком подозрительны оказались его причины. Да какие, в пёсью задницу, познания?! Причина проста и двусмысленностей при толковании не подразумевает: в Михаила Илларионовича вселился бес. Своеобразный, надобно сказать. Пренебрегая прямыми обязанностями по погублению христианской души, враг рода человеческого не предлагал подписать договор кровью, не обещал исполнения любых желаний. Даже златых гор и тех не сулил. Но измывался нечистый так, будто подготавливал заранее к адским мучениям: поднимал каждое утро ни свет ни заря, заставлял обливаться холодной водой по суворовской методе, проводил странные экзерциции, называемые физической зарядкой. И так уже почти половину года.

Пришлось привыкать к постороннему голосу в голове, от которого не спасали ни молитва с постом, ни святая вода с причастием. Упорный бес попался, ничем не пробиваемый. Советы, правда, давал весьма дельные, пусть даже, на взгляд современной военной науки, кажущиеся безумными. Что только стоило предложение тренировать войска в рытье окопов! Это же нелепо и совершенно противоречит здравому смыслу! Ну зачем траншеи в чистом поле, это же не осада крепости?

Спорили долго, причём вселившийся бес грозил Соловками и неведомым особым советованием, и неизвестно, чем бы закончилось противостояние, но поступившие из Петербурга циркуляры подтвердили правоту злого духа. На радостях нечистый потребовал цимлянского, после чего притих на три дня. Ровно до того момента, как пришла новость о нападении английской эскадры на Ревель.

Последующий месяц в воспоминаниях Михаила Илларионовича отсутствовал – он снова осознал себя только в Кенигсберге, куда, оказывается, пришёл с требованиями к прусскому королю немедленно выполнить союзнические обязательства и отправить флот на поимку фашистского прихвостня адмирала Горацио Нельсона. Образовавшийся скандал удалось замять. По слухам, пруссаки до сих пор нервно вздрагивают при упоминании письма с принесёнными извинениями, написанного лично императором Павлом Петровичем.

Тяжелее всего пришлось Кутузову чуть позднее, когда бес услышал о проведённом в столице параде и зажигательной речи государя. Это генерал пережил с трудом и совсем было собрался подать в отставку по причине помрачения ума – нечистый не позволил. И Михаил Илларионович смирился, даже поддался на уговоры, отправившись в столицу испрашивать

высочайшую аудиенцию. Царя не застал. Но скучать не пришлось – в далеко не самое прекрасное утро загрохотали форты Кронштадта, возвещая о визите незваных гостей.

Объединённые морские силы шведов и англичан связали боем Балтийский флот, а по городу ударил высадившийся вне досягаемости русских пушек десант. Неприятельские корабли раз за разом предпринимали бомбардировки, по странному стечению обстоятельств совпадавшие с попытками кронштадтцев отправить помощь гарнизону столицы. Но Петербург держался, несмотря на то что наступавшие шведские полки, слегка разбавленные шотландцами, превосходили защитников численностью более чем в два раза.

Так получилось – пришлось самовольно принять командование и возглавить оборону. Вселившийся бес ликовал и с буквально нечеловеческой энергией выдавал всё новые и новые проекты. Одним из таких предложений было вооружение добровольцев из статского населения и формирование из них ополчения. Оно умирало сейчас где-то на улицах, а генерал с повязкой на глазу пил чай. С трудом сдерживал злые слёзы, пил чай и разговаривал сам с собой.

– Знаешь, Миша... – По молчаливому соглашению Михаил Илларионович не стал изобретать собеседнику новое имя, обойдясь собственным. Тот не возражал. – Мне кажется, Миша, что император отправит меня на плаху...

– За что, товарищ Кутузов?

– Да за всё.

– Ты не прав! По совокупности четвертная железно очистится, но уж никак не вышка! – Слова беса по отдельности казались понятными, но все вместе вкладываться во внятные фразы не желали. – Да шучу я, шучу... Газету с речью императора читал?

– И что же?

– Ну как сказать... Если это тот Павел Петрович, на кого думаю, то не только претензий не предъявит, но даже медаль даст. Две медали.

Кутузов в раздражении отставил в сторону стакан с чаем. Шутник, видите ли, нашёлся.

– Миша, Христом Богом прошу...

– Бога нет! – торжественно заявил голос в голове. – И я, как коммунист и красноармеец...

– Армеец? – удивлённо переспросил Михаил Илларионович. – Военный?

– Бери выше – гвардия!

– Тогда смирна! – От генеральского рыка проснулся и подпрыгнул с дивана ничего не понимающий адъютант, а в ушах отозвался неслышимый щелчок невидимых каблучков. – Вот так-то оно получше. И попробуй у меня слово поперёк сказать!

Прапорщик Акимов, временно прикомандированный к командующему, вытянулся во фронт:

– Я молчу, Ваше Высокопревосходительство.

– Кхе... – смущённо кашлянул генерал. – Это не тебе, это принятие капитуляции от Нельсона репетирую.

Где-то между Петербургом и Копорской губой

– Идут, господин полковник, идут! – Спрыгнувший с дерева гвардеец возбуждённо показывал зрительной трубой в сторону закружившейся вдалеке пыли. – Всё как гонец и обсказывал, только вот...

– Что?

– Там почти одни бабы в колонне. Мужиков мало, зато все на конях.

– Шотландцы, наверное, – хмыкнул Бенкендорф. – Никогда их не видел?

– Дикари какие, что ли?

– Вроде того. – Полковник достал из кармана массивную золотую луковицу – скверную британскую подделку под Жака Дро, и открыл крышку. – Десятиминутная готовность!

– Есть десять минут! – донеслось из отрытых почти у самой дороги окопов.

– Готовы! – Стрелки, засевшие на краю поросшего густым камышом болотца, откликнулись вторыми.

– Денисов, начинаете без команды! Всем остальным ждать сигнала!

Александр Христофорович убрал часы и вытащил маленькое зеркальце, не далее как на прошлой неделе с боем выпрошенное у сестрицы Дарьи Христофоровны. Когда-то эта вещица принадлежала матушке Петра Великого царице Наталье Кирилловне, и расставаться с памятным предметом юная графиня Ливен не желала. Ничего, послужило оно царской красе, теперь послужит защите государства.

Ещё полгода назад прапорщик Семёновского полка флигель-адъютант Его Императорского Величества упал бы в обморок, увидев подобное отражение, но сегодня командир гвардейской дивизии полковник Бенкендорф вполне удовлетворён внешним видом. Разве что чуть-чуть поправить на правой щеке разводы перемешанной с салом сажи? Нет, вроде нормально всё. Накидка, правда, смешно выглядит – блёкло-зелёный плащ с капюшоном испещрён бесформенными заплатками из коричневой, жёлтой и чёрной ткани. Михаил Илларионович называет такие балахоны «осназовскими» и всё сожалеет об оставленном в какой-то землянке трофейном «шмайсере». Впрочем, генерал Кутузов известен своей эксцентричностью и употребляет много непонятных слов.

А сейчас – прятаться самому. В задачу гвардейцев входило не допустить подхода к штурмующему Петербург противнику, и полковник выбил разрешение возглавить лично одну из засад. Карьера карьерой, но делать её исключительно на скользком паркете Александру Христофоровичу не хотелось. стыдно носить ленту через плечо и не сойтись с врагом грудь в грудь, штыки в штыки. Бестолковые стычки на улицах не в счёт, там всё решалось случаем, силой и удачей, теперь же выпал шанс проверить способности к командованию. Момент истины, как любит говорить государь-император.

И вот он настал. Красные мундиры и меховые высокие шапки видны невооружённым глазом, а в зрительную трубу можно разглядеть унылые солдатские рожи. Недовольны? Ну извините, не на воды приехали...

– Быстрее, быстрее... – шептал Бенкендорф, подгоняя неприятельскую колонну. – Что же вы как неживые?

Англичане (шотландцы, точнее сказать, но всё равно англичане) не торопились, осторожничали. Сопровождающий пехоту эскадрон кирасир проверял подозрительные места, и только после этого командир полка отдавал приказ ускорить шаг. Чтобы вновь остановиться, отсылая вперёд разведку. Идиоты, они же провалятся в замаскированные окопы! Или остановятся в виду небольшой рожицы, что открылась сразу за небольшим пригорком?

Хлёсткие пистолетные выстрелы снесли с сёдел двоих направившихся к деревьям кирасир. И следом...

– Руби их, братцы!

Гусары, любимцы дам, поэтов и придворных сплетен... Ну что бы вам не звенеть шпорами на балах, не сочинять пыльные романсы, не стреляться на дуэлях... и не соваться сломя голову под палаши тяжёлой кавалерии.

– Денисов, давай! – Полковник привстал на колено, пытаясь докричаться до окопов.

Поздно... Гусарский полуэскадрон уже смешался в рубке с английскими кирасирами, и начинать сейчас – значит обрекать безумцев на верную гибель. Зачем вы это сделали, братцы, откуда вы взялись? Вот они один за другим падают с коней, не в силах прорваться к перестраивающимся из походных колонн в каре горцам. Безумцы... Зачем вы здесь? Зачем вы это сделали?

– Простите, робяты... – Седоусый гвардеец, получив тычок в бок от своего командира, сильно дёрнул уходящий в землю шнур. – Простите...

В гуще неприятельской пехоты расцвели черно-серые цветы на огненных стеблях – взорвались закопанные на дороге фугасы, заполнив пространство визжащей каменной картечью. Время остановилось... и тут же побежало вновь с громадной скоростью. Ещё летели в стороны смятые фигурки в красных мундирах и клетчатых килтах сорок второго полка, ещё полковник Петерстоун с недоумением разглядывал расплывающееся на животе темное пятно, как грохот повторился. Сейчас сработали одноразовые деревянные пушки, какими когда-то пользовался Емелька Пугачёв – выдолбленные дубовые брёвна, стянутые железными обручами. Добровольцы при них не смогли одновременно поджечь запалы, и канонада растянулась на долгую минуту, напоминая сказочного Змея Горыныча, деловито и размеренно собирающего страшную жатву пламенными языками полусотни голов.

Отлетела сеть, укрывающая окопы, и звонкий голос скомандовал:

– Гренадеры пошли!

Ну, пошли – громко сказано. Они никуда не ходили, только привстали и бросили гранаты с дымящимися фитилями. Двухфунтовые чугунные ядра описывали в воздухе дугу и взрывались с небольшой задержкой, позволяя гвардейцам спрятаться в укрытие от разлетающихся осколков.

– Определённо Товий Егорович договор с дьяволом заключил, – пробормотал Бенкендорф, когда свистящий кусок металла выбил из рук зрительную трубу. – Адское зелье.

Сотворённое главным императорским аптекарем господином Ловицем вещество требовало весьма осторожного обращения, иначе существовала возможность подорваться самому, но сегодня такой день, когда осторожность забыта, а благоразумие затаилось где-то в глубине души, стиснутое железной волей. День, в который брошенный на кон последний рубль становится на ребро.

Полковник поднялся, отбросив маскировочную накидку, и взял протянутый ординарцем толстый цилиндр из плотной вощёной бумаги. Направить вверх... дёрнуть за торчащий из доньшка верёвочный хвостик... С шипением ушла в небо красная ракета – оказывается, и от развлекательных игрушек бывает определённая польза.

– Выбирать цели самостоятельно!

Впрочем, мог и не кричать. Во-первых, всё равно не слышно, а во-вторых, все гвардейцы знали свой маневр. Вражеского курьера, направлявшегося от Копорской губы, места высадки десанта, перехватили позавчера, а вчера весь день готовили позиции, подробно обсудив порядок и очерёдность действий. Непонятливых, вроде бы, не оказалось.

Две сотни винтовок, почти всё наличествующее в дивизии количество, ударили в образовавшуюся свалку со всех сторон. Удивительно, но и под губительным огнём противник не думал сдаваться – избиваемый, но ещё грозный полк шотландских горцев огрызался редкими выстрелами, офицеры неоднократно бросали людей в безнадёжные атаки, захлёбывающиеся едва начавшись.

– Ибическа сила, мать их... – Александр Христофорович царапнул рукой по дну опустевшей патронной сумки. – Тимоха, не спи, сучий потрох! Заряды!

Не услышав ответа, оглянулся – денщик лежал, уткнувшись лицом в траву, всё ещё сжимая дымящуюся винтовку. И мухи, безразличные к войне каких-то там людишек, уже примеривались к раздробленному прошедшей навывлет пулей затылку.

– В штыки их, братцы! – Вскочил на ноги совсем молоденький подпоручик. В глазах горело возбуждение азартом боя и читались мечты о героическом захвате в плен вражеского знамени. – В штыки!

– Стоять, бараны! – Полковник рывком преодолел разделявший их десяток шагов и ударом в челюсть сбил юного героя на землю. – Расстреляю уродов!

Поздно! Порыв был подхвачен, и залёгшие в укрытиях гвардейцы поднимались в полный рост, офицеры и солдаты обнажали шпаги... Пошли! Пошли и прекратили стрельбу, позволив

шотландцам зарядить ружья. Отрывистые лающие команды... залп, выбивающий из защитного цвета мундиров яркие алые фонтанчики... Но дотянулись! Бей гадов!

– Болваны! – орал на бегу Бенкендорф.

Он нёсся одним из первых, укоряя себя за то, что не смог удержать людей, за ненужные потери, за отсутствующие на переделанных из штуцеров винтовках штыки... Выстрел в поднимающего ружьё горца. Осечка. Беспольный пистолет летит в чужую, с распахнутым в беззвучном крике ротом морду. Успел упасть на колени – пуля больно дёрнула за волосы – и полоснул шпагой по голым волосатым ногам. Пробегающий мимо гренадёр ткнул шотландца в живот, повернув клинок в ране, кивнул молча и пропал из виду где-то впереди. Александр Христофорович бросился следом, по широкой дуге огибая бьющихся в артиллерийской упряжке лошадей. Перепрыгнул через лежащую на боку пушку с одним колесом... и замер, остановленный вспыхнувшей в голове болью.

Шум казался морским прибоем – так же нахлынет и отступит, слизывая с песка оставленные следы. А сейчас слизал память.

– Их Высокоблагородие очнулись! – загрохотало море и плеснуло в лицо холодной водой, почему-то с запахом болота.

– Вашу мать, – единственное, что смог произнести Бенкендорф, и схватился за голову, не давая ей взорваться от гулко заметавшегося в пустом черепе эха. – Ты кто?

– Старший унтер-офицер Кулькин, Ваше Высокопревосходительство!

– Понятно... А я?

– Вы? Так это... наш командир.

– Давно?

– Дык в аккурат с указа государя-императора о создании дивизии.

– Не про это... – Александр Христофорович болезненно поморщился, пытаясь встать. – Давно валяюсь?

Унтер взглянул на низко висящее солнышко:

– Почти половину дня. Мы уж думали... Шутка ли, зарядный ящик чуть не под ногами рванул.

– Понятно... Офицеров позови.

– Сей момент!

Гвардеец ушёл, чуть приволакивая ногу, и полковник наконец-то смог оглядеться. Лежал он в роскошном шатре, наверняка принадлежавшем ранее неприятельскому командиру. Но сквозь огромную прожжённую дыру в полотняной стенке заглядывало солнышко, доносилось пение птиц, ржание лошадей. Мирная идиллия. И стоны раненых с той стороны, где шатёр остался неповреждённым.

– Разрешите, господин полковник? – Откинулся полог, и первым вошёл тот самый подпоручик, воодушевивший людей на штыковую.

Десять офицеров из четырнадцати, отправившихся из Петербурга. Ур-р-р-оды... Практически все ранены, кто-то чуть стоит на ногах, опираясь на шпагу как на трость.

– Доложите о потерях, господа.

– Они минимальны, господин полковник! – оживился подпоручик, хотя с трудом выговаривал слова из-за распухшей челюсти. – Враг наголову разбит, захвачено знамя и двенадцать пушек! Взято в плен шесть офицеров и более сотни солдат!

Александр Христофорович опять попытался встать самостоятельно, но пришлось попросить:

– Помогите подняться.

Капитан Денисов, переведённый недавно в гвардию из Нижегородского драгунского полка, протянул руку. Левую, потому что правая висела подвязанной к шее.

– Подпоручик! – Бенкендорф заглянул энтузиасту в лицо. – Мне совершенно насрать на вражеские знамёна и вражеских пленных, тем более у ворующих против Отечества нашего разбойников не может быть знамён! Брать же вторых – претит дворянской чести! Вор должен висеть в петле!

– Но как же так? – побледнел офицер.

Контузия контузией, но сил достало на то, чтобы ударом в ухо сбить спрашивающего с ног. Под молчаливое неодобрение остальных Александр Христофорович подошёл, присел на колено и сгрёб подпоручика за грудки:

– Ты думаешь чужими знамёнами солдатские жизни заменить? Сколько наших полегло? Денисов попытался отвлечь командира от жертвы:

– Наши потери составляют двести семнадцать человек убитыми, сорок три человека ранены.

Бенкендорф поднял искажённое злой гримасой лицо:

– И это вы называете викторией?

– У противника убито свыше полутора тысяч...

– Плевать! Это поражение, господа! Это наше поражение. Капитан Денисов!

– Слушаю, господин полковник!

– Знамя утопить в болоте, разбойников повесить. Распорядителем экзекуции назначается рядовой... рядовой... Вот он.

– Закреневский. Но он же подпоручик?

– Я сказал – рядовой! Выполнять!

Документ 16

«Мемуар о работах по математике, который я имел честь передать его царскому величеству

Большой угломер с телескопом, с четырьмя стеклами, в футляре.

Большой уровень с отвесом к телескопу и к диоптрам, самый удобный и самый точный.

Другой большой уровень в стеклянной трубке, в которой находится пузырёк воздуха.

Другой уровень того же фасона, самый маленький из всех, для проведения воды.

Другой двойной уровень, для использования в разнообразных работах.

Большая готовальня, из самых хорошо отделанных и самых необыкновенных.

Два наугольника разных фасонов с полукруглым транспортиром в футляре.

Большая медная буссоль в футляре.

Пантограф, или инструмент для превращения большого в малое и малого в большое и для всех видов чертежей.

Пропорциональный циркуль с подвижной крышкой, деленной на прямые линии и круг.

Циркуль для проведения всякого рода эллипсов и овалов.

Подставка для установки всякого рода инструментов в поле.

Малый письменный прибор, украшенный серебром, самый удобный.

Три трактата об устройстве и принципах пользования математическими инструментами, в шести частях.

Трактат о пользовании глобусами и все то, что есть самого любопытного относительно движения звезд.

Трактат о физических экспериментах.

Трактат об устройстве и использовании астробай.

Куплено царскому величеству математических инструментов на шесть сот на двадцать гулдинов. Афанасей Татищев купил.

Помянутые денги выдал с роспискою и записал: “выдал и записал в день 3 июня”. Канцлер Ростопчин».

Глава 16

– Что ни говори, Матюха, а супротив нашей эта земляца вовсе негодящая выходит! – Старший унтер-офицер Кулькин опёрся на лопату и перевёл дух. – Камни тута одни да песок. А у нас воткни оглоблю, через неделю яблоня вырастет.

– Оно так, – согласился работавший рядом гвардеец. – Да только ведь барская она, не своя...

– Ну ты дурачок, Матвей! – В голосе унтера прозвучала насмешка. – Царские указы не читал?

– Которы?

– Те, что надо, дурень. Не знаю как прочие, но я свои сто десятин выслужил.

– Нешто в отставку пойдёшь, Лексан Юрьич?

– Зачем? Куды же мне без гвардии? Мне без гвардии никак нельзя. Подпишу бумагу на полный пенсион – служить, пока в силе, а там до самой смерти по полсотни рублей в год получать буду. Серебром! А то на офицерски курсы пойду, как их превосходительство советовали. В дивизии таки открывают, говорят и струмент математический государем прислан.

– Не-е-е, а я, как срок выйдет, домой вернусь. Хутор Глинище, может, слышал?

– На берегу Медведицы который? Бывал даже там по молодости. От Царицына-то всего ничего.

– Ага, он и есть. Приеду, значит, весь из себя герой в медалях и, в первую голову, женюсь.

– Дело хорошее. А потом?

– Да не знаю. Если жив останусь, то и придумаю чего. – Солдат кивнул на погибших, для которых они и копали могилы. – Наше дело такое...

– Не бойсь, – подбодрил унтер и ткнул пальцем за спину, где другая команда торопливо забрасывала землёй яму с застрелившимся час назад подпоручиком Закреневским. – Видишь? Нарушил господин офицер слово о сбережении солдат, данное государю-императору, совесть его со свету и сжила. Теперь вот без отпевания, как пса какого...

– Храбрый человек был, – пожалел самоубийцу Матвей.

– Храбрость-то с дуростью не путай! И вообще, хватит базлат, работу заканчивать надобно! А то, вишь, батюшка уже кадило раздувает.

Священника, рекомендованного в дивизию лично отцом Николаем, тем, что из Красной гвардии, уважали. Именно уважали, но не любили за тяжёлую руку и своеобразные епитимии, накладываемые на согрешивших. Положит, бывало, прочесть двести раз «Отче наш», да не просто так, а во время учебной сабельной рубки. Или полтыщи земных поклонов в полном снаряжении, да с набитым песком ранцем. А до места поклонов ещё бежать три версты, а после них по мишеням тридцать патронов выпустить. Изверг, как есть изверг. А сам стоит рядышком, в бородищу ухмыляется. И попробуй слово поперёк сказать – брови нахмурит, старые шрамы на лице кровью нальются... жуть! Лучше не грешить.

Страшная головная боль с постоянными приступами тошноты не выпускала полковника Бенкендорфа из шатра. Он лежал на раскладной походной койке под клетчатым трофейным пледом и прислушивался к доносившимся снаружи звукам. Вот затихло шорканье лопат о землю – гвардейцы закончили копать могилы. М-да, едва ли не четверть состава отряда останется здесь навечно, а если считать гусар, то почти треть. И всё из-за одного мерзавца... с помощью самоубийства сбежавшего от суда и виселицы. Разжалование было только первым шагом к петле. Сбежал. Ах, как благородно: тонкая ранимая душа дворянина не выдержала участия в казни захваченных шотландцев.

– Шапки долой! – послышался голос капитана Денисова.

И тут же глубокий бас отца Дмитрия завёл заупокойную службу. Но что это? Молитва прервалась громким возгласом:

– Срочно позовите Его Превосходительство! Государственное дело!

Какого чёрта, прости Господи? Александр Христофорович растёр лицо руками в надежде, что его цвет хоть немного будет отличаться от зелени мундира, и попытался подняться на ноги. Но тут же коварный потолок поменялся местами с полом, и вбежавшие офицеры обнаружили своего командира лежащим ничком. По счастью, пребывающего в полном сознании.

– Г-г-господин п-п-полковник! – Капитан Денисов совершенно бледен и заикается, что раньше за ним не замечалось. – С-с-срочно т-т-требуется в-в-ваше п-п-присутствие!

– Неужто самого Нельсона поймали?

Офицер шутку не поддержал и отвёл взгляд:

– Х-х-хуже...

Опираясь на плечо неизвестно каким образом оказавшегося тут старшего унтер-офицера Кулькина, Александр Христофорович встал, чуть покачнувшись, удерживая равновесие, и решительно последовал к выходу:

– Показывайте.

Его повели на небольшой пригорок, где у свежевырытой общей могилы лежали тела гусар. Денисов, справившийся с заиканием, мрачно указал на одно из них, выделяющееся грязным, но когда-то белым мундиром среди красных с золотом ментиков и доломанов.

– Вот.

У невысокого, склонного к полноте конногвардейца отсутствовало лицо – жуткая рана от сабельного удара, а поверх неё сплошной пороховой ожог, искаживший черты до неузнаваемости. Но сердце дрогнуло, опознав знакомое...

– Задело взрывом уже после смерти, – заметил капитан.

– Вижу, – глухо ответил Бенкендорф и, опустившись на колени перед телом, поправил у него на груди простреленную в нескольких местах ленту. – Здравствуй, Константин...

– Это точно он?

– Он. – Александр Христофорович перекрестился и закрыл глаза. – Вот это кольцо на руке... его когда-то подарила моя сестра.

– Но зачем?

– Зачем подарила?

– Нет. – Денисов присел рядом. – Зачем он это сделал?

– Видите ли, Сергей Николаевич... – Полковник замолчал, выбирая слова. – Впрочем...

– Понимаю, не моё дело... – Капитан попытался подняться, но был остановлен за руку.

– Не понимаете. Просто он... он тяжело переживал холодность, даже разрыв в отношениях с отцом, случившийся после неудачного покушения. И вот итог. Захотел доказать, что представляет собой не только носителя великокняжеского титула, но и человека, офицера, продолжателя славных отцовских дел.

– Я сочувствую, Александр Христофорович, – негромко произнёс Денисов. – Вы были дружны с детства?

– Почти. После смерти матушки мои сёстры воспитывались под опекой Марии Фёдоровны. Но сочувствие нужно не мне – ей. Какой-то злой рок преследует государя: потерять в течение полугода двух сыновей и старшую дочь... Боюсь, это слишком сильный удар.

Бенкендорф оборвал себя на полуслове, поймав на крамольной мысли: предыдущие потери и испытания лишь улучшили характер Павла Петровича, почти полностью уничтожив скверные черты и усугубив положительные. Что станет в этот раз? Только одному Господу ведомо.

– Прикажите продолжить похороны, Сергей Николаевич, а я здесь побуду. Идите же, капитан!

Целик совпал с мушкой, задержка дыхания, палец выбирает свободный ход спускового крючка... Выстрел! Отдача сильно толкает в плечо, и вниз, на набережной, падает в воду размахивающий шпагой шведский офицер.

– Ты бы поосторожнее, батюшка, – неодобрительно покачал головой Тучков, выпуская пулю точно в грудь вражескому барабанщику.

Отец Николай, пригибаясь, перебежал к другому окну, выстрелил и вжался спиной в простенок. На припорошенном пылью от отбитой штукатурки лице промелькнула улыбка:

– А ты за меня не беспокойся. – Священник заглянул в патронную сумку, висевшую на ремне поверх рясы. – Моя жизнь Господом отмерена, и только Ему ведома. Чем причитать, лучше бы зарядами поделился.

Капитан развёл руками: у самого, мол, кот наплакал.

– Это плохо, – вздохнул батюшка и опять заглянул в сумку. – Совсем плохо.

Бывшие штрафники, а ныне красногвардейцы, держали оборону в доме тайного советника Брюховицкого, не пуская неприятеля к Михайловскому замку, где кроме штаба генерала от инфантерии Кутузова находились малолетние дети императора Павла Петровича. Двадцать четыре винтовки, двадцать четыре шпаги, две тысячи четыреста патронов нового образца... Много или мало?

Наступающие по набережной Фонтанки шведы с тупым северным упрямством выстелили мостовую трупами в три слоя, не считая упавших в реку, но лезли и лезли вперёд под губительным огнём, не считаясь с потерями. Поначалу шли с барабанами и развёрнутым знаменем, даже умудрились притащить две пушки... Они сейчас так и стояли в полном одиночестве, потому что любые попытки артиллеристов подойти к орудиям пресекались безжалостно. А может, и не артиллеристов, по всем предположениям те давно должны были закончиться.

– Отче, ты не знаешь, в какой губернии у нас Сталинград?

– Нет, а что?

– Михайло Илларионович давеча поминал. Героически, говорил, обороняли.

– От кого?

– От немцев.

– Значит, во времена Мономаха или Александра Невского дело было, сейчас такого города вроде нету.

– Скорее всего, – согласился Тучков и резко обернулся, наставив винтовку в сторону скрипнувшей двери.

– Свои! – донеслось оттуда.

– Сергей Викторович? – Капитан опознал голос адъютанта генерала Кутузова.

– Да кто же ещё? – Появившийся с осторожностью прапорщик Акимов с опаской глянул на направленный ствол. – Как вы тут?

– Пока держимся, потерь нет. Патроны привезли?

– И их тоже.

– Ещё что?

– Сейчас заташат.

Поднявшиеся вслед за прапорщиком солдаты, одетые ещё в старое, теперь кажущееся страшно неудобным и смешным обмундирование, поставили на пол несколько покрытых обычной дерюгой корзин. В них что-то знакомо звякнуло, и Тучков заинтересованно протянул руку:

– Очень правильное решение. В глотке пересохло давным-давно.

Красногвардейцы прекратили стрельбу из окон, благо противник откатился назад, и по одному потянулись на возглас командира, оставив двух человек наблюдать за набережной.

– Вынужден вас огорчить, господа. – Акимов мимолётно улыбнулся. – Распитие шампанского откладывается до полной победы.

Переждав разочарованный гул, продолжил:

– Хотя, думаю, Иван Петрович немало посмеётся, узнав, что блистательные гвардейцы приняли его изобретение за пошлый дар виноградной лозы. Берите выше, талант графа Кулибина – дар Божий!

– Что-то вы запутали нас совсем. – Тучков, приподняв дерюгу, с недоумением разглядывал бутылки из тёмного стекла. – А это тогда что?

– Сейчас узнаете. – Прапорщик подождал, пока ещё двое солдат занесут и поставят перед ним большой, окрашенный темно-зелёной краской сундук. Позвенел ключами, снимая висячие замки, и откинул крышку. – Вот она где, смерть Кошечева.

Красногвардейцы, тесня друг друга, заглянули внутрь, почесали в затылках и с недоумением повернулись к Акимову.

– Мортирки... – презрительно скривился Тучков. – Это над ними Иван Петрович колдовал последние три недели?

– Понимали бы чего, – насупился адъютант командующего. – Наука, она, господа, не хрен собачий!

Солдаты, подчиняясь приказу, выраженному небрежным движением указательного пальца, достали из сундука два деревянных ящика с дырками в верхней части, приладили под углом тонкостенные медные трубы, воткнули сбоку кривые железки...

– Готово, ваше благородие!

– Спасибо, орлы! А теперь всем отойти в сторону.

Сергей Викторович с большими предосторожностями опустил в обе трубы извлечённые из корзин бутылки, покрутил железки, оказавшиеся ключами, наподобие таких же в музыкальных шкатулках, и выглянул на улицу поверх подоконника. Отец Николай, единственный, кто не прельстился на таинственный звон, вполголоса спросил:

– На сколько шагов сей курьёз бьёт?

– Не меньше восьмисот. – Небольшая пауза, после которой уже шёпотом. – Но за четыре сотни ручаюсь.

– Неплохо. – Священник показал на шведские пушки. – Видишь?

– Ну?

– Как раз перед ними строй останавливается, чтобы сделать первый залп.

– А потом?

– Потом ещё один, затем идут на приступ. Сейчас восьмой начнётся.

– Не понимаю...

– Чего тут понимать? Справа от шведа – Фонтанка, слева – непроходимые дворы с засевшими за баррикадами ополченцами, а в загравок ингерманландские драгуны да егеря Петра Иваныча Багратиона вцепились. Мы тут самые слабые, потому и бьют в одно место. Во всех остальных – смерть.

– А здесь?

– Тоже она. – Батюшка похлопал по винтовке. – Но они-то об этом не знают, верно?

– Сейчас узнают! – Прислушивающийся к разговору и одновременно наблюдающий за набережной красногвардеец обернулся к командиру. – Господин капитан, идут.

Вслед за возгласом караульного послышался душераздирающий вой – будто невидимый злой великан решил насмерть замучить не менее великанскую кошку.

– Шотландские волынки! – догадался Акимов. – Они здесь откуда?

– Это уже неважно, – отмахнулся Тучков. – Господа красногвардейцы, к нам в гости намереваются пожаловать дамы! Попрошу быть с ними повежливее!

– Мать их... – недовольно проворчал отец Николай. – А у меня, как назло, портянки несвежие.

– Да? – почти натурально удивился капитан. – Господа, вынужден огорчить: по вине нашего батюшки сегодняшний бал переносится на вчера. Извольте сообщить об этом любезным дамам.

– Разрешите мне, Александр Андреевич? – предложил прапорщик.

– Этими вот... хм... астробиями? Ну что же, попробуйте, Сергей Викторович.

Акимов бросился к своим механизмам, чуть подправил их, что-то подкрутил и застыл в ожидании, пока неприятель не пересечёт проведённую мысленно черту. Рядом, держа наготове оружие, замерли красногвардейцы.

– Красиво идут, мерзавцы... – прошептал кто-то. – А мы как крысы подвальные прячемся.

– Дурак, – коротко бросил через плечо прапорщик.

Коротко, потому что боялся сбиться со счёта. Пятьсот шагов... четыреста пятьдесят... четыреста двадцать... четыреста...

– Пошла, родимая!

Первая бутылка, кувыркаясь, полетела в сторону противника. Вторая... Нижние чины бешено крутили заводные рукоятки... Стекланный снаряд сшиб с ног идущего впереди офицера, ударив точно в грудь, и невредимым скатился вниз. Дружный разочарованный выдох... Следующий упал с небольшим недолётом, бросив в шотландцев веер осколков и огненных брызг.

– Греческий огонь? – Отец Николай проследил взглядом за очередной бутылкой, разбившейся о голову вражеского знаменосца.

– Угу. – Прапорщику отвечать некогда, он крутит винты на своих мортирках, поправляя прицел. – Сейчас я их...

– Не стрелять, господа! – Тучков ухватил за руку красногвардейца, поднявшего винтовку. – Они не заслужили милосердия.

– Господь велел прощать, – глубокомысленно заметил батюшка, передавая Акимову стекланный снаряд. – И возлюбить врага своего, яко себя самого.

– Не похоже, отче, чтобы вы следовали этим заветам.

– Это почему же? По утрам, бывает, так себя ненавижу, что... Бей левее, дурень!

– Сейчас! – Прапорщик опять что-то подкрутил, и бутылкомёты выплонули в гущу шотландцев ещё пару подарков. Зарядил снова и... – Ох...

В правой машинке громко щёлкнуло, захрустело, и под деревянным ящиком-основанием расплылась мгновенно вспыхнувшая лужа.

– Бежим! – Отбросивший заводную рукоятку солдат метнулся к двери.

– Стой! – Капитан Тучков встал на пути у беглеца, успокоил кулаком по уху и развернул к уцелевшей мортирке. – А это кто таскать будет? И оставшиеся снаряды не забыть! Оставляем позиции, господа!

...Вид стремительно выбегающих с оружием в руках красногвардейцев подействовал на шотландских стрелков отрезвляюще. Доселе паникующие и бестолково мечущиеся под обстрелом странной жидкостью, которая не гаснет даже в воде, липнет ко всему, а попав на человека, прожигает мясо почти до костей, они обнаружили привычного противника. Пусть метко и безжалостно стреляющего, но до него хоть можно дотянуться штыком. Стоит только поднажать, перешагнуть через кричащих от безумной боли товарищей... и впиться зубами в глотку этим подлым русским трусам, не желающим сойтись в честном бою!

– Ложись! – Тучков сбил с ног замешкавшегося солдата, устанавливающего мортирку.

Тот упал на колени, продолжая крутить заводную ручку, и крикнул Акимову:

– Готово, ваш бродь!

Прапорщик передвигался на четвереньках, волоча за собой корзину с последними снарядами, и молился, надеясь хоть так защитить бутылки от неприятельских пуль. Шотландцы, видимо, потерявшие всех офицеров, лупили вразнобой, благо расстояние уже позволяло. Позволяло стрелять, но, слава Богу, не попадать.

Бамс! Щёлкнула освободившаяся пружина, отправляя смертоносный подарок. Хрясь! Это тоже она, только сломавшаяся...

– Пи... – Сергей Викторович не договорил: случайная пуля разбила посудину в полёте, и вспыхнувшие в воздухе капли густо окропили бросившихся в атаку горцев.

Льющийся с неба огненный дождь нанёс значительно меньший ущерб, чем бухающие то и дело винтовки красногвардейцев, но именно он оказался той чертой, за которую нельзя переступить будучи в здравом уме. Развернувшиеся шотландцы смяли остатки шведского полка, мешающие отступлению. Пусть пришлось пробивать дорогу штыками и прикладами... пусть... Лучше погибнуть под копытами драгунских коней, чем гореть заживо в адском пламени! А выжившие сумеют потребовать ответа у проклятых англичан! За всё! Вперёд, храбрые хайлендеры! Назад? Нет, вперёд! Не к победе, но к жизни!

Капитан Тучков сидел прямо на холодных камнях мостовой и менял в винтовке погнутую ударную иглу, когда опустившийся рядом отец Николай протянул большую кожаную флягу:

– Будешь, Александр Андреевич? Хотя не окончательная, но всё равно победа.

– Давай! – Командир протянул руку. – Это точно не греческий огонь?

– Почти. Да ты попробуй.

Долгий глоток. Наконец, под обеспокоенным взглядом батюшки, Тучков перевёл дыхание и вернул ёмкость.

– Хороша.

– Ну дык...

– Прометею нашему предложи.

– Не хочет. Пока, говорит, пружину не сменит... И ругается сильно – тебя и Кутузова всячески кроет.

– Меня-то за что?

– За астробии.

– Ну погорячился я.

– Ага, а Михайло Илларионович сии мортирки говномётными самоварами обозвал. Катюша, говорит, мощнее бьёт.

– Какая Катюша?

– Представления не имею.

– Чудит генерал.

– Угу, он такой. Ещё будешь?

Документ 17

«Ордер господину генерал-майору Ахтырского гусарского полку шефу и кавалеру Борчугову, № 199. Жительствующий в городе Калуге гвардии прапорщик Петр Демидов в письме ко мне от 8-го сего месяца прописывает оскорбительной для него поступок вашего превосходительства, причинивший страх всем в его доме, а двум его дочерям и опасную болезнь, от испугу происшедшую, когда ваше превосходительство 6-го числа нынешняго месяца, в третьем часу ночи, обще с господином гражданским губернатором и кавалером Лопухиным, со многими вверенного вами полку офицерами, песенниками и гусарами, всего более ста человек, пришед к окнам его дому, все вдруг с барабанным боем, лошками и трещотками произвели необыкновенной и нечаянной на то время шум, упоминая притом, что таковыя ночныя гулянья безпокоущия обывателей и прежде сего нередко чинились, и просит имянно: “о таковом

вашего превосходительства поступке изследовать и дерзновенность сию удержать, а тем совершенно облагодетельствовать не только его, но и всю тамошнюю обиженную вами публику”. Я, не упоминая ныне о всей публике, в разсуждении что жалоба сия приносится одним, предписываю вам: во-первых, увеселениями своими ни в какое время не причинять беспокойствия другим, воздерживая от сего, по долгу вашему, всегда и подчиненных вам, за коих вы, как за себя, ответствуете; а за сим имеете мне точное и обстоятельное, противу вышеписанного, прислать объяснение.

Гр. Ростопчин.

Мая 11 дня, 1801 г., Санкт-Петербург».

Приписка рукой императора Павла Петровича: «Видеть желаю сих безобразников лично всем полком немедля».

Глава 17

Флагманский линейный корабль слегка покачивался на мелководе Финского залива, но даже более сильное волнение не смогло бы помешать двум расположившимся в роскошной каюте джентльменам выпить чаю. Один, правда, боролся с тошнотой от морской болезни и с трудом скрывал эту борьбу, но держался в высшей степени достойно. Английский моряк – это, знаете ли, не профессия, не призвание и даже не состояние души. Английский моряк – особая нация, венец творения Господа, всегда хранящего Англию. Так было, так есть, так будет. God, Save England!

Чаепитию не мешала далёкая канонада, случись она ночью, не будет лучшей колыбельной просоленной ветрами всех морей душе. А если бы Всевышний дал талант композитора, то гул каждого сражения стоило переложить на ноты и потом длинными зимними вечерами слушать их в исполнении камерного квартета. А самому сесть перед камином, укрыть ноги пледом, велеть зажечь свечи, раскурить длинную трубку с янтарным мундштуком и предаться воспоминаниям под херес и тревожный рокот струн. Битвы... музыка... поэзия... Они похожи, недаром лучших в них венчают лавровым венком. Случайно ли?

– Кстати, о хересе! Как вы к нему относитесь, сэр Артур? Точнее сказать, к его вкусу?

– Более чем благосклонно, дорогой сэр Горацио! – откликнулся собеседник, пожилой мужчина с короткой, располагающей к апоплексии шеей и непомерно большим носом на красном лице. – Действия этого *petite sororal* в Испании не нанесли ущерба вашим подвалам?

– Его флот сам с энтузиазмом восполняет мои запасы.

– Весьма благоразумно с их стороны.

– Конечно. Степень благоразумия капитанов купеческих судов напрямую зависит от количества нацеленных на них пушек.

– Кроме...

– Да, вы правы, кроме этих чёртовых русских. Они упрямы, как ослы.

– И опасны, как медведи!

– Я бы не был так пессимистичен и категоричен, сэр Артур. Слава русской армии как противника сильно преувеличена. Да, одержанные в прошлом победы... но над кем? Их противниками были турки да дикие персы!

– Но шведы? Но Пруссия?

– Когда это было? Даже не смешно.

– А французы? Наполеоновы генералы...

– Ах, оставьте! Какие генералы? Возомнившие о себе вчерашние булочки, аптекари и сапожники, ещё недавно не знавшие, с какой стороны заряжается пистолет.

– Может быть, может быть... – с сомнением протянул краснолицый. – Но если русские разучились воевать, то что обозначают наши трёхнедельные эволюции вблизи фортов Кронштадта, обошедшиеся в три фрегата и один линейный корабль? Пусть шведские, но тем не менее... Чьим неумением это можно объяснить?

Первый из собеседников совершенно непочтительно забросил ногу за ногу и подпёр подбородок единственной рукой, поставив локоть на колено. Его лицо, бледное от природы, медленно налилось краской гнева. Впрочем, голос стал спокойнее и бесстрастнее.

– Это объясняется, сэр Артур, скверным командованием сухопутными силами, посланными взять русскую столицу. Именно взять, а не штурмовать, так как те несколько полков, оставшихся в Петербурге, нельзя считать серьёзной силой, способной к сопротивлению. Благоприятнейший момент! Но что же мы видим?

– Вы меня обвиняете?

– Боже правый, конечно же нет! Мы не в парламенте, поэтому я лишь отвечаю на ваш вопрос. Ответьте и вы: где сейчас двенадцать тысяч человек и примерно столько же шведов? Молчите?

– Они сражаются, сэра Горацио!

– Это всё, что знает командующий десантом? Теперь второй вопрос: с кем они сражаются? По нашим сведениям, в городе не более десяти тысяч русских солдат.

– Но...

– Именно, сэра Артур!

Контр-адмирал Артур Филлип достал платок и промокнул пот. Чёрт побери, угораздило же на старости лет получить командование над сухопутными крысами!

– Я немедленно отправляюсь...

– К чему такая спешка? – Нельсон снова излучал радушие и любезность. – Мы же собирались выпить хересу, не правда ли?

Минька Нечихаев считал, что им несказанно повезло сегодня, и из всех изб в Воронино аглицкий генерал выбрал именно его дом. Не совсем его, конечно, но отчим Касьян Нечихай так давно перестал быть чужим, что... Тут в Минькиных знаниях зиял изрядный пробел, потому что родного отца он не помнил, а посему сравнивать было не с кем.

А англичане... Да оне почти как люди, вот ей-богу! Всего лишь из дому переселили в хлев, но самих пальцем не тронули. Даже бабушку Евстолию, которая лет пять с печи не слезала, просто на улицу вынесли и с крыльца бросили. Могли ведь и зарубить, как зарубили соседей – дядьку Ивана с тёткой Матрёной. А эти добрые! Корову только зарезали... жалко. И курей всех поели в один присест.

В хлеву тихо и пусто. Пусто от того, что поросей тоже забрали. А тихо... Перепуганная Дашутка, младшая сестрёнка, против всякого обыкновения не хнычет, только глазёнками забавно хлопает да озирается непонятливо. Третье лето ей ишло, глупая совсем. Самому-то Мишке опосля Троицы в аккурат десять стукнуло, мужик совсем, хотя и худосочный.

– Как же без коровы-то? – Мать перебирала побелевшими пальцами край передника. Вот-вот вззоет дурным бабьим голосом, начнёт причитать так, что лучше бы умереть, но только не слышать.

– Цыц, дурища! – Обычно смирный и неразговорчивый Касьян отвесил жене хорошего леща. – Заткнись! Пойдем-ка, Михайло, потолкуем кое о чём.

Отчим с опаской выглянул из приоткрытой двери, остерегаясь чужих ушей. Хотя англичане человеческих языков не знали, но мало ли чего, бережёного Бог бережёт. Во дворе никого, лишь у избы маяется бездельем свирепого вида часовой с ружьём. У-у-у, иродово отродье!

– А не сходить ли тебе, Миша, за грибами?

– Куда? – удивился парнишка. – Сушь третью седмицу стоит, какие же сейчас грибы?

– А ты на болотце вдоль Змеинового ручья посмотри.

Минька недоверчиво покачал головой и поскрёб в затылке. Вот это да, сколько себя помнил, всегда запрещали туда ходить, а тут сам посылает!

– Боишься?

– Я? – Возмущение захлестнуло парнишку. – Да я, между прочим, уже два раза... ой!

– Бывал, значит? – Не вопрос, скорее утверждение. – Дашку с собой заберёшь. Понял?

– Чего не понять-то? Заберу.

– И это, Миш... – Голос отчима дрогнул. – Удочки с собой ещё захвати, мало ли заночевать придётся, хоть уклеек в Вороньей речке наловишь. Всё не с пустым брюхом.

– Тута всего четыре версты.

– А я сказал: придётся заночевать!

Уходили из деревни огородами – очень уж отчим просил не попадаться солдатам на глаза. Дашка, несмотря на малый возраст, терпеливо перенесла ползание по огуречным гряд-

кам, перелезание через плетень, даже когда в заросли крапивы попали и то не заревела. Не зря Минька показал её сберегаемого с самого Рождества леденцового петушка на палочке и посулил отдать целиком за хорошее поведение.

Прихваченное лукошко, будь оно неладно, мешало ползать и лазать, но там кусок хлеба, две репки и моток леси из конского волоса. И величайшая для каждого мальчишки драгоценность – настоящий железный крючок. Не приведи Господь иноземцам на глаза попасться – обыщут и отберут сразу же. И откуда нехристей привалило? Куда ни глянь, всюду они. И много-много! Сам Минька умел считать только до сотни, но этих сотен тут видимо-невидимо. Пять, а может, и все восемь. Кто-то прямо на костре ворованных поросят жарит, кто-то складывает на телеги связанных по ногам овец, иные просто сидят и гогочут, передавая друг другу большие глиняные кружки. Не иначе у кого-то брагу отняли.

Сразу за огородами нырнули в высокую рожь. Мишка поначалу опасался, вроде как барское то поле, но потом решил, что от барина не убудет, если они немного потопчут, и потянул за собой сестрёнку. Жалко хлеб, а куда деваться, ежели везде красные мундиры?

Едва вышли на другой стороне, как Дашка потребовала обещанное:

– Питуска давай! – Топнула босой пяткой и набрала полную грудь воздуха, готовясь зареветь в случае отказа.

Делать нечего, пришлось доставать из-за пазухи завёрнутую в чистую тряпицу сладость. Развернул, облизал со всех сторон, будто бы проверяя сохранность вкуса, и протянул:

– Держи! Только всего сразу не ешь.

– Пасямю?

– Сладкая будешь слишком – непременно козюля ужалит. Мы же на Змеиный ручей идём, знаешь?

– Да? – Девочка ненадолго задумалась, а потом решительно запихнула лакомство в рот. – Ты бойсой! Ты сех козой убьёшь!

Минька аж поперхнулся от таких слов и не нашёлся чего ответить. Петушка, конечно, очень жалко, но и выглядеть в глазах младшей сестры последним трусом тоже не хотелось. Подумаешь, гадюки! Да он этих гадюк одной левой! Вот только выломать прутик покрепче... и всех...

Мальчишка представил себя богатырём, срубающим Змею Горынычу сразу три головы. Нет, лучше четыре! И хвост заодно! Дашка с восторгом и восхищением смотрела, как прутик со свистом рассекал воздух – вот он сбивает наземь васильковые и ромашковые вражьи полчища, вносит опустошение в репейную орду, а по неприятельскому генералу-чертополоху бьёт с такой силой, что того отбрасывает на несколько шагов. И кажется, будто земля дрожит и пыль клубится вдали – верный конь стучит копытами, спеша на помощь. Ну будет уже врагу потеха!

– Кусна! – Дашка облизала большую деревянную ложку и отложила её в сторону. – Паси бох!

Девчонка ословела после непривычно сытной еды, но всё равно с сожалением проводила взглядом уносимый котелок с недоеденной кашей. Глаза закрывались сами собой... клюнула носом... востепенулась... И тут же завалилась на бок, не в силах бороться с непреодолимым сном. Сидевший рядом пожилой дядька хмыкнул, улыбнулся чему-то своему и переложил ребёнка на сложенную в несколько раз попону.

– Сестра?

– Ага, – ответил Минька, торопливо работая ложкой. – Младшая.

Вопросы вопросами, но съесть нужно всё, что положили, иначе хозяева обидятся и не предложат добавки. Дядька-то вона какой сердитый! Хотя ни разу даже брови не нахмурил, но все остальные к нему и приближаться опасаются. А если подойдут, то непременно вытягиваются и называют Вашим Происхождением. Нерусский, наверное, с таким-то именем и прозвищем. Может татарин? Набравшись храбрости, Мишка решил спросить об этом напрямую.

Дядька смеялся долго, пока торчащие в стороны усы не опустились вниз, намкнув от текущих по щекам слёз. И чего такого смешного нашёл?

– Ты что, малец, никогда гусар не видел?

– Ладно врать-то! – Каша кончилась, поэтому можно говорить начистоту. – Какие же вы гусары? У гусар мундиры в золотых узорах да кивера высокие с бляхами... А у вас?

– А что у нас? – «происходительство» сдвинул на ухо смушковую шапку с алым верхом, перекрещенную голубым шнуром, и стукнул кулаком по колену, обтянутому сукном блёклого зелёного цвета. – А у нас полевая форма Ахтырского полка, высочайше утверждённая самим императором Павлом Петровичем.

– Так ты гусар?

– Бери выше – целый генерал-майор.

– И сабля есть? – Косой быстрый взгляд на ножны. – Пока не покажешь, ни в жисть не поверю!

– Ну и хитрец! – Генерал раскусил немудрёную уловку и, вытащив оружие, протянул рукоятью вперёд. – Держи.

– Навовсе? – ахнул Минька.

– Ну уж нет. Хотя... Иван Дмитриевич!

– Да, Ваше Превосходительство! – Гусар в точно таком же мундире возник буквально из ниоткуда.

– Иван Дмитриевич, – продолжил генерал, – вы не находите, что важные сведения о противнике, доставленные... э-э-э... Как там тебя?

– Нечихаи мы.

– Да! Сведения, доставленные Михаилом Нечихаевым, заслуживают определённой награды?

– Пожалуй, верно! Наградим прямо сейчас?

– Непременно!

У Мишки спёрло дыхание, а мысли лихорадочно заметались в голове. Кабы гривенником пожаловали! Али пятиалтынным. И мамка не так будет по корове убиваться... Может, полтину дадут? Урожай собрать, так и зиму получится протянуть... Рубля бы хватило...

Награда разочаровала: тот, кого генерал назвал Иваном Дмитриевичем, ушёл на минутку, потом вернулся и протянул мальчишке самый настоящий кинжал.

– Вот, владей! С турецкого янычара в бою взят. – Гусар рассмеялся и похлопал Миньку по плечу. Но, взглядевшись в наполнившиеся слезами глаза, забеспокоился: – Али недоволен?

– Всем доволен, барин, спаси ты Хосподи!

– На меня смотри! Почему ревёшь?

– Я не реву.

– Не ври командиру, гусар Нечихаев!

– Я... – Мальчишка хлюпнул носом, изо всех сил сдерживая рыдания. – Барин ножик всё равно отберёт, а у нас англичане корову зарезали...

– Вот оно что! – Генерал переглянулся с Иваном Дмитриевичем. – А не тот ли это случай, господин подполковник?

– Вы имеете в виду государев приказ?

– Именно.

– Почему бы и нет? Гусар Нечихаев!

– А? Чево?

– Не «чево», а «я, Ваше Высокоблагородие!» Понятно?

– Ага. То исть – я!

– В полк пойдёшь на службу?

– Когда, прям сейчас? А надолго?

– На всю жизнь, Миша, на всю жизнь. Корову матери купишь с первого жалованья. Вот завтра и купишь.

– Жалованье?

– И мундир.

– А Дашка?

Подполковник оглянулся на спящую девочку и покачал головой:

– Девиц в гусары не берут.

– Жалко.

– Ну, ты согласен?

– Ага.

– Не ага...

– Ага, Ваше Высокоблагородие!

– Тьфу, да чтоб тебя!

Джон Смит не такое уж редкое имя в старой доброй Англии. Честно сказать, так вообще очень частое – в их роте восемь Смитов, из них пять Джонов. Иногда удавалось исхитриться и жалованье за двоих получить. Тут главное что? Главное – успеть его потратить до того, как ошибку обнаружат и начнут бить. Гады они все ползучие! Ладно бы просто били, а то ещё пожалуются господину капитану... Ох и страшная штука – плётка из бегемотовой кожи.

Часовой поёжился от неприятных воспоминаний и покосился в сторону костра, где его товарищи распивали туземное пиво со смешным названием braga. Они тоже гады. Жрут жареную свинину, веселятся, а ему наверняка оставят только обглоданные кости. Ублюдки!

– Джонни, малышка, лови! – Здоровенная мотолыжка больно стукнулась в поясницу. – Как тебе угощение?

– Засунь это угощение себе в задницу, придурок! – огрызнулся часовой и на всякий случай решил отойти подальше от костра.

Подумаешь, темнота! Зато ветер сносит заманчивые запахи, и у пирующих мерзавцев не будет искушения бросить ещё чем-нибудь. Вот же ослы валлийские! Ну ничего, и без них есть чем утешиться.

В потайном кармане, пришитом предусмотрительным Джоном, приятно булькал настоящий ямайский ром. Собственно, булькал не сам по себе, а залитый в замечательную, украденную у лейтенанта Пемброука фляжку. А эти бараны пусть лакают отвратительное пойло.

– Хорошо-то как... – Часовой улыбнулся и, запрокинув голову, присосался к горлышку.

Он так и умер на пике блаженства, когда испачканные навозом деревянные вилы воткнулись под подбородок. И не успел ничего почувствовать, захлебнувшись смешанной с ромом кровью.

– Куды яво, Касьян? – Метнувшаяся из темноты серая тень подхватила падающего солдата. – Ружьё забирать?

– Ну дык... А этого в канаве притопи.

– Чижолый хряк.

– Митяй, помоги отцу. – Ещё одна тень возникла рядом. – Со страху икаешь? Ежели англичанку взбулгачишь – сам прибью.

– Мы ж тихохонько.

Касьян Нечихай прислушался. Нет, сопения и натужного пыхтения соседей кроме него никто не слышит – солдаты у костра затянули песню. Но сильно глотки не дерут, поют вполголоса, видимо, опасаются разбудить генерала. Это они правильно – большому начальству отдых требуется, так что пусть спит до петухов. До красных петухов!

Избу было жалко. Но для того, чтобы поджарить храпящую там красную носатую харю, можно не только избу, можно жизнь отдать. Да и какая теперь жизнь... Он судорожно сжал

кулаки и попытался отогнать от себя память о сегодняшнем дне... страшном и проклятом дне. Ладно детей успел спровадить...

Всё началось с того, что заглянувший в хлев англичанин споткнулся о лежащую на расстеленной соломе бабку Евстолию. Не столько споткнулся, сколько перепугался, не разобрав в полутьме, и сорвал злость, ткнув старухе штыком в живот. А потом... потом, когда Настасья завизжала и рванулась к матери, пырнул и её. Касьян схватил подвернувшийся под руку кол, но добраться до гада не смог – скрутили вбежавшие на шум солдаты. Лучше бы тоже убили... Нет, держали вчетвером, пока остальные с восторженными воплями гоняли пинками по двору отрубленную голову. А появившийся на крылечке генерал хлопал себя по ляжкам и кричал что-то одобрителное.

Впрочем, забава быстро прискучила – что толку от мёртвой головы, когда есть живой туземец, похожий на злого дикого зверя? Тут повезло... кто-то слишком ретивый так треснул прикладом по затылку... Бросили возле хлева... Оклемався уже в темноте, отполз осторожно и, спотыкаясь на каждом шагу, смог добраться до соседей.

– Дальше-то как? – В голосе Полушкина-старшего страх и надежда. Касьянову Настасью просто и быстро убили, его же жену вместе с дочкой... эх...

– Пошли. Горшок захватил? А Митяй где?

– Тута я, – откликнулся младший. – Куды же мне теперя деваться?

– Ну так пошевеливайся.

Во дворе такая же темень, но если ходил здесь много лет, то ноги сами донесут до нужного места. Скрипнула дверь сарая, лёгкий шелест сена, осторожные шаги.

– Митька, давай мешок.

Где-то у крыльца должен стоять ещё один часовой. Ага, как бы не так, стоять... Он сидит на ступеньке, положил ружьё на колени и, свесив голову, похрапывает. Умаялся, бедолага. Ну ничего, есть хорошее средство от усталости, всё как рукой снимет. Шаг вперёд... Не пошевелится ли? Нет, вроде спит. Ещё шаг... Резные перильца мешают подобраться сзади. Последний...

Англичанин будто почувствовал что-то – встрепенулся, хотел подняться и полной грудью хватил табачного крошева из наброшенного на голову мешка.

– С-с-сука, – шипел Касьян, стягивая тонкие шнурки завязок. – Петюха, ноги ему прижми.

Полушкин-старший послушно ухватил бьющегося часового и держал, пока тот не дёрнулся в последний раз. Потом прошептал дрожащими губами:

– Ты где так душегубству наострился?

– Душегубству? Может, мы как раз свои души и спасаем... И бабы наши на том свете за нас словечко замолвят.

– И всё же?

– Много будешь знать, скоро состаришься, – хмыкнул Нечихай. – Всезнайки долго не живут, понял?

– Чего не понять-то? – Сосед отпустил ноги англичанина. – Митяй, сено тащи.

– Тута уже. – Парень сунул отцу охапку. – Запаливаем?

– Давай. – Касьян поудобнее перехватил вилы, дожидавшиеся хозяина воткнутыми в землю. – Высыпай угли и мотайте отседова.

– А как же...

– Один управлюсь. Мотайте, говорю.

Минька гордился собой. Как же, настоящий гусар на настоящем боевом коне! И кинжал, который из-за размеров больше похож на меч-кладенец из бабушкиных сказок. И даже седло! Это не охлюпкой в ночное гонять, это вещь дорогая и серьёзная. Единственно плохо – маленьких сапог в полку не нашлось, а что за гусар босиком? Но Его Высокоблагородие сказал, будто

бы доломан с лаптями вовсе не смотрится, поэтому лучше посверкать голыми пятками, чем людей смешить. А каких людей-то? И нету никого, ночь на дворе, не увидит никто. Новолуние нонеча, хоть глаз выколи.

Но всё равно у мальчишки внутри оставалось ощущение какой-то неправильности происходящего, а вот какой именно, он не понимал. Поёрзал, приноравливаясь к шагу неторопливо идущей кобылы, и повертел головой, отыскивая Ивана Дмитриевича. Да разве углядишь? Так и пришлось спрашивать у ближайшего гусара:

– Дяденька, а мы почему не скачем?

– А что же, по-твоему, сейчас делаем? Или галопом нестись?

– Ну, не знаю... Вроде в атаку идём.

– Из-за этого коням ноги ломать? У тебя, Минька, этих атак ещё столько в жизни будет... – Гусар не договорил. – Горит что-то!

Документ 18

«Бьет челом Государю милостивцу своему свет Петру Денисычу крестьянишко его Васька Храмой: волею Божеею женишка у меня на прошлый Петров день от родов померла, а после ее никаво ни осталось; и я сирота твой ныне не женат, а в чужих барщинах не дают, за вывод прошают рубли по три за девку; и ты пожалуй меня крестьянишку тваво, есть в твоём Болховском Государевом поместье в деревне Кривчье девка Дашка Картавая и ты пожалуй меня Государь мой Петра Денисыч сироту тваво Ваську Храмова, ослобони меня на той девке жениться. Дазволь. А Фролка Картавый, отец ейной девки Дашки землю сваю савсем пакинул, могуты его пахать не стало и он Фролка и с девкою своею хочет сказывают брести из тваво Государева поместья прочь куды глаза глядят. А коли не дазворишь, милостивец Петр Денисыч, то пайду в Государевы штрафны баталионы».

«России с прочими державами не должно иметь иных связей, кроме торговых. Переменяющаяся столь часто обстоятельства могут рождать и новыя сношения, и новыя связи (замечание императора Павла: “Святая истина!”), но все сие может быть случайно временно и без обязательства хранить ненарушимо до положеннаго срока заключенный союз министрами, кои часто поставляют подарки свыше благосостояния Отечества, славы государей своих и святости их слова. (замечание императора Павла: “Деньги – вещь великая!”) Истинныя выгоды России всегда почти предавались забвению, и вот неоспоримыя сему доказательства: в Тридцатилетнюю, Семилетнюю и нынешнюю восьмилетнюю войны все Европейския державы подвержены были опасности неоднократно лишиться – иныя части, а другия всех их владений, Россия же никогда ничего; но совсем тем во всех ея трактатах с иностранными державами она принимала на себя всегда обязанности помогать или войсками, или деньгами, а часто и ручательство их владений.

Во всегдашнее время политика и цель мудрых, простых, благотворительных, равно и злых государей была та, чтоб увеличивать силы свои на счет соседей: верный и единственный способ держать в страхе сильных и охранять малых».

Из «Записок графа Ф.В. Ростопчина». Издательство князя Куракина в Берлине, улица Михаила Нечихаева, д. 22. Год издания 1903.

Глава 18

– Помилуйте, зачем же вам пушки? Если я не ошибаюсь, вы командуете гусарами, а не артиллеристами. Не так ли?

Генерал-майор Борчугов насупился и грозно поглядел на сидящего в вольной позе полковника Бенкендорфа, задавшего щекотливый вопрос. Гвардеец молод, но уже наглец! Да каков наглец? Именно его люди самым хамским образом увели у ахтырцев из-под носа три вражеские батареи, втихомолку вырезав вражеских часовых. Можно сказать, из рук вырвали вещественное доказательство победы. Будто бы без них не справились... И что теперь государю предъявлять, пленных? Так ведь их нет почти, а знамя английского полка сгорело в пожаре вместе с контр-адмиралом Артуром Филлипом.

– Александр Христофорович, но хоть на половину орудий я могу рассчитывать?

– Четыре штуки отдам.

– Побойтесь Бога! Шесть...

– Куда вам столько? Впрочем, если произвести обмен на ружья в той же пропорции...

Они всё равно не кавалерийского образца. Согласны?

– Хм... – Генерал задумался.

Казна платит за каждое добытое в бою ружьё по полтора рубля, а неповреждённые пушки идут по две сотни. Что-то здесь неладно – полковник предлагает сделку в ущерб себе? Темнит Александр Христофорович, ой темнит!

– Ну так что же, Иван Андреевич? – продолжал настаивать Бенкендорф.

И Борчугов сдался. Он не надеялся получить с хитрого гвардейца даже поломанной шпаги и спорил исключительно на всякий случай. А вот поди же...

– Согласен!

Скрипнула дверь, почему-то в крестьянских избах они всегда скрипучие, и явившийся гусар доложил:

– Ещё семнадцать рыл привели, Ваше Превосходительство.

– Неужели подполковник Бердяга сам не решит этот вопрос? – скривился Иван Андреевич. – Господи, ну как же надоели!

Есть отчего быть недовольну – толком не спавши, а тут ещё крестьяне то и дело приводят пойманных англичан. Откуда столько набралось? И каждый непременно хочет получить причитающуюся награду из генеральских рук. Офицер – полтина, унтер – гривенник, простой солдат – алтын. Оружие оплачивалось отдельно, но тоже недорого. Мизерность сумм местные жители компенсировали тем, что пленных волокли в одном исподнем, а самые жадные – без одного.

– Ладно, сейчас иду.

Во дворе генеральскому взору предстала удивительная картина: Иван Дмитриевич коло-тился лбом в стену сарая и что-то неразборчива причитал. Неужели пьян? Такого за подполковником давно не наблюдалось, как раз с государева указа о разжаловании из полковников.

– Что с вами?

– Лучше не спрашивайте, Иван Андреевич!

– И всё же я требую объяснений!

Бердяга на мгновение отвлёкся, истерически заржал, вытер текущие по лицу слёзы и вернулся к прежнему занятию. Правда, в промежутках между ударами постарался пояснить:

– Они! Жулики! Прохиндеи! Прохвосты! Ой, помру со смеху!

– Помереть мы все успеем, – философски заметил вышедший вслед за генералом Бенкендорф. – А вот повеселиться можем и опоздать.

Но Борчугову объяснения уже не требовались, он с интересом рассматривал стоящих посреди двора пленников. Высокий, заросший бородой до самых глаз мужик с помощью дубины попытался придать своим подопечным какое-то подобие строя, но, увидев тщетность усилий, махнул рукой.

– Извольте, значитца, принять, Ваше Превосходительство! Первостатейный товар, ахвиреры все до единого!

– Вот как? И давно ли поймал?

– Нонеча утром. Как огурчики с грядки – свеженькие!

– Да? – Иван Андреевич выдернул из жиденькой толпы худосочного мужичонку и обратился к Бенкендорфу. – Как вы думаете, господин полковник, такое в английской армии часто встречается?

– Веянья моды порой бывают столь причудливы...

– Помилуйте, Александр Христофорович, какая мода может заставить англичанина отрастить пейсы?

– А вдруг это маскирующийся шпион?

– Кто шпион? Я шпион? – неожиданно заговорил пленный. – Вы таки можете спросить любого, и этот любой за несколько копеек подтвердит: Исаак никогда не был шпионом! Если хотите знать, я с детства терпеть не могу англичан! Или Ваше Превосходительство желает, чтобы я их любил? Исаак всегда готов сделать приятное хорошему человеку. Пуркуа бы не па, как говорил дядя Соломон, и, надо признаться, что он таки прав.

– Молчать! – Борчугов решительно пресёк словесный... хм... поток. – Каким образом ты здесь оказался?

Но тут вмешался бородатый крестьянин, до этого молча бледнеющий лицом. Он упал на колени и попытался обнять генеральские сапоги:

– Не велите казнить, Ваше Сиятельная Светлость! Бес попутал! – Кривой волосатый палец указал на скромно стоящего Исаака. – Вот этот бес!

Обвиняемый возмутился:

– Ай, не смей меня, Фёдор. Как тебе не стыдно обвинять человека, за малую толику согласившегося помочь твоим голодным детям? Будущим детям, но тем не менее...

– Половинную долю ты называешь малой?

– Жадность – грех!

– Уж не ты ли меня грехам учить будешь?

Бабах! Это Бенкендорф выстрелил из пистолета поверх голов.

– А ну обоим заткнуться и говорить по очереди!

Результатом вмешательства полковника стала некоторая ясность происходящего. Да что там ясность, целый заговор открылся! Оказалось, что присутствующий здесь некий Исаак вместе с крестьянином Фёдором Косым решили поставить ловлю разбежавшихся из деревни Воронино английских солдат на широкую ногу. Чуть ли не на промышленную основу, так сказать. Но супостаты быстро закончились – немногим удалось избежать гусарских сабель, и дело захирело едва начавшись. Но если остался спрос, то пытливый ум всегда изобретёт способ и найдёт достойное предложение!

Нашли... Из семидесяти двух приведённых предприимчивой парочкой пленников половина оказалась не понимающими русского языка чухонцами, остальные – немцы и французы. Среди последних шесть парикмахеров, четыре гувернёра из ближайших поместий, учитель танцев, управляющий имением князя Шаховского, а также булочник, собиравшийся посетить родственников в Митаве, но перехваченный на почтовой станции.

– Они ещё персидского купца предлагали, – подполковник Бердяга наконец-то справился с весёлой истерикой, – а у того бородачи до пупа и в красный цвет покрашена!

– Повешу мерзавцев! – расвирился генерал-майор, живо представивший, какое впечатление в столице произведёт рассказ о подобной конфузии. Если за невинную шутку в Калуге государь разжаловал из шефов полка в командиры, то в этом случае вообще в шуты определит. – Верёвки несите!

– Подождите, Иван Андреевич! – Бенкендорф повысил голос, привлекая внимание разгневанного генерала. – Вдруг мы неправильно поняли намеренья этих милейших людей?

– Что здесь непонятного?

– Но как же? – Александр Христофорович показал на затаивших дыхание злоумышленников. – Посмотрите на их честные лица!

– Рожи...

– Пусть рожи. Но там легко читается искреннее желание послужить государю и Отечеству в штрафных батальонах. Более того, я уверен, что и деньги им были нужны исключительно для приобретения ружей и амуниции. Подумайте, Иван Андреевич, откуда штафиркам знать о казённом обмундировании и вооружении?

– Вы считаете...

– Несомненно.

– А они...

Бенкендорф заглянул будущим штрафникам в глаза и ответил:

– Они онемели от восторга и от быстрого исполнения заветной мечты. Разве что... разве что просят подарить им по небольшому куску верёвки. На память, так сказать... Не так ли, господа штрафбатальонцы?

Фёдор с Исааком одновременно кивнули – большей синхронности и перед зеркалом не добиться.

Генерал справедливо решил, что раз уж гвардейский полковник занялся судьбой прохиндеев, то его может заинтересовать и другой вопрос:

– Александр Христофорович, я тут краем уха слышал о... хм... как бы выразиться... о довольно своеобразном отношении императора к пленным.

– Есть такое, а что?

– Не могли бы вы оказать любезность и... э-э-э...

– Забрать англичан?

– Да!

– А сами? Государь ясно дал понять: любой иностранец, вступивший на русскую землю с оружием в руках, должен быть уничтожен. Исключение составляют только сдавшиеся добровольно!

– Позвольте, Александр Христофорович, но эти тоже сдались сами.

– После того, как весь полк был уничтожен?

– Ну и что? Не вижу разницы.

Бенкендорф прищурился и медленно процедил сквозь зубы:

– А вы спросите у государя Павла Петровича, потерявшего двух сыновей в этой, заметьте, необъявленной войне... Да, спросите: есть ли разница? Или, если желаете, ответ можно найти ближе.

– Где?

– Хотя бы у него! – полковник указал на пробежавшего по двору Миньку Нечихаева. – Его отца так и не нашли?

– Нашли... – буркнул Борчугов и отвернулся. – Только ему не сказали... изрублен страшно.

– А вы говорите.

– Да, говорю! – произнёс генерал с вызовом в голосе. – То, что у мальчика погибли родители, ровным счётом ничего не меняет. Императорским распоряжением мой полк обязан принять на воспитание пятьдесят сирот, но это не значит, что я должен вырастить из них палачей!

– Под последними, надо полагать, вы подразумеваете мою дивизию. Господин генерал-майор? Хотите остаться с чистыми руками и незапятнанной репутацией? Не получится!

– Я бы попросил, господин полковник...

Бенкендорф уже не слушал. Отвернулся, бросив через плечо:

– Павел Петрович прав: высокоморальные чистоплюи погубят страну с не меньшим успехом, чем политические проститутки.

Вечер следующего дня

Минька первый раз в жизни видел, чтобы совершенно пьяный человек не лез драться, не ругался и не пытался пуститься в пляс. Даже песен и тех нет. Генерал-майор Борчугов, который, конечно же, Его Превосходительство, а не Происходительство, даже после второго штофа остался добрым и мягким. Лишь иногда, когда крики ворон, собравшихся попировать у виселиц, становились излишне громкими, по его лицу пробегала едва заметная судорога. И улыбка превращалась в горькую усмешку.

– Привыкай, Миша...

– К чему привыкать-то, Иван Андреевич? – Воспитанник получил разрешение в неофициальной обстановке обходиться без чинов, чем с охотой пользовался.

– Мир меняется, и по обыкновенной своей привычке, в худшую сторону... – Борчугов потянулся к штофу. – А привыкать нужно к тому, что завтра он станет ещё хуже.

Мишка пожал плечами, ничего не понимая. О каком ухудшении говорит командир полка, если жизнь стремительно улучшается прямо на глазах? Вот кто он был ещё два дня назад? Никто, конопатый недомерок, которому рупь цена в базарный день. А нонеча? Обут в настоящие сапоги, одет в ушитый по фигуре мундир! Парадный, правда, но подполковник Бердяга объяснил: до присяги государю о ином мечтать бесполезно. Но даже этого хватило, чтобы увидевшие Миньку соседи снимали шапки и величали Михаилом Касьяновичем. Тем более приятно слышать сие не от крепостных, а от крестьян вольных – полковник Бенкендорф своими полномочиями объявил деревню Воронино государственной собственностью. А Фёдора и Митьку Полушкиных наградил полусотней десятин из земель князя Шаховского. И дабы поименованный князь не явил претензию, выдал крепчайшую бумагу, позволяющую свободным землепашцам жаловаться напрямую канцлеру графу Ростопчину.

Не-е-е, что-то чудит Его Превосходительство! Жить стало лучше, жить стало веселей. А что англичашек повесили, так туда им, вора́м, и дорога! Мамку убили, отчима убили, бабушку Евстолию убили... Спаси, Господи, государя Павла Петровича!

– Не понимаешь ты меня, Миша, – продолжал Иван Андреевич. – Тебе война кажется игрой... Да, так оно и было... выигранные битвы, выигранные кампании... Мы шли в бой как на парад! Развёрнутые знамёна, барабанная дробь, флейты, ровные ряды, яркие мундиры! А что видим сейчас?

– Что? – Минька опять ничего не понял, но на всякий случай решил поддержать беседу.

– А сейчас приходим к тому, что любая война превращается в бойню. Всё в ней подчинено единственной цели – убить противника. Нет, не противника – врага. Уже нет никаких правил, никаких приличий... Да чего объяснять, сам когда-нибудь поймёшь. Ладно, хватит о грустном. Давай, Миша, выпьем!

– Я же не пью, Иван Андреевич.

– Это правильно, – одобрил Борчугов и попытался встать. – Эх, ноги не держат.

– Ложились бы поживать, Ваше Превосходительство.

– Вечным сном? – Генерал захихикал и погрозил пальцем. – Уж не читаешь ли мои мысли? Ты колдун?

– Я?

– Ты! Докажи, что не так!

– Вот истинный крест!

– Не-е-е, такие доказательства не считаются. Водки мне ещё принеси.

– Это я мигом, Иван Андреевич.

– Мигом не нужно. И это... Миша... ты не торопись...

Высочившего из избы Миньку перехватил карауливший у крыльца подполковник Бердяга:

– Гусар Нечихаев!

– Я, Ваше Высокоблагородие!

– Поди сюда. – Иван Дмитриевич указал мальчишке на лежавшее у хлева бревно. – Присаживайся, разговор есть.

Внутри у Миньки всё похолодело: точно так отчим отзывал в сторону для разговора, а потом отослал подальше от опасности. Неужели и сейчас?

– Я никуда из полка не уйду!

– Тебя разве кто гонит? – удивился Бердяга. – Иван Андреевич за водкой послал?

– Ага! Только не сказал, в котором месте её взять.

– Сейчас найдём, не переживай. Только вот что, гусар Нечихаев... ты бы пистолеты у него забрал, а?

– У кого?

– Ну не у меня же!

– А-а-а, понятно. А зачем?

– Ну мало ли что. У нас вон почти все офицеры рапорта об отставке написали, а если ещё без командира останемся...

– Как это об отставке?

– Да вот так! Приказ, мол, выполнили, а далее дворянская честь не позволяет!

– А вы, Иван Дмитриевич?

Бердяга улыбнулся:

– А я, Миша, из казаков родом, у нас честь в службе царю и Отечеству, а не в лыцарских доблестях. От лукавого они. Так пистолеты заберёшь?

– Заберу!

Часом позже

– Пфе, господа! – Корнет Сысоев демонстративно швырнул саблю на стол. – Я не знаю, чем руководствовался Иван Андреевич, отдавая столь бесчеловечный приказ, но отныне не желаю более служить в опозорившем себя полку! Вот так!

– Браво, Митенька! – Рядом с первой саблей грохнулась ещё одна. – Мы офицеры, а не палачи!

– Потихе, господа, – подполковник Бердяга кивнул в сторону печки. – Своими воплями вы разбудите ребёнка.

Предупреждение запоздало: сдвинулась занавеска и показалось заспанное детское лицо. Дашка оглядела собравшихся офицеров и строго спросила:

– А де мамка?

– Она скоро вернётся, – натянуто улыбнулся Иван Дмитриевич. – Ты поспи ещё немного, и мама придёт.

Девочка сморщила нос:

– Не пидёт – глисяне мамку вбили. И тятку вбили. И бабуску вбили. А де Мися? Тозе вбили?

– Здесь он! – Бердяга обрадовался поводу сменить тему разговора. – Миша сейчас придёт.

– Мися пидёт! – согласилась Дашка. – Он глисян прогонит?

– Обязательно прогонит. Их непременно нужно прогнать.

– Глисяне плохие... Мися глисян вбьёт?

– Ну конечно же.

– А вы?

Тишина... Чей-то вздох, напоминающий стон... Почему-то очень больно смотреть в требовательные глаза ребёнка.

Шёпот:

– Господин подполковник.

– Слушаю вас, корнет.

– Порвите, пожалуйста, моё прошение об отставке... – И уже во весь голос. – Мы их прогоним! Веришь? Обязательно прогоним! И ещё будем вальсировать на твоей свадьбе!

Разве можно верить гусарам, когда они что-то обещают девушкам? Обманул и этот – штаб-ротмистр Ахтырского гусарского полка Дмитрий Сысоев погиб в безумной рубке под Прагой ровно через пять лет. Иван Дмитриевич тоже не выполнил данного Дашке слова – генерал-лейтенант Бердяга был убит австрийской пулей при штурме Вены в тот же год.

А свадьба... свадьба была! И старый фельдмаршал Борчугов танцевал обещанный вальс, поскрипывая протезом, а потом пил цимлянское, роняя слёзы в бокал. Героям можно плакать! Тем более от счастья, тем более в день, когда идёт под венец приёмная дочь!

Документ 19

Государь императоръ Всемилоствѣйше соизволилъ пожаловать:

Георгиевское оружіе: Полковникамъ: пехотныхъ полковъ: Виленскаго, Казиміру Кампраду за то, что въ бою 31-го августа и 1-го сентября 1801 года у д. Великія Козюльки временно командуя въ чине подполковника названнымъ полкомъ и находясь въ передовыхъ окопахъ, подъ огнемъ противника, безъ ближайшихъ помощниковъ, лично руководилъ дѣйствіями полка и, исполняя постановленную задачу, атаковалъ и занялъ дер. Великія Козюльки, взявъ въ пленъ 526 англичан и захватилъ 4-хъ орудійную непріятельскую батарею. Арзамасскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, Даніилу Бекъ-Пирумову за то, что въ ночь съ 31-го августа на 1 сентября 1801 года, будучи начальникомъ боевой части, въ составе баталіона пехотнаго Арзамасскаго полка и дружины, получивъ задачу атаковать сильно укрепленныя позиціи южнее и севернее дороги Копорье-Воронино, своимъ мужествомъ, беззаветной храбростью и разумнымъ командованіемъ, подъ губительнымъ ружейнымъ и въ упоръ артилерійскимъ огнемъ, довелъ атаку баталіона и дружины до удара холоднымъ оружіемъ, выбилъ врага изъ укрепления надъ с. Боботово, закрепитъ захваченный важный участокъ позиціи за собой, чемъ обезпечилъ успехъ соседнимъ частямъ, при чемъ ротами были захвачены два тяжелыхъ орудія, стрелявшихъ въ упоръ и защищаемыхъ шведской пехотой.

Глава 19

Санкт-Петербург. 2 сентября 1801 года

Никогда не любил англичан, ни в прошлом, ни сейчас, ни в будущем. Что за люди, а? Нельзя отвлекаться на минутку, как тут же напакостят, ур-р-роды! Во что мою столицу превратили? Куда ни взгляни, везде дымы пожаров, перегороженные баррикадами улицы, неубранные трупы в красных мундирах. Ну да, жители своих погибших стараются хоронить сразу же, а до этих руки не доходят. Как бы эпидемия не случилась.

Представляю, что творится возле Михайловского замка – говорят, его всё же пришлось отдать после двух недель обороны. Говорят, но доподлинно ничего не известно. Через половину России промчался как угорелый, но тут застрял на окраине и сижу пенёк пенёком, пользуясь в качестве источников информации обрывками слухов. А они до того причудливые...

О собственной смерти, кстати, слышал за сегодняшний день несколько раз. По одной из версий я погиб в абордажной схватке, лично возглавив атаку флота на английскую эскадру. По другой – взорвал себя в пороховом погребе вместе с семьёй, отказавшись сдаваться в плен. Третий слух самый интересный – моё Императорское Величество отправилось в Лондон, убило на дуэли английского короля, премьер-министра, половину верхней палаты парламента и истекло кровью от ран. Забавно, не правда ли? И надо отдать должное распространителям этих слухов: ни в одном из них я не сбежал, не спрятался, а смерть принимал исключительно героическую, подающую пример и зовущую к подвигам. Хоть не воскресай теперь...

Как удалось понять в общей неразберихе, у нас с англичанами сложилась патовая ситуация. Шахматисты хреновы... Нельсон не получает никаких известий от десанта и продолжает упорно колотиться лбом в Кронштадт, мы же не можем его прогнать, потому что в городе творится чёрт знает что. Подозреваю, кроме чёрта ещё и Кутузов знает, но добраться до Михаила Илларионовича не получается. Не столица, а кастрюля с окрошкой, в которой перемешаны русские войска, шведские, английские, неизвестно кому подчиняющееся ополчение... И все стреляют, стреляют, стреляют...

– Павел, мы должны что-то предпринять!

Это императрица. Вид у Марии Фёдоровны усталый, но решительный.

– Конечно, дорогая. У тебя есть какие-то предложения?

– Нет! Но ты обязан сделать хоть что-нибудь!

Женская логика... Знаю их на сто сорок лет вперёд и не нахожу разницы. Сделай, и всё тут! Хоть тресни, хоть взорвись наподобие реактивного снаряда. Стоп... Снаряда? Вдали над крышами взлетела сигнальная ракета и, оставляя дымный след, по широкой дуге упала вниз. Наши?

– Наши, Ваше Императорское Величество! – оживились егеря конвоя. – Кулибинские винтовки твякают!

– Хосю к насым! – малолетний Великий Князь выхватил деревянную шпагу.

– Куда собрался? – еле успел ухватить отпрыска за ухо. – Рано тебе ещё воевать.

– А я хосю! – заупрямился Николай.

– Прапорщик!

– Слушаю, Ваше Императорское Величество!

– Выдели половину людей в конвой Её Императорскому Величеству и этому вот герою.

– Павел, – возмутилась Мария Фёдоровна, – ты не должен...

– Молчать!

– А-а-а...

– Не пререкайся! Значит так, прапорщик, отвезёшь их в Шлиссельбург... Головой отвечаешь, понял? И сидеть там как мышь под веником! Справишься – быть тебе поручиком!

Офицер, произведённый из фельдфебелей на пятый день умопомрачительной гонки из Нижнего Новгорода в Петербург, задохнулся от восторга. В свете открывшейся перспективы он не только увезёт императрицу в крепость, но и сам единолично отобьет все приступы, буде таковые случатся. Орёл! Самый натуральный орёл! И чего меня Аракчеев дворянскими бунтами пугает? Вот живой пример: человек из захудалых помещиков, а дали ему надежду и... горы свернёт! И абсолютно плевать на то, что крестьяне из имения в армию уйдут или вольную получают. Все четверо.

– Давай, голубчик, пошевеливайся!

Чёрт побери, как же больно! И ещё этот старый хрыч нудит над ухом...

– Дурак ты, твоё величество, как есть дурак! Ну разве так можно?

– Ефимыч, заткнись, а? Шей быстрее.

– А я чего делаю? – Егерь бормочет невнятно, потому что держит во рту надёрганные из моей рубашки шёлковые нитки. – Сейчас больно будет.

– Знаю.

– Знает он... Станет невтерпёж – можешь орать. Но молча!

– Это как?

– Кверху каком!

Никакого почтения у паразита к государевой персоне. Или нарочитой грубостью подбадривает, чтобы злость придавала силы? А чего злиться-то? И не злюсь вовсе, если сам дурак. Кто просил соваться туда, куда ни один барбос хрен не совал? И людей за собой потащил. Теперь вот пожинаю плоды. У-у-у... больно! Сейчас бы граммов четырёхста для наркоза принять. Но нету.

– Терпи-терпи, – приговаривает Ефимыч, ковыряясь в моём боку кривой иглой. – На хорошем кобеле быстро заживёт.

– А ты не завидуй.

– Такому делу не грех и позавидовать.

– Я про рану.

– Так и я про неё!

Старый солдат смеётся. Хотя, какой же он старый? Скачет так, что молодые обзавидуются. Или не обзавидуются... Некому больше – из четверых сопровождающих меня егерей только Ефимыч и остался жив.

Не повезло, да. Попали даже не между молотом и наковальней, а между двумя наковальнями, по которым с обратной стороны непрерывно бьют, бьют и бьют. Два шведских полка, вернее то, что от них осталось, в беспорядке отступали навстречу друг другу. И надо же такому случиться: мы выскочили на перекрёсток ровно в тот момент, когда там показался первый неприятельский солдат. И если бы один.

Хвалёные пистолеты знаменитого американского мастера (с сегодняшнего дня американцев тоже не люблю) дали осечку, причём одновременно. А швед, не долго думавши, засадил штыком прямо мне в брюхо. Точнее, хотел засадить, но то ли споткнулся, то ли поскользнулся, и в результате этого пробороздил бок почти до левой лопатки. Супостата застрелили егеря, а Ефимыч схватил за шиворот истекающее кровью величество и прыгнул в канал, и без того забитый раздувшимися покойниками. Жуть!

– Ну ты долго ещё?

Мучитель не отвечает, занятый хирургической операцией.

– Слушай, Ефимыч, а тухлятина из воды в рану не попала?

– Не бойсь, – обнадёжил солдат. – Вернейшее средство есть, даже антонов огонь останавливает. Хм... иногда.

– Так это оно французским сыром воняет?

– Зачем сыром? Обычная просушенная и перетёртая плесень из-под банного пола. Земляк из Галицкого полка посоветовал. Не, таперича из Лукояновского... или Волынского? Тьфу! Полк один, а названия каждый месяц разные.

Ефимыч не зря плюётся – я и сам запутался в постоянных переименованиях. Зато в Лондоне и Париже наверняка сломали голову, пытаюсь объяснить четырёхкратное увеличение численности русской армии.

– Ну вот и всё! – Солдат вытер руки остатками моей рубашки. – Сейчас ещё перевяжем.

– Подштанники снимать?

– Полотно есть чистое. И вот это! – вытащил из-за голенища плоскую фляжку, подобрал её и засунул обратно. – Обезболивающее попозже.

– Что же ты, ирод, раньше молчал?

– А оно мне надо, пьяного тебя ворочать?

– В Сибирь сошлю.

– Ну и сошлешь, – согласился Ефимыч. – Чай там тоже люди живут.

Вот так вот! Пугаешь-пугаешь человека, а он всё никак не пугается. И дело даже не в том, что такой бесстрашный – просто не чувствует за собой каких-либо прегрешений. Чисто серафим шестикрылый! А кажущаяся грубость и не грубость вовсе, а напротив, высшая степень доверия. К царю, как и к Богу, на Руси на вы не обращаются. То есть обращаются, конечно, но ощущается в этом какая-то искусственность, привнесённая чуждой культурой. Не от души идут все официальные величания.

– А одежду придётся выкинуть. – Старый солдат закончил мотать бинты и отпихнул ногой мешающий кафтан. – И красный цвет нонеча не в моде – живо пулю схлопочешь. Погоди-ка...

Достал из ранца гимнастёрку, ещё не получившую таковое название, а именовавшуюся попросту «павловской рубахой».

– Спасибо, Ефимыч.

Тот неожиданно смутился и вместо ответа сунул флягу. Ладно, не хочет принимать устную благодарность, получит её письменным указом. Что там у нас полагается за спасение жизни государя-императора?

Зараза... Левая рука совсем не поднимается...

– Помоги.

Общими усилиями кое-как натягивает через голову тесную гимнастёрку, которая тут же намокает от проступившей сквозь бинты крови. А фляжку так и не выпустил? Ну-ка... Хорошо пошла! Ещё глоточек...

– Будешь?

– Никак нет, Ваше Императорское Величество! Субординация не позволяет!

Вот оно что! Я же опять в мундире, значит, уже не раненый боевой товарищ, а строгий командир, каковому неместно распивать водку с подчинёнными. Тьфу! Наизобретал тут философских теорий... отец народа, понимаешь. Дурак ты, Павел Петрович. В смысле, я дурак.

Два часа спустя

– И охота тебе, мсье Теодор, так себя мучить? – Красногвардеец Иван Лопухин отвлёкся от чистки винтовки и насмешливо посмотрел на Фёдора Толстого, с самой страдальческой миной пытающегося соскоблить недельную щетину тупой бритвой. – Горло только не пере-режь, а то горничные шибко ругаться будут.

– А это он, Ваня, твоей сестрице пытается понравиться, – вмешался карауливший у окна капитан Тучков. – Ты бы видел его глаза во время перевязки!

– Всё было не так, Александр Андреевич! – покраснел Толстой.

– Не так? – Лопухин в задумчивости почесал кончик носа. – Сегодня руку перевязывала, завтра... Знаешь что, друг Фёдор, об одном прошу: постарайся, чтобы в моём доме тебя не ранили в задницу.

– Как тебя – в моём?

– Да, но я же не пытался привлечь к осмотру юных девиц.

– Зато пожар устроил.

– Фи, Теодор, какой ты грубый! Кто виноват, что там две роты шотландцев на ночлег расположились? Тем более кое-кто вовсе не возражал против поджога.

– Матушке этот дом всегда казался слишком вульгарным. – Толстой отложил бритву и скептически осмотрел отражение в зеркале. – Ваня, ваше сиятельное семейство намерено уморить голодом защитников Отечества?

– Берегите фигуру, *mon cher ami* Теодор! – хмыкнул Лопухин. – Да не переживай, сейчас узнаю.

Он повесил винтовку на плечо, охнул от неловкого движения и вышел из залы, чуть припадая на правую ногу, раненую в самой что ни на есть верхней её части. Война войной, но и про плотный ужин забывать не стоит – одной ратной славой сыт не будешь.

– Насчёт вина распорядись! – крикнул вслед отец Николай.

– Мне казалось, вы коньяк предпочитаете, батюшка, – заметил Тучков.

– Вообще-то водку, но в ваших дворцах к какой только гадости не приучишься. Блудницы вавилонские, прости Господи!

Бывший штрафной батальон, а ныне Красная гвардия, вот уже две недели как уподобился цыганскому табору и кочевал по Санкт-Петербургу. В правильные бои не вступали, предпочитая действовать из засад, стрелять в спину, уничтожать с дальнего расстояния неприятельских офицеров и артиллеристов. Нельзя сказать, что эта тактика сразу пришлась всем по душе – пагубное заблуждение о правилах благородной войны слишком глубоко пустило корни. Пришлось выкорчёвывать подручными средствами.

Не понадобилось ничего придумывать и произносить пламенные речи – отец Николай просто привёл красногвардейцев в церковь, в которой пытались укрыться от англичан смоленские воспитанницы. И более никаких вопросов ни у кого не появлялось.

– Господа, прошу к столу! – Лопухин появился в сопровождении лакея, вооружённого сразу двумя старинными фузеями. – За обстановкой на улице присмотрят и без нас.

– Не извольте беспокоиться, в лучшем виде сделаю! – От энергичных кивков напудренный парик съехал добровольцу на нос. – А где тут нужно нажимать, чтобы стрельнуло?

Поужинать так и не успели. Едва только начали рассаживаться за столом, как из покинутой залы послышался оглушительный грохот выстрела. За ним, почти сразу же, второй. Капитан Тучков подхватил винтовку, небрежно брошенную было на диван у камина, и первым выскочил из столовой.

– Что происходит?

– Там! – Лакей дрожащей рукой показал за окно.

– Вот гады! – Отец Николай, отпихнувший незадачливого часового, выглянул и тут же убрал голову. – В соседнем доме кого-то из наших прижали. Как вчера...

Вчера не успели прийти на помощь вовремя – шведы успели перебить оборонявшихся в аптеке ополченцев, большинство из которых были ранены и практически безоружны. Но на этот раз защитники отстреливались, правда, редко и как-то неуверенно. Сейчас англичане заберутся в окна с противоположной стороны и...

– Выручим, братцы? Вперёд!

– Вниз, – поправил отец Николай.

– Вниз, – согласился Тучков. – Но всё равно – вперёд!

Уже на улице красногвардеец Фёдор Толстой оглянулся – прелестнейшая Лизавета Михайловна, младшая сестра Ивана Лопухина, стояла у раскрытого окошка и махала вслед платочком. Именно ему и никому другому! Благословляет на подвиг во имя... Во имя чего? Какая разница, главное, что благословляет. И этот подвиг можно совершить прямо под взглядом милых глаз.

– Уё... Ура! – Фёдор заставил себя проглотить привычный, но донельзя неприличный воинственный клич и поднял к плечу винтовку. Бабах! С пятидесяти шагов мудрено промахнуться даже при стрельбе стоя – один из англичан, ломавших двери вывороченным из мостовой фонарным столбом, получил пулю чуть пониже поясицы. Следующий патрон... Осечка! Ах так?

А в оставленном красногвардейцами доме пожилая, лет тридцати пяти дама пыталась оттащить дочь от окна:

– Лиза, немедленно отойди, это опасно! Там же стреляют!

– Мама, нынче в Петербурге везде стреляют! – сопротивлялась Лизавета Михайловна. – Ты только посмотри, какой он мужественный!

Дарья Алексеевна Лопухина не удержалась и бросила взгляд на кипевшую внизу рукопашную схватку. Бросила и не смогла уже оторвать, так и застыла, сжав подоконник побелевшими пальцами.

– Да, Лизонька, он такой... И не старый совсем, это борода прибавляет возраст.

– Мама? – Дочь отвлеклась от захватывающего зрелища и нахмурила брови. – Фёдору Ивановичу только двадцать лет минуло, и он вообще не носит бороду.

– Кто? Я не про... Ох! – Дарья Алексеевна вскрикнула, когда на отца Николая напали сразу трое, и выдохнула с облегчением, увидев, как сабля в умелых руках священника перерезала шею ближайшего из нападавших. – Какой мужчина!

– Феденька! – Лизавета Михайловна чуть не выпрыгнула со второго этажа при виде упавшего Толстого. Нет, поднялся и, орудуя винтовкой как дубиной, бросился вперёд. – Феденька...

Лопухина-старшая первой взяла себя в руки и строго кашлянула:

– Лизонька, нельзя так открыто выражать чувства. Это просто неприлично, и твой покойный отец подобное бы не одобрил.

– Но мама! Его ведь могут убить!

– И Николая Михайловича... э-э-э... в смысле отца Николая... Доченька, на войне любого могут убить!

– Его не могут! – крикнула Лиза со слезами в голосе.

И в глубине души Дарья Алексеевна была согласна с ней. Господь не допустит гибели Фёдора Толстого и... и остальных, потому что это будет просто несправедливо и нечестно! Такая любовь должна быть вознаграждена! И вознаграждения достойна не только Лизонька, но и... Нет, грешные мысли стоит оставить на потом, сначала устроить бы судьбу дочери.

А Фёдор Иванович является в высшей степени достойной партией. Дело даже не в знатности и древности рода – в нынешние времена, как при Петре Алексеевиче, они не играют никакой роли. Тут другое! Толстой в Красной гвардии. И этим всё сказано!

– Что сказано, матушка? – переспросила Лизавета Михайловна. – О чём ты говоришь?

– Я молчу.

– Очень громко молчишь.

Дарья Алексеевна, раздосадованная на то, что ненароком произнесла вслух потаённые мысли, не ответила. К чему слова, если и так всё понятно? Дочку замуж, а самой... Так, а приданое? Деньгами как-то неблагородно, деревни с крепостными взяты в казну ещё весной... Надо бы с графом Кулибиным посоветоваться – приближённый к императорской особе механик дурного не подскажет. А если... Ну да, если войти в долю с Иваном Петровичем на каком-нибудь оружейном заводе? Вполне пристойный подарок молодожёнам. Это вам не плебейские

суконные мануфактуры наподобие тех, в которые вложены средства у Вяземских. То-то Зинаида Петровна сразу перестанет нос задирать.

В размышлениях Лопухина-старшая не сразу расслышала возглас дочери:

– Матушка, да там же сам государь Павел Петрович! Ты только посмотри!

– Где? – Дарья Алексеевна встрепенулась и вгляделась внимательнее. – Господи помилуй!

Из дверей соседнего дома действительно появился император. Нетвёрдо стоящий на ногах, поддерживаемый с двух сторон Александром Андреевичем Тучковым и неизвестным егерем, он сжимал в руке обломок шпаги и улыбался. Вот повернул голову к Фёдору Толстому и что-то сказал. Тот вытянулся во фрунт и показал на Ивана Лопухина. Все трое одновременно рассмеялись.

– Матушка! – взвизгнула Лизавета Михайловна. – Мне государь рукой помахал! Два раза!

– Значит, нужно поставить на стол два новых прибора. Ужин, надеюсь, не остыл?

– Но там же ещё простой солдат?

Дарья Алексеевна укоризненно посмотрела на дочь:

– У Павла Петровича, дорогая моя, нет простых солдат. И распорядись же, наконец, насчёт приборов!

Документ 20

«Собственноручное письмо графа П. Завадовского графу А.А. Аракчееву.

20 сентября 1801 г. С.-Петербург.

Милостивый государь мой, граф Алексей Андреевич. Просил и еще прошу вашего сиятельства возстановить порядок учения и очистить от негодяев Ярославскую гимназию, в которой оные, пианствуя во славу русского оружия и его победу, изbleвали хулу английскому монарху и всем его родственникам женского полу. Каково же основателю оной, Демидову, видеть таковые плоды от своих благотворений! Я надеюсь, что ваши распоряжения и посланный экзекутором, о чем меня уведомляете, подымут в Ярославле падшее учение.

Дай Бог вам также перевести партию Бахуса и своею попечительностью превратить в светило хаос Московского университета, студенты коего выдвинули петицию с требованиями позволить им сожительствовать с адмиралом Г. Нельсоном как с непотребными девками.

Присовокуплю к сим желаниям истинное мое почтение и нелицемерную преданность, с коими пребываю вашего сиятельства покорнейшим слугою.

Г. Петр Завадовский».

«Рапорт московского обер-полицеймейстера Каверина московскому генерал-губернатору Х.И. Бенкендорфу.

Вчерашняго числа было благородное собрание, где я по болезни моей быть не мог, а г-н полицеймейстер полковник и кавалер Ивашкин уведомил меня, что в оном было 225 персон и что некоторые приезжали и были в собрании во фраках, что привело их к побоям со стороны возмущённых сим беспардонным пренебрежением дворян.

Директор Благороднаго в Москве собрания господин действительный тайный советник и кавалер Аполлон Андреевич Волков вчерашняго числа, встретясь со мной в манеже берейтора Хиарини и объяснив мне, что Благородное собрание ныне почти совсем прекращается, дал мне знать, что при наступлении теперь времени к новой подписке на оное для будущего года, дабы совершенно не разрушить оного, предполагает он не воспрещать приезжать в оное и во фраках, приводя в доказательство, что не все, кто носит фрак, является английским пособником. Я сего числа, нарочно был у господина действительнаго тайнаго советника и кавалера Николая Ивановича Маслова, который также с своей стороны находит дозволение сие с выгодами, Благороднаго собрания сообразным. Не могли дать сам собою согласия моего, также и не имея права без согласия директоров допускать в одеянии, называемом фрак, буде бы кто в

сие собрание в оном приехал, представя о том Вашему Высокопревосходительству, испрашиваю начальническаго в резолюции предписания.

Резолюция Христофора Ивановича Бенкендорфа: Хоть голые приедут. Плевать».

Глава 20

Нездоровый какой-то блеск в глазах у нашей любезной хозяйки. И, что самое странное, его вижу исключительно я один. Остальные преспокойно стучат вилками и ножами и совсем не замечают бросаемые Дарьей Алексеевной взгляды. Ефимыч вон вообще смущён столь блистательным обществом и молчит, уткнувшись в тарелку. Кого тут стесняться, меня? Разве что юной девицы, непрерывно подкладываящей особо лакомые кусочки красногвардейцу Фёдору Толстому. Пробивается к сердцу через желудок? Напрасно, есть более короткий путь. Нет, не поймите превратно, ничего такого неприличного не подразумеваю...

Наклоняюсь, и шепчу через стол достаточно громко, чтобы смогли услышать все:

– Говорят, у некоего гвардейца нынче винтовка осечку дала?

Тучков, защищая подчинённого, пытается оправдаться:

– Сколько времени из боёв не выходили, Ваше Императорское Величество! Такое только люди могут выдержать, а железо... оно бездушное, вот и подводит иногда.

– Всё равно непорядок! И виновника непременно надо наказать самым строгим образом.

Толстой молчит. Вряд ли его можно чем напугать после марша из Петербурга в Ревель, тамошнего побоища и последних событий в городе. А вот Лизавета Михайловна сидит ни жива ни мертва, не смея сделать лишний вздох. Что нельзя сказать о её матушке – та откровенно наслаждается действием, видимо, вспомнила семейную историю об устроенной Петром Великим свадьбе прадеда и прабабушки. Понятливая женщина, однако! И нет-нет, да стрельнёт глазками в сторону отца Николая. Уж не собирается ли она... Вот чертовка. Хотя простительно – пять лет как вдова. Но не дело делает, ох не дело! На батюшку у меня совсем иные планы.

– А ну-ка, встань, выюнош! – Красногвардеец поднялся и насупился. – Как же тебя казнить?

– Десять лет расстрела! – крикнул изрядно набравшийся Иван Лопухин. – Пусть Лизавета и расстреливает. Или он её, если догадается чем!

– Дурак! – В старшего брата полетел соусник. – Феденька тебя самого... ой...

– А вот этого не нужно, чай не французы! – Стучу ножом по графину. – Феденька, говоришь?

Как же забавно краснеют девицы! И отвечает шёпотом:

– Фёдор Иванович.

– Нет уж, поздно оправдываться. Толстой!

– Я, Ваше Императорское Величество!

– Вот и наказание: берёшь сию юную красавицу в жены! Заслужил пожизненное заключение! И чтоб завтра же обвенчались.

Неблагодарное это дело, загадывать наперёд. Вот так строишь-строишь планы, а потом появляется что-то непредвиденное, и всё летит в тартарары. Не получилось со свадьбой с утра – ещё затемно в дом Лопухиных прибыл прапорщик Акимов с взводом егерей. Они доставили боеприпасы и две новости, обе плохие. Первая новость: у Кулибина и Ловица кончились химикаты для производства гремучего пороха, так что патронов к винтовкам не видать как своих ушей. Наскребли из остатков на последние полтыщи штук, а на требования новых отвечали исключительно грубо.

Второе известие поначалу показалось хорошим: Кутузов наконец-то овладел ситуацией в столице и выдавливает паникующего и лишённого общего командования противника из города. Есть, правда, кое-какая загвоздка... Именно отсутствие командиров не позволяет провести с англичанами и шведами переговоры о капитуляции. Михаил Илларионович даже взял на себя смелость и пообещал сдавшимся справедливый суд, но успеха не имел. Пришлось ему действовать грубой силой. И вот сейчас неприятель, числом не менее трёх тысяч, намерен

пробиваться по единственно свободному пути – мимо дома Лопухиных. А сколько нас? Из красногвардейцев в строю только четырнадцать человек, остальные ранены. Взвод Акимов – ещё тридцать, да я с Ефимычем. Вот такая ситуация...

– Ваше Императорское Величество! – Тучков взволнован. – Государь, вам необходимо срочно отойти в более безопасное место.

– Да? – Изображаю удивление. – Никуда я не пойду, Александр Андреевич, тем более в одиночестве.

– В сопровождение будет выделено...

– Какое сопровождение, капитан? А ты с кем останешься?

Командир красногвардейцев помрачнел, но упорно стоял на своём:

– И тем не менее, Ваше Императорское Величество... Народ не простит, если...

– А не помолчать бы тебе, Александр Андреевич? Молод ещё царям-то перечить. Vox populi нашёлся! Я, между прочим, тоже народ!

– Воля ваша, государь, – отступился капитан. Только в выражении лица явственно читалась невысказанное: «Сволочь ты, а не народ!»

Да пусть думает что хочет, хоть матом ругается, всё равно отсюда не уйду. Нельзя уходить по одной простой причине: сразу за заставой, в которую упирается улица, поставлены палатки полевого госпиталя. Восемь сотен человек. И тридцать штыков охраны. И пятьдесят патронов на всех.

В строительстве баррикады участия не принимаю, просто и скромно сижу на принесённом из дома креслице и перезаряжаю злополучные пистолеты. Справятся без меня, должны же быть хоть какие-то привилегии у августейшей особы? Тем более ранен, да и по возрасту старше всех. Даже Ефимыч и тот оказался помладше на два года. Да, возраст... Плевать, всё равно когда-то придётся помирать, так почему не сегодня? И денёк намечается солнечным и тёплым. Лепота.

За спиной разговор на повышенных тонах. Оборачиваюсь. Это Фёдор Толстой пытается прогнать невесту. Лизавета Михайловна переделалась в мужское, в руках сжимает фузею, древнюю даже по нынешним временам, и не собирается никуда уходить. Ну вот, пожениться ещё не поженились, а ссорятся так, будто за плечами не одно десятилетие супружеской жизни. Может быть, им тарелки принести? Ладно, обойдутся, сейчас придут гости и перебыют не только посуду. А платить кто за всё будет? Я?

Рядом объявился прапорщик Акимов. Если опять примется уговаривать отсидеться в тылу, начну ругаться. Не пойду!

– Ваше Императорское Величество, они идут!

Кто такие «они», можно не спрашивать. И откуда знает о приближении противника, тоже.

– Что там за ловушки установил? – показываю на поднявшиеся вдалеке чёрные дымные столбы.

– Так это, – гвардеец смущённо ковыряет носком сапога мостовую, – у Ивана Петровича немного греческого огня оставалось, вот я и подумал...

Оказалось, что прапорщик попросту заминировал предполагаемый маршрут продвижения противника – протянул через улицу тонкие шёлковые нити, привязанные к бутылкам с зажигательной смесью. Уж не знаю, как удалось добиться, но стеклянные снаряды падали с крыш не только при натягивании, но и при обрыве. И даже если кому-то пришла в голову мысль обрезать растяжку, то... Судя по всему, так оно и получилось. Впрочем, нам это не слишком помогло.

– Приготовиться! – крикнул Тучков и оглянулся, как бы извиняясь.

– Ты здесь командир, Александр Андреевич! – Состояние капитана понятно – не каждый день под началом целый император.

Сначала показались шотландцы – даже в безнадёжной ситуации хитрые англичане предпочли уступить славу первопроходцев, оставаясь во втором эшелоне. Шведы, скорее всего, замыкали колонну, принимая на себя удары кутузовского авангарда. Немногочисленные уцелевшие волынки еле слышны в слитном рёве бросившихся на баррикаду горцев. Бегут не стреляя, только выставили штыки. Кончились патроны?

– Пли!

Тучков ещё что-то кричал, но бабахнувшая справа фузея оглушила так, что в ушах звон, сквозь который еле-еле пробивается девичий визг.

– Я попала! Попала! Попала! – Лизавета Михайловна с самым восторженным и одухотворённым лицом забивает в своё орудие новый заряд. Шомпол в тонкой изящной руке выглядит почти как лом. – Феденька, смотри!

Фёдор Толстой вздрагивает, когда рядом с ним на набитый землёй мешок ложится толстенный гранёный ствол. Пламя вырывается метра на полтора, и сразу несколько шотландцев падают. Она что, картечью лупит? Или случилось чудо, и у нас появился пулемёт?

– Какого хрена разлётся? – Сзади кто-то бьет по ногам. – Держи!

Едва успеваю обернуться, как незнакомый солдат в форме старого образца суёт мне в руки чугунное яблоко с торчащим дымящимся фитилём. Придурок, ведь не доброшу! Тем временем гренадер поджигает вторую гранату и швыряет в наступающих. А я что, хуже? Эх, хорошо пошла! И рванула в воздухе!

– Подвинься! – Слева появляется ещё один солдат. И второй... и третий... Обман зрения, или количество защитников баррикады на самом деле увеличилось в несколько раз? Героическая гибель откладывается на неопределённый срок?

– Государь, вы живы? – Налетевшая и облапившая меня огромная обезьяна в казачьем кафтане настолько похожа на Аракчеева, что подозреваю, это он и есть. – А мы так торопились!

– Пусти, а не то в бароны разжалую!

Вырваться не получилось – набежавшие гренандеры схватили в охапку обоих и потащили в дом Лопухиных, подальше от опасности. И на скорости, со всей дури приложили о гостеприимно распахнувшуюся навстречу дверь...

«Тяжела ты, народная любовь!» – это было последнее, что успел подумать. Появившаяся мысль погасла одновременно с сознанием и искрами из глаз.

Ничего не вижу... абсолютно ничего не вижу... полная темнота. И лёгкость во всём теле. Это что же получается, опять умер? Первый раз в землянке после попадания немецкого снаряда, и вот сейчас... Да, наверное, умер, а те голоса, что ловлю краем сознания, голоса ангелов. Но разве они говорят так хрипло, через слово поминая нечистого? Ад? Господи, но за что? Я же крещённый, тем более коммунист! Не шути так, Господи! Да святится имя Твое. Да приидет царствие Твое. Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли.

Знаю... там, наверху, уже построен коммунизм. Дай глянуть хоть одним глазком! Потом делай что хочешь! А лучше возьми в небесное воинство... даже рядовым! Молчишь, Господи? Хорошо, пусть будет ад, где одни фашисты, как рассудишь. Но учти – я их зубами грызть буду! У бесплотных душ есть зубы? У меня будут, обещаю!

Голоса всё громче. Знакомые голоса. Тучков? Разве он тоже погиб? И вроде бы ещё Бенкендорф. А с хрипотцой – прапорщик Акимов. Что же, вполне достойная компания. Хорошие люди, с такими хоть англичан бить, хоть Вельзевула с Люцифером раком ставить. И поставим, чего скромничать...

– Не извольте беспокоиться, Александр Христофорович. – Вот этот мягкий грацирующий баритон слышу в первый раз. – Современная медицина творит чудеса, не пройдёт и недели, как наступит улучшение.

Какая, к чертям, медицина? Я же умер.

– Вы уверены, доктор?

– Несомненно!

Ага, значит, всё-таки живой. А Бенкендорф разговаривает с врачом. Кстати, неизвестно что лучше – помереть или попасть в руки нынешних коновалов. И то и другое даёт практически одинаковый результат, но первое происходит менее болезненно.

– Я на вас надеюсь, Генрих Станиславович.

– Господа, доверьтесь опытному эскулапу. Перелом ключицы не настолько опасен, чтобы так беспокоиться! В столь юном возрасте кости срастаются очень быстро.

Кого он юношей назвал, скотина? На Соловки закатаю мерзавца! В Сибирь отправлю медведей лечить!

– Вполне доверяю, Генрих Станиславович, но и вы поймите... Ей ещё жить и жить. Каково девице с одной рукой?

Чего? Идиоты, кого девицей называете? Глаза разуйте, придурки – аз есмь царь!

– Александр Христофорович, понимаю ваше беспокойство и участие в её судьбе. Но оставьте сомнения, я не допущу, чтоб столь молодая и красивая особа превратилась в калеку. Господь такого не простит.

И это всё про меня? Это я молодой и красивый? Я – девица? Убью! На плаху! Всех расстреляю!

– Не только Господь, но и государь будет недоволен.

Уже нового императора назначили? Ну сейчас устройте... хм... женскую истерику со слезами и соплями? Где шпага? Где, чёрт поberi, моя шпага?

Надо попробовать встать... Я ведь лежу? Наверное, лежу. От резкого движения в боку вспыхивает боль – туда прилетело штыком от... Погодите, но прилетело мне, а не какой-то девице. Разве... Сесть смогу? Получилось. И ушла темнота, уступив место ослепительному свету – упала мокрая тряпка, закрывавшая лицо. Зачем так с живым человеком? Ах да, помню стремительно приближающийся торец двери... Тряпка – примочка от синяков? Надеюсь, во всяком случае.

– Государь очнулся! – Радостный вопль прапорщика Акимова больно бьёт по ушам. Самого гвардейца почти не вижу, глаза ещё не привыкли к свету, и приходится их замуривать.

– Ваше Императорское Величество! Павел Петрович! – восторженно орёт Бенкендорф. – Вы живы!

Ага, называет по имени-отчеству. Значит, я не девица? А кто у нас тогда девица?

– Совсем оглушил, полковник. Зачем так громко кричать? – Недовольное ворчание помогает замаскировать растерянность и недавний испуг. – Чего переполошился?

– Так вы же целые сутки без сознания пребывали, государь.

– Врёшь.

– Истинный крест! Вот у доктора спросите.

Выкатившийся из-за спины Бенкендорфа лекарь похож на колобка с ножками, а физиономия излучает такую преданность и доброжелательность, что поневоле хочется быстрее выздороветь и больше не видеть эту слащавую морду. Не он ли меня девицей обзывал? Будущий доктор лесоповальных наук...

– Ваше Императорское Величество, позвольте выразить...

– Вон отсюда!

– Что, простите?

– К чертям всех врачей!

– Государь гневаться изволит, – перевёл Акимов и подтолкнул непонятливого к двери. – Вы, Генрих Станиславович, девицу ещё раз осмотрите.

Меня вновь сковало ужасом, бросило в холод и отпустило не сразу, оставив лёгкую слабость в коленях.

– Какую девицу, прапорщик?

– Лизавету Михайловну, кого же ещё? – удивился гвардеец. – Она в свою фузею тройной заряд забила, вот отдачей ключицу-то и сломало. Да вы не переживайте, государь, до свадьбы заживёт!

Вот оно как... А я, старый дурень, ни за что ни про что обидел хорошего человека, нашего милейшего эскулапа. Стыдно, Павел Петрович! Ей-богу, стыдно давать волю эмоциям и срывать зло на ни в чём не повинных людях. А излишне богатое воображение хорошо лечится бромом. И кое-кому требуется лошадиная порция.

Судьба-злодейка, видимо, решила покуражиться над несчастным лекарем от всей души – распахнувшаяся дверь сшибла беднягу Генриха Станиславовича с ног, отшвырнула к стене и вернула обратно, прямо под ноги ворвавшегося в спальню генералу.

– Ваше Величество! – заорал тот с порога и, не обращая внимания на распластавшегося по полу доктора, бросился обниматься.

– Михаил Илларионович? – Я попытался отстраниться.

– Я! – Один глаз у Кутузова прикрыт чёрной повязкой, но второй сверкает опасным восторгом пополам с безумием. – Государь, нам нужно срочно поговорить наедине.

Совершенно не похож на Мишку Варзина. Или это не он? Попробовать какой-нибудь пароль?

– Наедине? Если только вы имеете сообщение о том, что утро красит нежным светом...

– Стены древнего Кремля! Блин! И от тайги до британских морей!

Крики сопровождались объятиями и похлопыванием по плечам. Нет, товарищ Варзин, так не пойдёт.

– Михаил Илларионович, посмотрел бы на тебя капитан Алымов.

– Ой, простите, Ваше Императорское Величество.

Прощения он просит... Мне после суток беспамятства сортир в первую очередь нужен, а не его извинения. Не то сейчас конфузия произойдёт...

– Оставьте нас, господа. Срочно оставьте, я сказал!

Варзин (или всё-таки Кутузов?) проводил взглядом покидающих спальню офицеров, и едва только закрылась дверь, произнёс:

– Уважают они тебя, Паша. Именно уважают, а не боятся. Смотри, чуть не строевым пошли!

Я ответил минут через десять, когда общее состояние организма пришло в норму, и уже не нужно было никуда торопиться. Разве что помыть руки в глубоком серебряном тазике.

– А ты, Миша, учись у них.

– Зачем?

– Затем, что с царём разговариваешь, пенёк вологодский! Смирно! Равнение на... Отставить!

– Так ведь я...

– Наедине, хочешь сказать, можно?

Кутузов (всё же Кутузов) засопел:

– Прошу простить, Ваше Императорское Величество.

– Не обижайся, Мишка, а? Хорошо? Представь, что мы – разведчики в тылу у фрицев. Или по минному полю идём... Неосторожный шаг, и... И если бы только сами подорвались.

– Есть кто-то ещё из наших?

– Они все наши, Мишка. Вся страна. И не знаю, кто нас сюда забросил – Бог, партия, марсиане... Не брошу, понял?

– Но причём же...

– При всём! Нет больше красноармейца Романова, совсем нет. Он остался там, под Ленинградом, в землянке. И Мишки Варзина нет. И не будет никогда!

– Почему?

- Да потому! Такого уже наворотили... и ещё наворотим!
- Но уже вместе, Ваше Императорское Величество?
- Очень на это надеюсь. И вообще – спасибо, Мишка. Спасибо, генерал!
- Кутузов прошёлся по комнате, остановился. И спросил дрогнувшим голосом:
- Пусть нас нет... пусть мы погибли... Но это же мы? Другое время, другие враги, другая война. Но мы есть?
- Что ответить?
- Мы есть, Миша. Другие, но есть. А война... Война та же самая – за Родину.

Документ 21

«От Санктпетербургскаго обер-полицеймейстера.

Дан сей билет воздухоплавателю для производства полётов в Петербурге, Финляндской, Стокгольмской губерниях отставному боцману Матвею Котофееву.

1) С сим билетом ездить тебе самому в корзине, гондолой именуемой, с номером, на оной написанным.

2) Никому как билетом, так и номером не ссужаться под штрафом.

3) Иметь сменные корзины настоящею желтою одною краскою выкрашенные; одним словом, отнюдь чтоб кроме желтой никакой другой краски не было.

4) Зимой и осенью кафтаны и шубы иметь от обморожений на высоте.

5) Летом же мая с 15 сентября по 15 число рубахи иметь с белую и голубую полосой. Шляпу ж голубую.

6) Больше двух седоков отнюдь не возить под указным штрафом.

7) С высоты не плевать и седоков от того удерживать.

8) Над городами восторг матерно не выражать под штрафом.

9) Дворцовых и протчих знатных господ и иностранных министров экипажей и марширующей церемонии сверху ничем не забрасывать.

10) Плату за полёт брать с седоков наперёд, а тако же плату за мытьё корзины при их неожиданной болезни.

11) Если седоки, которые тебя наймут везти, будут кричать или какая делать непристойности, то таковых от шуму унимать, ежели ж не будут слушать, то кидать их вниз на парашутном зонте изобретения господина Гарнерена.

Со онаго воздухоплавателя указныя пошлины за один шар сто два рубля взяты и в книгу по № 457 записаны.

Февраля 10-го дня 1805 года».

Глава 21

– Ты мне, Васька, баки-то не забивай! – Боцман Матвей Котофеев погрозил пальцем сидевшему напротив гренадеру и приложился к кружке. Крякнул от удовольствия, отёр пену с усов, и продолжил: – Ну где это видано, чтобы человек пули руками ловил? Ври, братец, да не завирайся.

– Правду говорю! – Собеседник моряка, приходящийся тому единоутробным младшим братом, понизил голос. – Знающие люди говорили: государь Павел Петрович английские пули прямо перед собой перехватывал и обратно кидал. Представляешь, Матюша, два батальона как не бывало, будто траву скосил!

Как Василий ни старался, но за соседним столом расслышали его рассказ. Что поделать, если во время осады кабак является одним из немногих мест, где можно скрасить скуку между неприятельскими приступами.

– Пули – это мелочь, – со знанием дела заметил кто-то из сидевших неподалёку моряков. – Я вот собственными глазами видел, как во вчерашней вылазке Его Императорское Величество самолично три фрегата сжёг.

– Восемь, – поправил Котофеев.

– Так шведские не считаются. Какие же они фрегаты? Так, корыта с мачтами.

– Всё равно посчитать нужно.

– Нельзя, – не соглашался моряк. – Противник совсем негодящий. Мы им, значит, мину под самую крыйт-камеру крепим, а там даже часовых на палубе не выставили. Так и дрыхли до самого взрыва! Не, не вояки.

Матвей, не принимавший участия в ночной вылазке, поинтересовался:

– Вы мины-то гвоздями приколачивали?

– Зачем? Архимедовым винтом прикрутили, шурупом называемым. Небось тому Архимеду теперь орден выйдет – голова!

Вздохнули дружно, завидуя неизвестному остроуму. И было отчего вздыхать: по слухам, любое изобретение, идущее на пользу или прибыль государству, приносило придумщику личное дворянство. Мало того, это самое дворянство при желании можно было в любой момент обменять на звание вольного государева хлебопашца с причитающимся к оному земельным наделом в губерниях за Уралом.

– Голова, – согласился Матвей. – Почти как у меня.

– Ты-то здесь с какого боку?

– Вот скоро увидите! – Боцман улыбнулся своим мыслям. – Ежели завтра нужный ветер будет... Подождём малость?

Финский залив. Форт «Рисбанк». Полдень следующего дня.

А я тоже ждал, хотя бурлящая энергия требовала выхода. Терпение, Павел Петрович, и только терпение. И не стоит завидовать занятым людям – сам определил каждому фронт работы. И себе тоже сам. Вот и сиди теперь, жди у моря погоды в самом прямом смысле. Скучно, но куда деваться?

А так, конечно, вроде все при деле. Иван Петрович Кулибин здесь же, в Кронштадте. Не в самом городе, конечно, а увязался за мной. Именно ему и претворять в жизнь бредовую идею, предложенную боцманом Матвеем Котофеевым. Зная изобретательность и пытливый ум нашего графа, надеюсь на успех с большой долей вероятности.

Военного министра Аракчеева нет, и не увидим ещё долго – в тот злополучный день излишне ретивые гренадеры сломали ему руку. Правда, это не помешало Алексею Андреевичу

принять участие в последующей схватке, где он и получил штыком в бедро. Очевидцы рассказывали, будто разъярённый граф забил обидчика насмерть одной только здоровой ногой, но верится с трудом. Как же он тогда стоял? Врут, наверное.

Бенкендорф в Петербурге. Нет, не отдыхает, совсем наоборот – занимается прочёсыванием города, вылавливанием прячущихся по подвалам и чердакам недобитков и отделением плевел от козлиц. Совершенно верно, были и такие, что встречали англичан хлебом-солью и распростёртыми объятиями. Теперь пусть попробуют Александра Христофоровича обнять. Кстати, в задачу гвардейцев входит не только поиск врага внутреннего и внешнего, но и активное использование найденных на расчистке столицы от баррикад и завалов. Не умирать же беднякам с голоду в ожидании суда, а так хоть на похлёбку заработают.

Кутузов тоже занят. Я, оказывается, присвоил ему звание фельдмаршала ещё весной, но забыл подтвердить это соответствующей бумагой. Но в ту ночь, проведённую за коньяком и разговорами о прошлом, которое, скорее всего, не станет будущим, Михаил Илларионович напомнил. Вообще забавно было наблюдать, как сквозь хитрую и циничную натуру опытного военачальника и царедворца то и дело проглядывала святая простота Мишки Варзина. И умудряются как-то уживаться вдвоём в одной голове! Зато и должность им определил тоже на двоих – пусть командуют всеми сухопутными войсками, подчиняясь напрямую только императору. И всё, пропал старый друг, целиком окунувшись в новые заботы, даже предстоящее сражение с английским флотом его не интересует.

Зато неприятельскими кораблями живо интересуется другой человек. Причём не с точки зрения их боевого применения, а исключительно с коммерческой. Гавриилу Романовичу Державину поручено произвести точный подсчёт понесённых нами потерь, оценить их в материальном выражении, не принимая во внимание какую-либо амортизацию, и озвучить сумму компенсации, которую необходимо истребовать с Англии и Швеции. Сомневаюсь, конечно, что Туманный Альбион требование хотя бы заметит, не то что удовлетворит, но уж Стокгольм расплатится за всё сполна! Заранее сочувствую, но, увы, не смогу ограничить полёт творческой мысли поэта.

– Тридцать пять сажен по два с полтиной... да помножить на... и отнять восемь... – бормотал Гавриил Романович, разглядывая эскадру в подзорную трубу. – Да и то если не сгорят... Ваше Императорское Величество, кругом одни убытки!

– И что же?

– А нельзя ли хоть что-нибудь захватить неповреждённым? Иначе стоимость дров никак не компенсирует затраты на...

– Экий вы меркантильный, господин Державин. – Кулибин, копавшийся неподалёку в механизме самого странного вида, укоризненно покачал головой. – Вдруг ничего не получится?

– У вас?

– Вот только давайте обойдёмся без лести, Гавриил Романович. – Механик вздохнул и оглянулся на обвисший конус ветроуказателя. – Посвежело бы скорей, что ли.

Нужный ветер задул только к обеду следующего дня. Но перед этим корабли неприятельской эскадры предприняли попытку обстрела укреплений. Скорее даже обозначили её, чем действительно бомбардировали. Так, бросили около полусотни ядер, получили в ответ сбитую мачту у «Дифайянса» и небольшой пожар на «Элефанте», а затем ушли – легли в дрейф вне досягаемости наших пушек. Что-то господин Нельсон совсем решительность потерял. Или собирается бросить безнадёжное предприятие, опасаясь удара с тыла от переброшенного на Балтику Черноморского флота? Если так, то сэр Горацио глубоко неправ – я хоть и слышу немного сумасшедшим, но не настолько, чтобы посылать Ушакова в сомнительную экспедицию вокруг Европы с непредсказуемыми итогами. Сами отобьёмся как-нибудь... с Божьей помощью. Да, вот она сейчас совсем не помешает.

– Шибче, шибче качай! – Кулибин покрикивает на помощников, мехами нагоняющих горячий воздух в огромный полотняный шар. – Пошевеливайтесь!

Боцман Котофеев, предложивший всю эту авантюру, в ответ весело скалит зубы и сильнее нажимает рычаг. Пускай посмеётся, скоро плакать будет. Шёлк на одноразовый аппарат пожалели, а промазанная рыбьим клеем тонкая льняная ткань гораздо тяжелее и расправляется неохотно, так что качать и качать, пока руки не отвалятся. Наполнилось хоть немного? Вроде поднимается потихоньку...

Я не вмешиваюсь в процесс. В моём представлении воздухоплавание – это самолёты, а тут... рахитичный аэростат заграждения. Но что-то же должно получиться?

– Пошла родимая! Какого... и кто... мать? – Кулибин в своей стихии и некоторыми выражениями смог бы вогнать в краску даже лошадь.

Удивительно, но так его понимают лучше – помощники бросили качать меха и надели горловину приподнявшегося над землёй шара на трубу, идущую от большой железной печки. Граф, не доверяя никому, лично шурует в топке длинной кочергой.

– Крепи верёвки! Осторожней, идолы!

Через полтора часа надувшийся пузырь рвётся вверх так, что швартовые концы, удерживающие аппарат от преждевременного старта, натянуты и гудят не хуже струны. Иван Петрович обращается ко мне, от избытка чувств перейдя на крик:

– Командуйте, Ваше Императорское Величество!

Не сказать ли подходящую случаю речь? Наверное, не стоит, а то, не приведи Господь, ветер за это время переменится. Обойдёмся, пусть потомки сами для своих учебников исторические афоризмы придумывают.

– Отпускай!

По канату ударил топор, и шар взмыл в небо, потянув за собой несколько привязанных бочек. Кроме них поднималось ещё кое-что.

– Дёргай! – заорал Кулибин. – Лебёдки держите! Отцепились?

– Седьмой застрял!

– Давай ещё раз, ну?

– Есть, Ваше Сиятельство!

Кто-нибудь в детстве запускал воздушных змеев? Красивое зрелище, я вам скажу. Особенно когда их два десятка, все здоровенные, покрашенные яркими красками... Грязные английские паруса на этом фоне никак не смотрятся.

Боцман выглядел довольным:

– А я говорил, что получится! Второй и восьмой ещё стравите, черти! Что, не видите, отстают от всех?

– И последний, – с беспокойством сказал Кулибин, наблюдая, как поднятые шаром змеи утягивает в сторону вражеской эскадры. – Ну что, государь, скоро начнём?

– Тебе виднее.

Эх, нет во мне таланта товарища Шпанова, чтобы достойно описать дальнейшее. Сначала механическая гильотинка с часовым заводом перерезала что-то, держащее чего-то ещё (даже не знаю, что именно, так как заумные объяснения Ивана Петровича толком не понял), и бочки взорвались в воздухе, пролившись огненным дождём в опасной близости от английских кораблей. Промажнулись... Не больно-то и хотелось! Следом посыпались снаряды со змеев. На каждом было по десятку, и почти все раскалывались от удара об воду, оставляя большие горящие кляксы, сносимые ветром к эскадре Нельсона.

Державин, явившийся продолжать подсчёты, возмутился:

– Вы же всё сожжёте!

– Может быть, чего останется, – пожал плечами Кулибин.

– Нет, они уходят! – Гавриил Романович отнял от глаза подозрную трубу и посмотрел на меня с обидой ребёнка, которому посулили новую дорогую игрушку, но обманули. – Они же уходят, Ваше Императорское Величество!

– Вот и замечательно. Неужели вы ждали чего-то другого?

– Но как же? Но зачем тогда всё это? – Главный фискал Российской империи показал рукой на лебёдки, на дымящую печку, на небо, в котором исчезал наш воздушный шар. – Разве не для того, чтобы вынудить к капитуляции? Просто прогнать?

– Сражения, дорогой мой Гавриил Романович, выигрываются не фокусами, а... – Тут я запнулся, не в силах подобрать слово.

– Но всё же – зачем?

– А как Александр Васильевич Суворов говорил? Удивил – значит победил!

– Мы удивили?

– Разве не заметно?

Корабли, окутавшиеся парусами, спешили поскорее уйти от расплывшегося по воде огненного пятна. Некоторые так торопились, что сталкивались, а особо невезучие сцеплялись снастями, вызвав одобрительные крики со стороны наблюдающих за бегством русских моряков и артиллеристов.

Это хорошо, но где же оно? Нет, не так – ОНО! И почему эти деревянные корыта такие медлительные? Впору самому бежать по волнам, подобно героине Александра Грина, и подталкивать англичан со шведами в корму. Или пинками подгонять. Ну... ну где же?

И тут же, будто отвечая на неслышимый вопль, у борта одного из шлюпов поднялся столб воды и облако густого белого дыма. Жалко на такую мелочь тратить... Ага, второй, на этот раз линейный корабль. «Сент-Джордж», кажется. И ещё... Нет, не зря поставили на кон последний рубль, потратив почти все запасы пороха. Зато теперь фарватер Южного канала на пути отступления неприятеля напоминает тарелку с пельменями. Ну да, обыкновенные морские мины, изобретённые черт знает когда и черт знает кем. Взрываются, правда, через раз, но в данном случае качество компенсировали количеством – были старые запасы, так и не установленные в мирное время по обыкновенному разгильдяйству, новых добавили. Кулибин с Ловицем над начинкой тех и других немного поколдовали, вот и набралось. Это не Финский, это мой залив, и что хочу с ним, то и делаю! И незачем всякой сволочи по нему плавать! Плавать, господа ревнители морских традиций, именно плавать.

– От флагмана отвалил баркас, Ваше Императорское Величество, – доложил боцман Котофеев. – Сей же час пристанут. Прикажете расстрелять?

– Это всегда успеется. А что за баркас?

– Шестивёсельный. А ещё там офицер с белым флагом.

– Никак капитулировать собрались? Экие проказники! – Я посмотрел на Кулибина. – Сходил бы, Иван Петрович, узнал, что им надобно.

– А если они не захотят со мной разговаривать?

– С целым графом?

– Ну и что? К царю же едут, а не к графу.

– Да откуда же узнали, что я тут?

Механик ткнул пальцем вверх:

– А штандарт чей висит?

По уму самому бы поговорить, но, боюсь, не удержусь и прикажу повесить парламентёров на ближайшем столбе. Это только внешне выгляжу спокойно, пристойно, иногда даже весело, но внутри кипит скопившаяся злость и требует выхода. Срывать её на своих? Хватит, было уже такое и едва не закончилось апоплексическим ударом табакеркой в висок. Хотя там и других причин куча, но именно эта послужила поводом и моральным оправданием для многих

заговорщиков. Нет, свои, они и есть свои, их нужно любить, холить и лелеять. В определённых пределах, разумеется.

– Ну? – Под требовательным взглядом Кулибин поёжился, тяжело вздохнул и ушёл. – Давно бы так.

Отсутствовал граф долго, видно, дожидался, пока англичане причалят, но через час вернулся с самым виноватым видом:

– Англичане отказываются разговаривать со мной, государь, и просят вашей аудиенции.

– Так сюда приведи.

– Я звал.

– И что?

– Не идут, боятся. Даже на берег не вылезают.

Угу, мне бы тоже на их месте было страшно вылезать – парламентарёры, конечно, лица неприкосновенные, но по недавнему указу любой англичанин, ступивший на землю Российской империи, объявлялся вне закона. Вооружённый считался разбойником и подлежал немедленному уничтожению, а безоружных нужно было отправлять в суд, где они получали по десять лет исправительных работ. В зачёт срока шло только рабочее время... Сурово, но... но справедливо.

Ладно, этих придётся отпустить. В смысле, пропустить беспрепятственно ко мне и дать потом уйти, так как пойти самому – урон государственному престижу.

– Гавриил Романович, у тебя бумага и чернила с собой? Ага, вижу, что есть. Выпиши англичанам пропуск.

– А как его писать?

– Кто у нас здесь писатель? Как хочешь, так и пиши.

Державин кивнул и зачеркал пером по листу, иногда в поисках вдохновения почёсывая затылок. Через несколько минут закончил, улыбнулся и прочитал вслух:

Преотвратнейшим канальям
Обещает государь,
Что сегодня не повесит,
Не сошлёт в Сибирску даль.
Даже на кол не посадит,
Не велит четвертовать,
Чтобы впредь премерзки твари
Зареклись бы воровать.
Пусть идут, не тронем вовсе,
Нам сие невместно есть.
И живыми взад отпустим,
В том порукой – царска честь!

– Изрядно, Гаврила Романович! – Восхищённый Кулибин изобразил рукоплескание. – Только вот поймут ли?

– Как хотят, так пусть и понимают, – отмахнулся Державин. – Изволите поставить подпись, Ваше Императорское Величество?

Признаюсь, ожидал более представительных парламентарёров. Там что, адмиралы закончились? Или эти помоложе и, соответственно, понаглее будут? Англичанин смотрит с вызовом, будто делает одолжение присутствием, козёл душной... Швед, наоборот, глаза прячет. Ну да, он же представитель недавнего союзника, предательски ударившего в спину. Такое трудно простить, и на его месте любой будет чувствовать себя неловко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.